

Юрий

Толдыков

ЛЕЗГИНКА
НА ЛОБНОМ
МЕСТЕ

Юрий Поляков

**Лезгинка на Лобном
месте (сборник)**

«АСТ»

2014

Поляков Ю. М.

Лезгинка на Лобном месте (сборник) / Ю. М. Поляков — «АСТ»,
2014

Публицистика Юрия Полякова, так же как и его художественная проза, всегда вызывала бурный отклик читателей и явное недовольство властей. Прочтя эту книгу, вы сможете не только приобщиться к острой, неординарной мысли писателя, оценить его афористично-иронический стиль, но и убедиться в том, насколько в своих прогнозах и предвидениях автор опережает текущий момент. Кстати, используя в наших политических спорах некоторые словечки и выражения, мы даже не подозреваем, что попали они в современный язык из статей Юрия Полякова.

© Поляков Ю. М., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Предисловие автора	5
Десовестизация	8
Томление духа	8
И сова кричала, и самовар гудел...	16
От империи лжи – к республике вранья	19
«Готтентотская мораль»	22
Смена всех	25
Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!	28
Россия накануне патриотического бума	31
Зрелище	35
Паруса несвободы	38
Гайка – оружие демократа	43
Дурное предчувствие	46
Грешно плевать в чудское озеро	49
Наши гостомыслы	52
Кто такие гостомыслы?	52
Без порток, но в джинсах	53
Портрет Дориана Грея	54
Насчет клубнички	55
Последнее прибежище	55
Человек перед урной	57
Зачем человеку одна голова, а орлу две?	60
Десовестизация	64
Невольный дневник	69
От автора	69
1997	70
Право на незнание	70
Писарчуки	71
Собчачизация	72
Дети «Артека»	72
Стул президента	73
1998	75
Новый год как зеркало русской революции	75
Не возвращайтесь, Владимир Семенович!	76
В помощь сочинителям гимнов	77
Еврофаковцы	78
Виртуальная кровь	79
Нью-застой	79
Отверженные	80
Геополитическое похмелье	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Юрий Поляков

Лезгинка на Лобном месте

Предисловие автора

Когда я был начинающим читателем, меня огорчало, что в собраниях сочинений классиков следом за любимыми произведениями идут зачем-то тома с публицистикой. «Не могу молчать!» Эх, Лев Николаевич, лучше бы помалкивал и сочинял продолжение «Войны и мира», а то ведь так и не рассказал, как Безухов стал декабристом, а Наташа поехала за ним в Сибирь. Или – Пушкин! Сколько наш гений потратил сил на газетные перепалки с Булгариным, а «Египетские ночи», отраду отроческого эротизма, так и не закончил. Жаль... Только с годами я понял, какое это увлекательное чтение – публицистика былых времен. Она доносит до нас бури и страсти минувшего, нравственные искания и политические сшибки, сотрясавшие людей, давно умерших, и страны, давно исчезнувшие с карт! Нет, это не прошлогодний снег, скорее, некогда раскаленная, а теперь застывшая лава. И ее прихотливые нагромождения странно напоминают ландшафт нашей нынешней жизни. Впрочем, ничего удивительного: проклятые вопросы и бездонные проблемы мы получили в наследство вместе с нашей землей, историей, верой, вместе с супостатами – внутренними и внешними. Прочтешь порой какое-нибудь место из «Дневника писателя», глянешь в телевизор, послушаешь очередного вольнонаемного охмурылю и ахнешь: «Ну, Федор Михайлович, ну, пророчище!»

И все же: почему поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счеты со временем при помощи, скажем, могучей эпопеи, разительной поэмы или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты, как олигархи растащили общенародную собственность? А ведь есть еще эпиграммы, памфлеты и антиутопии, позволяющие от души поквитаться с неудовлетворительной действительностью. Но литераторы, в том числе автор этих строк, продолжают писать статьи. Почему? А потому, что процесс художественного творчества долог, сложен, противоречив и непредсказуем. Да и само влияние художественного текста на общество неочевидно и ненадежно, напоминает скорее поддерживающую терапию или даже гомеопатию. А что делать, если требуется молниеносное врачебное вмешательство – тот же прямой массаж сердца? Ведь случаются события, от которых, как пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущенный», когда хочется отхлестать гнусную рожу действительности наотмашь, вывалить политикам, соотечественникам, самому себе все и сразу, пока не остыл, не забыл, не перекипел, ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив...

Кстати, реакция общества и власти на актуальные публицистические высказывания гораздо острее и болезненнее, нежели на художественно упакованные инвективы. Иные начальники государства даже испытывают пикантное возбуждение, узнавая себя в цветистых сарказмах романиста. Но не дай бог заикнуться о том же самом в газете: старуха Цензура тут же заточит свой синий карандаш. 6 октября 1993 года «Комсомольская правда» опубликовала мою статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», осуждавшую расстрел Белого дома. Все антиельцинские издания были к тому времени запрещены, и моя статья оказалась единственным в открытой прессе протестом против утверждения демократии с помощью танковой пальбы по парламенту. Между прочим, стократ проклятые за жестокость большевики Учредительное собрание всего-навсего распустили. Почувствуйте разницу!

В итоге «Комсомольскую правду» тоже закрыли. Правда, на один день. Потом одумались и открыли. А меня занесли в какой-то черный список, из которого вычеркнули только при Путине. Не могу сказать, что это сильно омрачило мне жизнь, хотя, скажем, из школьной программы разом вылетели мои повести, из энциклопедий исчезла всякая информация обо мне.

А «Литературная газета», где я прежде был любимым автором, закрыла передо мной редакционные двери до скончания века, точнее, до 2001 года, когда меня призвали туда главным редактором. Нет, я не жалуясь, а хочу обратить внимание на то, что любая власть борется с инакомыслием одинаково: начинает с замалчивания, а заканчивает замачиванием.

В мае 94-го в той же «Комсомольской правде» было напечатано мое эссе «Россия накануне патриотического бума». Друзья и недруги решили, что я повредился в уме от политических треволнений. В самом деле, в то время слово «патриот» стало почти бранным, а теледикторы, если и произносили его, то с неременной брезгливой судорогой на лице. Не знаю, откуда взялась уверенность, что строить новую Россию нужно на фундаменте стойкой неприязни к Отечеству, но могу предположить: идея исходила от тех политических персонажей, которые видели в «новой России» лишь факторию для снабжения цивилизованного Запада дешевым туземным сырьем. С патриотизмом боролись так же истово и затейливо, как прежние воинствующие безбожники с религией. И так же безуспешно. Мой прогноз оказался верен: сегодня патриотизм опять в чести, государство финансирует дорогостоящие программы по воспитанию отчизнолюбия, на автомобилях развеваются георгиевские ленточки, кудрявые эстрадные попрыгунчики снова запели о русском раздолье, а те же самые теледикторы артикулируют трудное слово «патриотизм» с тяжким благоговеньем. Но почему, почему же у меня никак не исчезнет ощущение, что живу я все-таки в фактории, занимающей одну седьмую часть суши?

Когда в 97-м я впервые собрал воедино статьи, написанные в течение десяти лет и разбросанные по газетам-журналам, у меня получился своего рода невольный дневник. Именно дневник. Во-первых, я живо откликался на все значительные события и происшествия, вторых (это главное!), всегда был искренним в своих суждениях. А искренность в писательской публицистике встречается не так уж часто, хотя, казалось бы, именно откровенностью интересен литератор. Лукавство – это, скорее, трудовой навык политика. Впрочем, по моим наблюдениям, число профессионально неискренних писателей неуклонно растет, это, наверное, какая-то мутация, вроде клопов с запахом «Шанели». И нынче редкий столп общества или вечнолояльный деятель культуры отваживается свести в книгу и представить на суд читателя свои статьи именно в том виде, в каком они увидели свет двадцать, десять или пять лет назад. Для этого надо верить в то, что твоя деятельность не была противоречива до идиотизма или изменчива до подлости.

Я же не боюсь предстать перед читателем в изменчивом развитии, ибо заблуждался не в поисках выгоды, а если обольщался, то от бескорыстной веры в торжество справедливости и здравого смысла, который побеждает обычно в тот момент, когда башня, сложенная из нелепостей, падает на головы строителям. За минувшие два десятилетия я выпустил несколько сборников публицистики, и по названиям можно проследить, как менялись настроения, симпатии и устремления автора. Судите сами: «От империи лжи – к республике вранья», «Порнокрапия», «Россия в откате», «Зачем вы, мастера культуры?»... И вот теперь – «Лезгинка на лобном месте». Готовя тексты к печати, я лишь исправил ошибки, неточности и погрешности стиля, объяснимые жгучей торопливостью, но оставил в первоизданном виде все прочее, хотя мне и неловко за иные тонкоголосые пророчества и наивные суждения. Зато некоторыми моими прогнозами и оценками я горжусь, как поэт гордится метафорой, такой яркой и внезапной, что соперникам по джигитовке на Пегасе остается лишь завистливо цокать языками.

И последнее замечание. Публицистика необходима писателю еще по одной причине. Статьи, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить лишний пар – социальный гнев, ярость оскорбленной нравственности, мимолетную обиду на подлость эпохи, тоску бытовых неурядиц. Это важно, ибо настоящий художник не должен валить в свое произведение шелуху сиюминутности, он обязан отбирать осмысленные зерна жизни. Ныне появились многочисленные литераторы, которые с помощью сочинительства лечат себя от ночных кошмаров и социального уныния, но, увы, чтение их текстов мало чем отличается от визита к

дантисту, подрабатывающему проктологом. Да, художник имеет право на пристрастие, но без гнева. Он должен попытаться понять всех, ведь у самого последнего негодяя есть своя правота перед Богом, а у самого нравственного человека – свои помрачения сердца. Но об этом – в моих романах, повестях, пьесах...

Август 2013 г., Переделкино

Десовестизация

Томление духа

«Я выросал в глухое время...» – это сказано обо мне и моем поколении. Мне – тридцать три. Разберем, как говорят аппаратчики, по позициям. Десяток лет спишем на период розовощекой детской невинности. Три года совпали с перестройкой. Двадцать точнехонько укладываются в эпоху застоя. К ним, этим двум десятилетиям, очень подходит строчка из Писания «Суета и томление духа». Томление духа. Было оно, было томление духа. Была бы одна только суета – и говорить что-либо нынче посовестился бы!

Очевидно, нельзя зачеркивать целые поколения только лишь потому, что жили они в кровавые, несправедливые или вымороченные годы. Человека можно обречь на бессмысленную суету, но заставить считать свою единственную, неповторимую жизнь бессмысленной, к счастью, невозможно. Увы, именно на эту особенность людских душ всегда рассчитывают разного рода пакостники, выдающие себя за творцов истории: мол, будут людишки свои прожитые годы оправдывать и нас заодно оправдают...

Смертная чаша сталинского террора миновала мое поколение. Мы не видели физического уничтожения инакомыслящих, но мы видели другое. Вот могучий столоначальник взглянул на своего ершистого молодого подчиненного и, покачав головой, промолвил: «Товарищ не понимает...» Но это еще полбеда, хотя и ее иным хватало на всю оставшуюся жизнь. А вот если о твоих мыслях и разговорах сказано: «С душком!» – это уже настоящая беда. О, эти деятели с чуткими политическими носами! Скольким моим ровесникам они сломали хребты!

Это в моем поколении появились бичи с высшим философским образованием и со своим собственным, никому не нужным взглядом на мироздание. Это в моем поколении появились воины-интернационалисты, которые сегодня вынуждены оправдываться, что недаром проливали кровь на чужой земле, хотя оправдываться должны не они, а те, кто их посылал. Это в моем поколении появились рабочие парни, проникающиеся чувством пролетарской солидарности только в очередях за водкой. Это в моем поколении начался исход творческой молодежи в дворники и сторожа. Это в моем поколении явились миру инженеры-шабашники, которые, перекуривая на кирпичах возле недостроенной фермы, спорили о вполне реалистических, но совершенно нереальных тогда планах перестройки экономики. Это в моем поколении завелись преуспевающие функционеры, те, что, отдремав в очередном президиуме и воротившись домой, любили перед сном перечитать избранные места из ксерокопированного Оруэлла, приговаривая: «Во дает, вражина! Один к одному...»

Тем временем социализм становился все более развитым, а единственный привилегированный класс – дети – все более заторможенным. Все эти годы бессмысленно расходовались не только природные богатства страны, но и духовные ресурсы нации. Хочется верить, что второе, в отличие от первого, восстановимо.

А. Блок писал некогда о «тайной свободе». Применительно к моему поколению я бы говорил о «кухонной свободе». Ведь сознаемся: многое из того, о чем пишут сегодня газеты и журналы, было нам известно и служило издавна предметом горячих кухонных споров. Генералиссимус никогда не был для нас великим стратегом, Раскольников и Чайнов никогда не были преступниками, Жданов никогда не был выдающимся «организатором культурной жизни страны», коллективизация никогда не была «героической страницей истории социалистического строительства». Если б мы ничего этого не ведали, то у нас сейчас была бы не Гласность, а, например, Осведомленность.

Некоторые товарищи опасаются, что «чрезмерная» гласность приведет молодежь к непочтительности и даже нигилизму. Не волнуйтесь, дорогие товарищи! Гласность воспитывает именно уважение к устоям, а непочтительность происходит от той закамуфлированной под передовую идеологию белиберды, которой с лихвой хлебнуло мое поколение. Поэтому, наверное, отличительная черта моего ровесника – ирония. А что вы хотите, если любой доклад тогдашнего пятизвездочного лидера по содержанию и исполнению был смешнее всякого Жванецкого?!

Блистательный щит иронии! Мы закрывались им, когда на нас обрушивались грязепады выпрненного вранья, и, может быть, поэтому не окаменели.

Со временем, думаю, выйдут в свет сборники анекдотов и черного юмора – свидетельства горького народного оптимизма. Надеюсь, что они собраны, по крайней мере, компетентными органами, и мы убедимся, с каким мужеством и блеском люди отстаивали свое право не верить в директивную ложь, не любить придуманных героев, не восхищаться несуществующими победами... Я даже вижу будущую монографию о том, почему трилогию «Малая Земля» – «Возрождение» – «Целина» народ гениально окрестил «Майн кайф»...

Еще со школы помню: загнивавшей дворянской молодежи была свойственна «вселенская скорбь». Мое поколение страдает «вселенской иронией». Но ведь энергия духа, ушедшая на разрушение миражей, могла пойти на созидание! Ирония вполне может быть мировоззрением отдельных граждан, деятелей культуры, даже ответработников (кстати, среди них я чаще всего встречал ироничных людей). Но ирония не может быть мировоззрением народа! Она не созидательна. Не потому ли у нас сталкиваются или горят пароходы, сходят с рельсов поезда, заливаются недавно принятые комиссией дома, что живем точно не всерьез? Хирург не должен с inferнальной улыбкой залезать к нам во внутренности, учитель не имеет права с двусмысленной усмешкой внушать идеалы, в которые сам не верит, офицеру негоже, видя, как бесильно извивается на перекладине доходяга-призывник, цедить с ухмылкой: «Вот ЧМО, что от него ждать»... ЧМО – это человек Московской области. Научно выражаясь, аббревиатура.

Общество жалуется, что выросло поколение с несерьезным отношением к труду, к окружающим людям, к прошлому... А если вознаграждение за труд дает человеку лишь бескрайние возможности вставать в любую очередь за любым выброшенным в торговую сеть дефицитом? А если ближний твой воспринимается прежде всего как конкурент в трудном деле обретения этого самого дефицита, и, может быть, именно поэтому люди разучились улыбаться друг другу? А если в системе сервиса на одну условную единицу услуг мы получаем десять единиц безусловного хамства? А если диалектический закон отрицания состоит прежде всего в том, что каждый вновь назначенный столоначальник полностью отрицает своего предшественника, снятого с должности и строго наказанного персональной пенсией всесоюзного значения? Откуда взяться серьезному отношению?!

Вы когда-нибудь видели, скажем, в обкоме партии портреты первых секретарей, допустим, за последние пятьдесят лет? Чтобы висели в хронологическом порядке, с указанием заслуг и промахов. Если снят – за что? Если повышен – почему? Лично я таких галерей ни в обкомах, ни в горкомах, ни в райкомах не видел. Может быть, боимся: вывесим их всех рядком-ладком и получится что-то вроде истории города Глупова...

Впрочем, если говорить без иронии, корни этой безликой истории уходят гораздо глубже. Сколько десятилетий вся предшествующая философия толковалась только как постамент под скульптурную группу – «Маркс и Энгельс читают первый номер “Новой рейнской газеты”», вся предшествующая литература – как пробы пера в поисках метода социалистического реализма, вся предшествующая история – как учебные стрельбы перед залпом «Авроры». Гуманитарное образование, полученное моими сверстниками в вузе, можно назвать образованием, лишь не выезжая за пределы Отчизны. Та же ситуация, что и с рублем.

Ладно, бог с ними, с этими излишествами! Но уж историю нашей революции, которая потрясла мир, мы учили как следует! Три этапа освободительного движения в России знаем как «Отче наш». Впрочем, кто ныне знает «Отче наш»...

Да, нам смутно ведомо, что в третьем этапе освободительного движения, ради которого, собственно, декабристы и будили Герцена, кроме большевиков, участвовали еще какие-то партии. Что знает о них мой ровесник, не занимавшийся этим вопросом специально? Знает примерно следующее. Анархисты – заговорщики. Лохматые, бородатые, с тягой к уголовщине. Черное знамя с черепушкой. Требовали, дураки, отменить государство, совершенно не соображая, кто же будет присылать конную милицию, когда народ после матча прет со стадиона. Эсеры (правые) – заговорщики. Косой пробор, рука засунута за борт френча. У их лидера были «глаза бонапартьи», и он бежал от гнева народных масс, переодевшись в женское платье. Не поняли исторических слов знаменитого матроса: «Господа, расходитесь, караул устал!» – и почему-то не могли смириться с роспуском Учредительного собрания, где имели большинство. Меньшевики – заговорщики. Вот он, маленький, суетливый меньшевик выступает на митинге и поначалу даже несколько сбивает отдельных рабочих с толку, но потом на грузовик влезает большевик, передает массам привет от товарища Ленина и под свист и улюлюканье выгоняет оппортуниста с митинга. Эсеры (левые) – заговорщики. Сначала дружили с большевиками. Потом послали некоего Блюмкина убивать посла Мирбаха, а сами тем временем подняли мятеж. Посол убит, мятеж подавлен, партия левых эсеров распущена, а Блюмкин продолжал служить победившему народу на приличных должностях (вплоть до расстрела).

Мой ровесник с высшим образованием, знающий о политической жизни России больше, может с чистой совестью бросить в меня идейно выверенный камень!

А ведь я даже не говорю о каких-то там кадетках, которые, повязавшись салфетками, неопратно жрут цыплят, пьют шампанское, заглядывают под юбки танцоркам кордебалета и рассуждают исключительно про Босфор и Дарданеллы. А их лидера так и прозвали – Милюков-Дарданелльский. Разумеется, заговорщики...

Велика ли честь переиграть в политической борьбе таких дебилов? Кого в конце концов дурачим? Кого унижаем – их, бывших, или нас, настоящих? Почему ярлыки, приклеенные тогда, в запале борьбы за власть, до сих пор приводятся как бездонные в своей историко-философской глубине оценки? Наконец признали, что сокрытие фактов и реалий нашего прошлого нанесло серьезный урон историческому сознанию народа. Но еще больший урон, по-моему, нанесло одурачивание истории или, если хотите, одурачивание историей.

Нынче любят говорить: у истории не бывает сослагательного наклонения. Не знаю, возможно, оно и так, но это никоим образом не должно мешать разбираться в давних аргументах наших соотечественников, придерживавшихся иных взглядов на будущее России и исповедовавших иные социальные теории. Это необходимо сделать, даже если бы наш путь в последние семьдесят лет был усыпан лепестками роз. В этом – вежливость потомков. Но путь-то был усеян не лепестками...

Конечно, проще и легче списать все наши послереволюционные неприятности на ужасный характер генералиссимуса, но поверьте, «задумчивые внуки», восстанавливая старательно порванную нами связь времен, однажды полюбопытствуют: а нет ли какой-нибудь связи между героическим матросом, заботящимся об уставшем карауле, и генсеком, прицеливающимся в делегатов XVII партсъезда из подаренной винтовочки?

Может быть, полезно задать себе вопрос: почему Гражданская война, отгороженная от нас бедами и победами Великой Отечественной, до сих пор не изглаживается из народной памяти? Не потому ли, что от той братоубийственной войны повелось беспощадное разделение на «чужих» и «своих»? На своих, ради которых можно, не задумываясь, отдать жизнь, и на чужих, которых, не задумываясь, нужно лишить жизни. И не это ли разделение стало впо-

следствии нравственной основой сталинских преступлений и изумительного народного единодушия: «Убить, как бешеных собак!».

Мог ли вчерашний южноуральский партизан поверить, что Блюхер – враг и японский шпион? Мог ли вчерашний делегат III съезда комсомола, где блестяще выступал и Н. И. Бухарин, поверить, что он – враг и бог знает чей шпион? Ответу: мог! Мог, если отец двумя десятилетиями раньше мог убить сына, пошедшего с красными. Мог, если женщина могла застрелить своего единственного синеглазого за то, что он остался верен Белому делу. Перечитайте «Родинку» М. Шолохова и «Сорок первый» Б. Лавренева. Эти книги не запрещались, из библиотек не изымались. Человек переводился в разряд классовых врагов и сразу переставал быть человеком. Сначала врагом объявляется тот, кто против нас, потом тот, кто не с нами, потом тот, кто не поспевает за нами, потом тот, кто справа или слева... и так до бесконечности. Нетерпение всегда идет рука об руку с нетерпимостью. Именно это испугало в революции многих русских писателей, но еще совсем недавно их точка зрения квалифицировалась как «мелкобуржуазный гуманизм».

Из террора, какого бы цвета он ни был, народ не выходит обновленным, а только – ожесточенным. Жестокость, какой бы социальной демагогией она ни оправдывалась, остается жестокостью. И еще неизвестно, что от чего больше зависит – средства от цели или цель от средств, с помощью которых она достигается. Нет, я не клоню снова к сослагательному «бы» в истории. Я просто-напросто думаю о том, что даже единственно правильное в конкретно исторической ситуации решение порой может быть причиной будущих бед и трудностей.

Возьмем тот же комсомол. Уже на одном из первых съездов делегаты постановили распустить организации бойскаутов и юных коммунистов как чуждые истинному пролетарскому движению, считая, что комсомол один справится с молодежью. Возможно, тогда это было верным тактическим решением, но в результате сегодня семидесятилетний ВЛКСМ только учится общаться с неформальными объединениями молодежи, только разворачивается к конкретному молодому человеку, скрипя всеми своими структурами и сочленениями. И это понятно: трудно из министерства по делам молодежи, каковым комсомол обязывали быть многие десятилетия, взять и превратиться в боевую, живую, ищущую (ну и так далее) организацию. Тем более что нынешние партийные кураторы суть лучшие представители и воспитанники этого самого министерского комсомола.

Кстати, занимаясь историей комсомола, я совсем недавно смог на своем опыте убедиться, насколько широко распахнуты двери архивов и документохранилищ. Захотел почитать стенограмму того печально знаменитого пленума Цекмола, на котором решалась судьба А. Косарева и его сотоварищей. Выправил бумагу в ЦК ВЛКСМ, пришел в Центральный архив ЦК ВЛКСМ и как кандидат в члены ЦК ВЛКСМ попросил: дайте почитать. А один архивный руководитель мне и говорит: «Вы бы лучше почитали мой материал в “Комсомольской правде”. Что можно – там все есть...» Это называется, попил из реки по имени «факт». Что ж, продавца универмага мы узнаем по импортно-разымпортной упаковке, а архивариуса, видимо, по имеющимся у него в распоряжении дефицитным историческим сведениям. А ведь доступность информации – необходимое условие раскрепощения личности.

Есть у нас и еще одна беда, препятствующая раскрепощению личности. Это заштампованность сознания. Вот я, сравнительно молодой человек, сядя за доклад, допустим к профсоюзному собранию, волей-неволей начинаю его материалами съезда, в середочку вставляю цитату из В. И. Ленина, а заканчиваю документами недавнего пленума. Словами уважаемых основоположников мы перебрасываемся, как мячиками.

Захожу на почту и читаю огромный плакат: «Без почты, телеграфа и машин социализм – пустейшая фраза. Ленин». Про «плюс электрификацию», каковой увешаны все наши ГЭС, ГРЭС и АЭС, я просто не говорю. Вывелся целый вид деятелей, которые, составив обширную картотеку из цитат классиков, могут с их помощью доказать что угодно.

Не верите? Хорошо, допустим, завтра кому-то пришла в голову сумасшедшая идея закрыть все театры. Ликвидировать. Та-ак, смотрим на «Т»: Табак... Талейран... Театры... Вот, пожалуйста, из телефонограммы В. И. Ленина А. В. Луначарскому: «Все театры советуую положить в гроб»...

Другой пример. Общеизвестно, что из всех искусств важнейшим для нас является кино. Хотите, я, опираясь на авторитет основателя нашей партии и государства, докажу, что прогулки на свежем воздухе лучше кино. Пожалуйста. Н. К. Крупская пишет М. А. Ульяновой из Кракова в декабре 1913 года: «...у нас есть тут партии “синемистов” (любителей ходить в синема), “антисинемистов”... и партия “прогулистов”, ладающих всегда убежать на прогулку. Володя решительный антисинемист и отчаянный прогулист...» Не правда ли, довольно убедительно? И пусть потом историки разьясняют, что в телефонограмме сказалось вполне конкретное раздражение Ленина по вполне конкретному поводу. В той же телефонограмме далее следует: «Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте»... Что же касается партии «прогулистов», то это просто шутка, о чем Н. К. Крупская сама и пишет: «Мы тут шутим, что у нас есть тут партии “синемистов”».

Шутка. А сколько неоправданных и непоправимых поступков было совершено в догматическом раже под прикрытием цитат, надерганных только что описанным способом? Этой неизменной ссылкой на классиков как бы демонстрируется такая изумительная преданность идее, что она – преданность – изумила бы даже самих отцов идеи, явись они к нам сегодня. В их округлившись глазах мы были бы похожи на людей, передвигающихся по суше в лодках только потому, что некогда здесь было море...

У меня вообще сложилось впечатление, что стремление всякий раз подкрепить свой поступок цитатой – удобная форма освободиться от личной ответственности. Что-то вроде коллективной безответственности. Мол, если виноват, то не один, вместе с основоположником и наказывайте. Но ведь, совершая Октябрьский, как выражались в те годы, переворот, вся партия большевиков, каждый член РСДРП(б) сознательно или бессознательно брали на себя именно персональную ответственность за судьбу огромной державы, уже отпраздновавшей к тому времени свое тысячелетие. Правда, объективности ради нужно отметить: Россия в ту пору была в кризисе. А вот совсем недавно мы были в предкризисном состоянии. Значит, все-таки прогресс...

Я не насмешничаю, какие тут насмешки, если душа болит и ноет, болит, потому что видишь, как народ выставляется нерадивым исполнителем мудрых решений и указаний. Даже приходится слышать сетования: мол, люди совсем разболтались, совсем вкалывать разучились, надо, мол, усилить воспитательную работу среди трудящихся. Знаете, такой трехсотмиллионный детский сад с корпусом строгих воспитателей! Нынче эпоха узкой специализации. Физик знает физику. Искусствовед – искусство. Инженер – производство. Политик, естественно, должен знать, чего хотят его сограждане. Должен? Как бы не так! У нас выработался особый тип общественного деятеля, который знает, что люди обязаны хотеть. Замечали, наверное, как обыкновенный паренек Вася, выросший у нас на глазах, придя, скажем, на партийную работу, очень скоро начинает снисходительно поучать всех и вся. Стоит ему достичь степеней известных, он автоматически начинает «рубить» во всем, но особенно в сельском хозяйстве и искусстве. Ох, сидит, сидит еще во многих товарищ Жданов, учивший Шостаковича играть на фортепьянах!

Первый секретарь райкома все еще отвечает не перед народом, а перед первым секретарем горкома. Понаблюдайте за собой: в присутствии представителя власти лично я, например, испытываю генетическую робость, к которой еще Иоанн и Петр десницы приложили. И это вместо того, чтобы хлопнуть руководителя по плечу и спросить: «Ну, как дела, Вася? Как ты там отстаиваешь мои трудовые интересы?» Разве можно хлопнуть по плечу государство? Затопчет, как Медный всадник несчастного Евгения...

Однажды я оказался в обществе довольно крупного ответработника. Мы беседовали. Вдруг к нему сквозь частокол инструкторов и референтов прорвалась заплаканная женщина. Как выяснилось потом, у нее серьезно заболел ребенок, а положить его в специализированную клинику нельзя: очередь, как и везде. Женщина, задыхаясь, проговорила: «Помогите...» Потом встретила строгий взгляд, осеклась и забормотала что-то об отставании здравоохранительного комплекса в городе, о нехватке человеко-коек...

Увы, сформировался особый язык, на котором велись да и ведутся разговоры на совещаниях и заседаниях, пишутся статьи и документы. Расскажи на этой «аппаратной латыни», например, про «поворот части стока северных рек» – и вроде бы ничего особенного: наука на переднем крае созидания. А если объяснить это людям человеческим языком – волосы от ужаса встанут, точно черта повидал. И странная же получается вещь: в обычной жизни мы обсуждаем окружающую безалаберщину на общедоступном русском языке, охотно используя самые рискованные выражения, а поднявшись на трибуну или встав на собрании своего родного трудового коллектива, сразу сбиваемся на «номенклатурную латынь», которая нам-то как раз и ни к чему. А что делать, если приучились?

Но аппаратная «латынь» – это лишь отражение заржавевшего мышления огромного управленческого слоя нашего общества. Грустно, что важные мероприятия планируются и обсуждаются на этой самой пресловутой «латыни», в результате очень трудно понять, чем же обернется планов наших громадье в конкретной человеческой жизни. Вот порешили искоренить пагубу «зеленого змия». Очень правильно! Сказали много перестроечных слов, правда в основном на «аппаратной латыни». В итоге: народ отучают пить, точно котенка гадить в домашние тапочки.

Два года назад в соавторстве с классиком нашей кинодраматургии Е. И. Габриловичем я написал сценарий о партийных функционерах районного уровня. Всего-навсего! Сюжет вкратце таков: молодая, энергичная, искренняя женщина, как говорится, замечена и выдвинута на партийную работу, о чем она даже и не помышляла. И вот эта обыкновенная женщина, с трудностями в семейной жизни, решает обновить, встряхнуть райком, десятилетиями играющий в одну и ту же аппаратную игру. Надо ли объяснять, что эта попытка для нашей героини закончилась печально? Печально закончилась и наша с Е. И. Габриловичем попытка: движение принятого и одобренного сценария прекратилось, началось странное торможение, продолжающееся и по сей день. Не знаю, может быть, это наша с мэтром творческая неудача. Ну а может быть, и наоборот: как раз удача тех, кому не хочется, чтобы искусство совало свой нос в таинство механизмов торможения.

Если кто-нибудь вообразил, что для независимо мыслящих деятелей культуры наступила совершенно безоблачная пора, он заблуждается. Искусство одновременно взламывает стереотипы общественного сознания и заменяет их другими стереотипами. Одновременно. Сокрушение рекомендованных и согласованных стереотипов осуществляется коллективными усилиями, индивидуальная трудовая деятельность тут нежелательна. А настоящий художник (извините за трюизм) – это прежде всего индивидуальность. Вот и получается, что только законопослушный автор, написавший некогда монументальное полотно «Нарком Клим Ворошилов на лыжной прогулке», может по команде, с ходу создать триптих «Смерть и бессмертие Николая Бухарина». Для иных деятелей, к сожалению, искусство – это не особая форма постижения бытия, а просто-напросто удобный способ проинформировать власти о своей полной благонадежности.

И еще одна горестная, возможно субъективная заметка: если в застойный период искусству обычно мешала личная тупость того или иного руководителя, то сегодня чаще всего мешает доведенная до абсурда коллегиальность, расцветающая под видом демократизации творческого процесса. Это напоминает решение интимных проблем супружеской пары путем открытого голосования на общем собрании трудового коллектива.

Кстати, раз уж я коснулся сей пикантной проблемы, выскажусь шире. Не хочу, конечно, утверждать, что советское искусство бесполо. Но то, что у него чрезвычайно ослаблено либидо, – это факт. Когда любовь героев переходит от товарищеских рукопожатий и долгих взглядов к совсем не противоправным действиям, от которых получаются дети, автор вдруг как-то сразу тушует, ставит многоточие... Потом героиня в халатике варит кофе и они обсуждают производственные проблемы.

Это ханжество принимается как данность, а ведь у него тоже своя история. Старшие поколения, возможно, еще и помнят, как некогда хорошему писателю М. Арцыбашеву прилепили ярлык порнографа, вычеркнули из истории литературы соответствующие книги С. Малашкина, П. Романова и других. Ну и чего добились? Мой ровесник вынужден изъяснять свои интимные переживания или высоким штилем прошлого века («Я ему отдалась до последнего дня...»), или совсем уж нехорошими словами. Иногда мне думается, что, объявив некогда человека «винтиком», порешили: раз «винтики», то пусть и размножаются штамповкой. Нечего прятаться от революционной действительности в разную там эротику. Формула «Любовь – это страсть роковая» сменилась соображением, что «Любовь – не вздохи на скамейке...». Но это тема отдельной статьи, которую я намереваюсь написать... Хотя почему отдельной?

Разве можно томление духа разложить на темы, пункты, параграфы? Суета и томление духа. Восторг первых лет перестройки миновал. Настало время конкретных дел. Если бы нашли способ превращать смелейшие публикации в высококачественные продукты питания и предметы быта, один И. Васильев кормил бы пол-России, а Н. Шмелев – вторую половину, и мы вели бы уже речь о том, что перестройка в основном завершена. Но такого способа нет и едва ли будет. Есть только один путь: от раскрепощения духа – к раскрепощению созидательной мощи народа, на которой долгие годы висел заржавевший амбарный замок нелепого жизнеустройства.

Да, мы хотим выговориться, нащупать под слоем ила твердое дно, до конца высказать все свои обиды и сомнения, воздать по заслугам (хотя бы словесно!) всем виновникам нашего неуклонного прозябания, хотим, нравится это кому-то или не нравится. Только не уподобиться бы сказочной лисичке, которая, обо всем позабыв, начала с остервенением выяснять, кто помогал, а кто мешал ей удирать от собак: глазки, ушки, ножки или хвостик... Известно, что лисичка эта кончила плохо!

Сегодня главное, по-моему, – перестать наконец суетиться и начать созидать, не пугаясь того, что предполагаемое в перспективе «богачество» трудолюбивых граждан пошатнет устой народного государства. Но томление духа пусть обязательно останется, иначе созидание в любой миг может снова обернуться суетой, новым застоєм.

Хочу повторить, и совершенно сознательно, то, что говорилось не раз и оттого, может быть, немного стерлось.

Мы – продолжатели героической многовековой истории, насельники необъятной территории, обладатели огромных природных богатств, мы совершили невиданную революцию, выдержали страшную войну, повлекли за собой к светлому будущему другие племена... Именно поэтому мы просто не имеем права влачить существование, мы обязаны жить полноценной духовной и материальной жизнью! Это наша дань прошлому, это долг перед будущим. Не знаю, будут ли, «косясь, постораниваться и давать нам дорогу другие народы и государства», но я точно знаю: это горько и нелепо, когда другие народы и государства со снисходительной усмешечкой обгоняют нас, точно новенький «Мерседес» обгоняет разваливающийся дедушкин ЗИС.

У П. Я. Чаадаева есть вопрос, обращенный, полагаю, не только к его современникам, но и к потомкам. Вот он: «Думаете ли вы, что такая страна, которая в ту самую минуту, когда она призвана взять в свои руки принадлежащее ей по праву будущее, сбивается с истинного

пути настолько, что выпускает это будущее из своих неумелых рук, достойна этого будущего?»
Думаю об этом. Думаю неотвязно...

«Литературная газета», октябрь 1998 г.

И сова кричала, и самовар гудел...

Представьте себе, что вы живете на леднике, медленно и необратимо сползающем в пропасть. Правда, шаманы, неся какую-то диалектическую чушь, доказывают, будто родной ледник не сползает, а, наоборот, неуклонно движется вперед и выше, но аборигены-то примечают, как с каждым годом жить становится все хуже и грустнее. Они-то слышали, что где-то там, в долинах, у людей жизнь совсем другая... Но вот выдвинут новый вождь, он решительно открывает своему народу глаза на губительное сползание и призывает, уничтожив ледник, зажить, как и весь цивилизованный мир, на естественной почве, а она – старожилы еще помнят – сказочно плодородна. Итак, диалектические шаманы изгнаны, аборигены долбят лед, а потревоженный глетчер вдруг ускоряет свое скольжение вниз. Плодородной земли пока не видно, а в ушах – свист ветра и слова вождя: «Не волнуйтесь – процесс пошел!» Остается добавить, что ошалевшие аборигены начинают яростно делить свой раскалывающийся ледник, разбиваются по кланам и родам, полагая, будто порознь падать лучше, а может, еще удастся и зацепиться...

Вот такая прозрачная аллегория. Конечно, читатель может спросить: «Выходит, по-вашему, вообще не надо было трогать ледник, занимавший шестую часть суши и лежавший “касясь трех великих океанов”?» Я этого не говорил и не скажу никогда, но я считаю, что, разрушив миф о плодородном леднике заодно с самим ледником, не следует тут же творить новый миф – о счастье падения и распада.

Жертвам компрачиков (я и себя считаю таковым) больно, когда им начинают выправлять изуродованные кости, возможно, даже еще больнее, чем раньше, когда их тела медленно, год за годом гнули в бараний рог. Поэтому, отважившись на такую операцию, вряд ли стоит ожидать слез восторга. Но к социальной хирургии я еще вернусь.

Когда сегодня иной выросший на кафедре марксизма-ленинизма реформатор начинает раздражаться косностью и неразворотливостью народной массы, не понимающей своих грядущих выгод, мне хочется в свою очередь спросить: «А что же, вы не знали, в какой парадоксальной стране начинаете реформы? Вы что же, Бердяева или Чехова не читали? “Вишневый сад”, например:

Ф и р с: Перед несчастьем тоже было: и сова кричала, и самовар гудел
бесперечь.

Г а е в: Перед каким несчастьем?

Ф и р с: Перед волей».

Вот и спорь тут с почвенниками про наш особый путь, если мы умудрились предложить миру даже свой особенный вид военного путча, являющегося составной частью демократического процесса: черные начинают и сразу проигрывают.

Вспомните, весь минувший год о предстоящем перевороте кругом говорили с той усталой уверенностью, с какой обычно говорят о недалеком очередном отпуске. Перебирались имена предполагаемых диктаторов, предугадывались сроки, спорили: отменит хунта талоны на водку или, наоборот, введет сухой закон... А слово «ОМОН» стало означать в русском языке примерно то же самое, что «OMEN» в английском. К этому настолько привыкли, что, когда министр иностранных дел отошел от дел, ссылаясь на грядущий путч, многие отнеслись к его словам как к не очень удачной шутке, с которой один из гостей покидает поднадоевшее застолье.

При всем моем скорбном сочувствии к участи трех погибших парней не могу не заметить, что и Великая Октябрьская социалистическая революция, и Великая Августовская капиталистическая революция имеют одну общую черту: они почти бескровны. Как известно, во время штурма Зимнего поруганных дам из женского батальона было чуть ли не больше, чем

убитых штурмовиков. А бескровность – верный признак того, что интересы людей пока еще не столкнулись по-настоящему. Предприниматель, несущий на баррикаду мешок денег, и владелец кооперативного кафе, доставляющий туда же бутерброды, пока еще не воспринимаются обывателями как классовые противники, да простится мне этот «застоизм», от которого мы, впрочем, никуда не денемся, ведь вместо бесклассового общества будем строить классовое. Я не подстрекаю, я-то как раз отчетливо сознаю: история доказала, что эксплуатация человека человеком эффективнее, нежели эксплуатация человека государством. Но, возвращаясь в лоно цивилизации, хорошо бы предвидеть, что малоимущие, ненавидевшие партократов, вряд ли как родных полюбят тот новый слой общества, который в старину называли скоробогатыми. Маркс тут ни при чем, это – психология.

Я вообще полагаю, что социализм и капитализм – это не столько экономические системы, сколько типы мироотношения, гнездящиеся в глубинах человеческого подсознания. На Западе я встречал немало людей с чисто социалистическим типом сознания, предпочитающих непыльную – разумеется, в их понимании – службу в госсекторе круговерти и надрыву частного бизнеса. «По статистике, среди бизнесменов очень высокая смертность!» – так объяснил мне свое нежелание открывать собственное дело один знакомый британец. А теперь помножьте в уме этот подкорковый социализм на годы насильственной социализации человеческого сознания у нас в стране, и вы получите в уме то, что мы имеем наяву. Нет, я не против рынка, я просто за то, чтобы, отправляясь с сумой на рынок, заранее прикинуть, сколько там будет трудяг, сколько торговцев, сколько празднующихся, сколько карманников... Хотя бы приблизительно!

На мой взгляд, настоящая социальная драма начинается не там, где разгулявшиеся, а то и подгулявшие сограждане рушат обветшалые исторические декорации, а там, где возводятся новенькие, пахнущие свежей краской кущи и начинается распределение ролей. Лепетать «кушать подано», сами понимаете, не хочется никому. Но проблема даже не в том, что две «звезды» из основного состава повздорят из-за главной роли, а в том, что рабочие сцены посреди спектакля вдруг выбегут на сцену и закричат: «А нам – кушать?!»

И вот еще – чтоб закончить про военный путч. Сам для себя я называю его военный пух. «Пух», по Далю, – надувательство, нелепая выдумка. Так вот, нынче много пишут о загадочности, даже inferнальности этого события. Скажу больше: это настоящая тайна, и разгадать ее удастся, может быть, только в следующем веке, когда участники действия сойдут с политической сцены. Да, это тайна, ибо есть секреты, которые большие политики не вещают даже на смертном одре и даже в мемуарах. Именно поэтому они – большие, они сидят в общих камерах одетые во все казенное... Секреты эти тщатся разгадать историки и журналисты по обмолвкам и обрывкам. Но помимо тайн политиков есть еще тайны истории, непонятные до конца даже самим участникам и творцам рассматриваемых событий. И здесь они – творцы – похожи чем-то на фокусника, торжественно достающего из шляпы заранее определенных туда голубей и вдруг обнаруживающего там еще и птеродактиля. А ведь он его в шляпу-то не клал, да и никто вообще не мог положить его туда...

О чем это я? Да все о том же – об ответственности: есть такое почти выпавшее из нашей речи слово. Ныне часто и с гневным удовольствием пишут про самонадеянных, невежественных ребят, выгнанных за неуспешность из гимназий и решивших до основания разрушить не устраивавший их мир. Как говорится, дурацкое дело нехитрое: в обломках этого мира, наскоро оборудованных под жилье, мы с вами обитаем и по сей день. Ведь и перемены начинались для того, чтобы поскорей выкарабкаться из-под этих коммунальных руин. Ведь радовались, что на смену усатым и бровастым сторожам этой исторической свалки пришли новые люди! Почему же сегодня, когда я – уже вполглаза – смотрю по телевизору очередное прение на внеочередной сессии, я опять вижу перед собой все тех же неуспешных гимназистов. Искренних и лживых, умных и глупых, но – неуспешных! Неужели, влетая в большую политику на волне людской

ненависти к подлой жизни, они не понимают, какую ответственность на себя взяли?! Неужели забыли, что выбирают за слова, а убирают за дела!

Знаете, меня очень задел уход из «Огонька» В. Коротича. Не по каким-то личным соображениям – я сотрудничаю с другим популярным журналом. Коротич в данном случае для меня всего лишь символ, знак... Мне за перестройку обидно! Когда ты просто писатель, просто кустарь-одиночка, ты можешь творить и жить где угодно – хоть в Париже, хоть в Марбурге. Твое личное дело. Но если ты стал деятелем, стал одним из тех хирургов, которые вскрыли обескровленное тело больного общества, тогда разговор другой. В конце концов никто в большую политику – а от нее зависят судьбы миллионов – винтовочными прикладами не заталкивает. Оттуда – да, а туда – нет. Так что же это, извиняюсь, за хирург? Мол, вы, мужики, тут без меня дорезывайте, а мне там за СКВ работенку подбросили! Не хочется об этом, а надо: пусть лучше я скажу, чем те «силы», которыми отъезжающие родители страшат в Шереметьево-2 расшумевшихся детей. Меня это задевает еще и потому, что и я сам, смею думать, своими книжками в какой-то мере вострил тот самый скальпель, каковым сделан исторический надрез... А теперь мы стоим над разверстой плотью в недоумении и готовы, как в том анекдоте, замахать руками и закричать: «Ничего не получается, ничего не получается!» И больше всего на свете я боюсь, что какой-нибудь сегодняшний Фирс – миллионы фирсов скажут: «Перед несчастьем тоже было: и сова кричала, и самовар гудел...»

Журнал «Столица», октябрь 1991 г.

От империи лжи – к республике вранья

Человек, сегодня толкующий об упадке общественных нравов, в лучшем случае может вызвать снисходительную усмешку: мол, не учи других жить, а помоги сам себе материально! Выходит, раньше, когда мы влачили существование, у нас оставалось достаточно сил и времени, чтобы поразмышлять о пороках общества. Сегодня, когда за существование приходится бороться, на это нет ни сил, ни времени. И все же...

Если без ностальгических прикрас, то давайте признаемся: до перестройки и гласности наше Отечество было империей лжи. Сразу оговорюсь: это совершенно не значит, будто все остальные страны были эдакими «правда-легендами», но это пусть пишут их журналисты и литераторы. Итак, мы были империей лжи, но заметьте: это была ложь во спасение... Во спасение сомнительного эксперимента, предпринятого прадедушками многих нынешних демократов и бизнесменов, во спасение «всесильной Марксовой теории», оказавшейся неспособной накормить народ, во спасение той коммунальной времянки, которую наскоро сколотили на развалинах исторической России. Нужно или не нужно было спасать – вопрос сложный и запутанный. Полагаю, сидящий в президиуме научного симпозиума и сидящий в приднестровском окопе ответят на него по-разному...

Впрочем, все еще хорошо помнят двойную мораль минувшей эпохи: пафос трибун и хохот курилок, потрясающее несовпадение слова, мысли и дела. Однако это была норма жизни, и сегодня корить какого-нибудь нынешнего лидера за то, что он говорил или даже писал до перестройки, равносильно тому, как если б, женившись на разведенной даме, вы стали бы укорять ее за былые интимные отношения.

Задайтесь вопросом: с какой целью лгали с трибуны, с газетной полосы, с экрана директор завода, ученый, журналист, партийный функционер, писатель, офицер, рабочий или колхозница? Ради выгоды? Но какая тут выгода, если почти все вокруг делали то же самое! В массовом забеге важна не победа, а участие. Да и сама ложь эта скорее напоминала заклинания. Нет, я не имею в виду откровения приспособленцев, которые прежде с гаденькой усмешечкой интересовались: «А вы, случайно, не против партии?» – а сегодня с такой же усмешечкой спрашивают: «А вы, случайно, не против реформ?»

«Но ведь были же еще диссиденты!» Были. Их роль в судьбе России на протяжении нескольких столетий – один из сложнейших вопросов отечественной истории. Трудно ведь давать однозначные оценки, когда историческая личность одной ногой стоит на бронемашине, а другой – на опломбированном вагоне. Поэтому надо бы отказаться от восторженного придыхания, навязанного нам сначала авторами серии «Пламенные революционеры», а потом серии «Пламенные диссиденты», и предоставить делать выводы и переименовывать улицы нашим детям. А поспешность приводит обычно к тому, что, например, в Москве исчезла улица Чакалова, но зато осталось метро «Войковская», названное так в честь одного из организаторов убийства царской семьи.

Нет, я не против реформ и не горюю о рухнувшей империи лжи, я просто констатирую факт, что на ее развалинах возникло не царство правды, а обыкновенная республика вранья. Если огрубить ситуацию и выделить тенденцию, то люди решительно прекратили лгать ради «государственных устоев», взапуски начав врать в корыстных интересах, ради преуспеяния клана, команды, политической партии, родного этноса... Собственно, ложь стала первой и пока единственной по-настоящему успешно приватизированной государственной собственностью...

Сегодня уже вдосталь осмеяно поколение людей, менявших свои убеждения согласно очередной передовой статье. В самом деле, эта готовность искренне разделить с государством его очередное заблуждение у кого-то вызывает презрительное недоумение, у кого-то горькое

сочувствие, а у кого-то даже мазохистскую гордость. Но ирония истории заключается в том, что люди, осмеивающие тех, кто поверил, «будто уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме», сами поверили, что уже нынешнее поколение будет жить при капитализме. Как сказал поэт: «Ах, обмануть меня нетрудно!.. Я сам обманываться рад!»

Стоит ли удивляться, как почти все наши более или менее крупные политики меняют убеждения в зависимости от «погоды». На первый взгляд вообще может показаться, что нас с вами держат за слабоумных. Но на самом-то деле все гораздо тоньше: тотальная опека коммунистической власти привела общественное сознание к инфантилизму, привычке все принимать на веру. А зачем, на самом деле, было анализировать и сравнивать, если от тебя все равно ничего не зависело? Но теперь-то зависит, и многое, а инерция доверчивости осталась. Ею-то очень умело пользуются сегодняшние не совсем честные и совсем нечестные политики. Но иногда они явно перебирают, путая инфантилизм с идиотизмом. Так, например, можно ли себе вообразить, чтобы большевики в пылу борьбы за власть вдруг заявили, что в окружении государя императора затаились монархисты? Нонсенс! Но мы с вами постоянно слышим заявления о том, что в окружении президента полным-полно бывших партократов...

Однако самые яркие образцы индивидуально-утилитарного вранья, пришедшего на смену государственной лжи, мы имеем на телевидении, которое из коммунистического превратилось в демократическое, но, увы, не в смысле долгожданной объективности, а в узкопартийном (опять!) смысле. Честное слово, даже не знаю, что хуже: камнелицей, говорящий без запинки диктор застойного времени или нынешний комментатор, вечно путающийся, но при этом гражданственно морщащий лоб, интимно подмигивающий или inferнально ухмыляющийся?! Но у первого по крайней мере не было выбора: ты говорящий солдат партии и будешь лгать, что прикажут. А новое поколение, такое самостоятельно мыслящее, такое раскованное, даже «Москву – Петушки» промеж правительственных сообщений цитирующее, что же оно? А оно вчера ликовало по поводу шахтеров, бастующих в поддержку демократии, а сегодня так же искренне сокрушается на предмет неразумных авиадиспетчеров, мучающих народ своими нелепыми стачками...

Поймите меня верно: я не наивный романтик и хорошо сознаю, что есть законы политической борьбы, тактика и стратегия, даже разные хитрости... Но уж если мы открестились от большевиков, главным принципом которых была политическая выгода любой ценой и вопреки всяким моральным нормам, то стоит ли в нынешней борьбе за власть пользоваться их «старым, но грозным оружием»? Оно ведь обоюдоострое!

Мне становится очень неуютно, когда я вижу, как пресловутое черно-белое мышление, еще недавно активно использовавшееся в смертельной схватке с мировым империализмом, сегодня просто-напросто переносится во внутривнутриполитическую жизнь. Кстати, не потому ли так легко нашли свое место в новом раскладе именно журналисты-международники? Все ведь, как и раньше, очень просто: правительство поддерживается цветом нации, оппозиция – красно-коричневыми люмпенами. А вот, кстати, и жуткая ущербная рожа, выхваченная камерой из толпы. И эти недочеловеки еще смеют бороться за власть?! Но, во-первых, неадекватных граждан достаточно на любом массовом мероприятии, только проправительственных шизоидов телевизор нам по возможности не показывает. А во-вторых, за что же тогда должна бороться оппозиция – за право делать педикюр членам правящей команды?

Только, ради бога, не надо мне про конструктивную оппозицию! Конструктивная оппозиция – это когда инструктор райкома, сочиняя выступление ударнику труда, вставляет туда парочку критических замечаний, согласованных с обкомом.

Ну а если с высот большой политики спуститься, скажем, в мелкий и средний бизнес, то мы увидим, как эта «тактическая непорядочность» политиков трансформируется в открытое жульничество в наших свежеселеных рыночных куцах. Я, конечно, читал и знаю, что период первоначального накопления всегда связан с криминальными явлениями, поэтому

большое спасибо, если предприниматель придет приватизировать фабрику с мешком ваучеров, а не с мешком скальпов! Да и почему, собственно, деловой человек не должен по дешевке гнать за границу нашу медь, если главная власть этой самой загранице в рот смотрит и давно уже превратила Страну Советов в страну советов Международного валютного фонда? А почему бы мелкому чиновнику за определенное вознаграждение не закрыть глаза на сдаваемый за границу целый полуостров Крым – и хоть бы что!

Человек, сегодня толкующий об упадке общественных нравов, в лучшем случае может вызвать снисходительную усмешку... Но ведь без нравственных устоев, без отказа как от государственной лжи, так и от индивидуально-утилитарного вранья ничего путного у нас не получится. Вместо рынка и процветания слепим грязную барахолку, в центре которой будет стоять игорный дом с теми же черными «персоналками» у подъезда и большим лозунгом на фронто-не: «Верным курсом идете, господа!».

Газета «Комсомольская правда», декабрь 1992 г.

«Готтентотская мораль»

Перед вами – новенький «Мерседес». Будучи плюралистически мыслящей личностью, вы можете оценить это чудо западного автомобилестроения по-разному. Например – в долларах. Или – в лошадиных силах. Или – в количестве нервной энергии, потраченной деловым человеком, чтобы заработать эту валюту. Не исключена оценка в тоннах – в том смысле, сколько понадобилось сплавить за рубеж цветных металлов, дабы мечта о «Мерседесе» материализовалась. Наконец, можно оценивать и по количеству пенсионеров, роющихся в помойках вследствие «преобразований», которые позволили предприимчивому человеку сменить одну иномарку на другую.

Что ж, о «цветущей сложности» жизни писал еще классик. Но если из всего многообразия точек зрения вы облюбовываете и абсолютизируете только одну и только потому, что она вам выгодна, то знайте: такое отношение к миру и живущим рядом называется «готтентотской моралью». Это – этическая система, точнее, антисистема, обладающая колоссальной разрушительной силой, хотя происхождение самого термина – «готтентотская мораль» – даже забавно.

Однажды миссионер спросил готтентота: «Что такое зло?» – «Это когда сосед украл у меня барана», – ответил тот. «Ну хорошо, а что же такое добро?» – «Это когда я украл у соседа барана...» Несмотря на первобытную незатейливость этого миропонимания, а может быть, именно благодаря ей, «готтентотская мораль» все шире овладевает нашим обществом, все глубже проникает в него.

Возьмем, к примеру, самое страшное из всего, что происходит сейчас на нашей земле, – межнациональные войны и конфликты. Если вы попытаетесь уловить логику в предъявлении территориальных претензий, то просто голова закружится. В ход идет все: и затерявшаяся в веках история вхождения того или иного народа в Российскую империю, и нелепые административные границы, нагроможденные неуспешными гимназистами, с горя пошедшими в революцию, и пакт «Молотова – Риббентропа», толкуемый как кому вздумается, и хрущевские щедроты, и автографы, которые в пылу борьбы за власть раздавали уже ныне действующие руководители... Впрочем, логика все же есть – «готтентотская».

С особой грустью смотрю я на экран телевизора. Ведь как нам грезились: лишь падет большевистская цензура – получим мы объективную информацию о времени и о себе. Увы, ленинский принцип партийности (разновидность «готтентотской морали») продолжает торжествовать на ТВ, правда, с обратным политическим знаком. Ну в самом деле, почему я должен узнавать последние новости в версии искромечущего Гурнова или трепетного Флярковского? Я просто-напросто хочу получать информацию, изложенную по возможности телегеничным и обладающим четкой артикуляцией диктором. А выводы я могу сделать сам.

Не знаю, как другим, но мне кажется подозрительным, когда про необходимость референдума о земле на телеэкране говорят, поют и даже пляшут, а противоположная точка зрения дается впроброс, да еще со словами комментатора, точно извиняющегося за «дауна», испортившего гостям ужин. Лично я за реформы и за демократическую Россию в широком смысле этого словосочетания. Но я не понимаю, что такое «враги реформ». Враги народа, что ли? Лично я сторонник рыночной экономики. Но меня берет оторопь, когда симпатичная дикторша вдруг злющим-презлющим голосом начинает говорить о «красно-коричневых люмпенах». Допустим, эти люди не хотят расставаться со своими коммунистическими убеждениями так же быстро, как расстались с ними многие из тех, кто вбивал всем нам в головы эти убеждения, в частности телевизионщики. А может быть, они вообще не хотят расставаться со своими убеждениями? Это – их право. История рассудит. Не будем забывать, что подобное уже было: красные профессора убедительно доказывали, а красные корреспонденты убедительно пока-

звали неспособность крестьянина своим умом понять всю жуткую выгоду колхозов. «Готтентотская мораль» в мире информации – страшное дело!

Другой разговор – авторские программы. Если меня утомит пронзительный взгляд А. Политковского, словно бы подозревающего каждого своего собеседника в тяжком уголовном прошлом, я не стану смотреть «Политбюро», а буду оставаться с «Красным квадратом». Когда же я пресыщусь геополитическим конферансом А. Любимова, то переключусь на «Тему», где и без В. Листьева много достойных и умных людей. Но и в авторских программах хотелось бы более широкого спектра мнений. Например, по-моему, очевиден недостаток передач, сориентированных на формирование патриотических чувств. Нет, не советского патриотизма и не национал-патриотизма, а просто патриотических чувств. Ведь сегодня мы переживаем взрыв национального самосознания, некогда затоптанного силовым интернационализмом. Если этот взрыв оформится в цивилизованное патриотическое сознание – мы обретем колоссальный источник творческой энергии для возрождения Отечества, да и для умиротворения конфликтов. Патриот с патриотом договорится. Националист с националистом – никогда.

Поэтому, когда я вижу на экране эдаких саркастических небожителей, рассуждающих об «этой стране», точно речь идет не об их Родине, а о неведомой территории, заселенной недоумками, мне хочется им по-спикеровски сказать: «Эх, ребята, что-то вы все-таки недопонимаете, несмотря на ваши умные усмешки и тщательную английскую интонацию. (Кстати, хотел бы посмотреть на английского теледиктора, говорящего с русской интонацией!) Именно недопонимаете, ибо человек, не желающий быть патриотом, обречен однажды проснуться в стране, где к власти пришли фашисты...»

Однако вернемся к рассматриваемому нами феномену «готтентотской морали» и посмотрим теперь, что происходит в искусстве, в частности в литературе. Сегодня, когда меняется идеология, идет и переоценка ценностей эстетических. Причем исподволь людям навязывается мнение: раз социально-политические принципы минувшей эпохи обанкротились, то изящную словесность этого времени тоже нужно выбросить в мусоропровод истории. Появился даже тип литературного предпринимателя – организатор поминок по советской литературе. Может быть, эти образованные и неглупые люди просто не понимают, что советская литература не исчерпывается беллетризованными комментариями к партийным постановлениям? Может быть, они не сознают, что место написания романа – Переделкино, Париж или котельная – далеко еще не определяет его художественный уровень? Понимают и сознают, просто тут мы как раз и вступаем в сферу «готтентотской морали».

Я искренне сочувствую иным нашим критикам и литературным активистам: им не терпится освободить ниши в старом «пантеоне», чтобы заставить их своими, собственноручно отформованными кумирами. Во-первых, льстит самолюбию, а во-вторых, обдуть пыль намного проще, чем пристально следить за сложными извивами художественного процесса и давать им честное профессиональное объяснение. Вчитайтесь в критические разборы, публикуемые как в левой, так и в правой печати, и вы заметите характерную «готтентотскую» закономерность: создание новых, посткоммунистических литературных авторитетов часто идет по старому, соцреалистическому принципу. Наш, по-нашему думает, по-нашему сочиняет – «подсажу на пьедестал». Ну а если из чужой команды или вообще какой-нибудь литератор, пишущий сам по себе, – не то что понимания, пощады не жди!

Говоря об этом, не могу не остановиться на одном примечательном факте нашей литературной жизни. Состоялось вручение британской премии Букера за лучший российский роман этого года, и лучшим романистом оказался Марк Харитонов, запомнившийся читателям своей повестью про Гоголя, опубликованной в середине семидесятых в «Новом мире». А в шестерку сильнейших кроме него вошли Л. Петрушевская, В. Маканин, Ф. Горенштейн, А. Иванченко, В. Сорокин. Все эти имена у меня сомнений не вызывают, а вызывают только уважение, за исключением, пожалуй, В. Сорокина, работы которого мне представляются подтянутым

и не очень талантливым розыгрышем как российской, так и зарубежной читающей публики. Хотя, быть может, я и ошибаюсь...

Но какое отношение к «готтентотской морали» имеет премия Букера, спросите вы? Имеет. И дело не в том, кто именно получил премию, хотя я бы на месте высокого жюри, коль уж выбирать из шестерых, поделил бы ее между Л. Петрушевской и В. Маканиным. А дело в том, что все шестеро принадлежат к одному, пусть уважаемому, достойному, но все-таки одному течению отечественной словесности. Конечно же, как люди одаренные, они не похожи друг на друга, но эта непохожесть, по-моему, укладывается в рамки общего эстетического и духовного направления. Только ведь, как я понимаю, наши британские доброжелатели намеревались в трудную годину поддержать всю российскую словесность, а не одно, пусть даже очень перспективное ее направление. Полагаю, учредители премии сами будут огорчены, когда поймут, что эта благотворительная акция вызвала в литературном мире больше недоуменных вопросов, чем слов благодарности. Впрочем, заграничным благодетелям не привыкать: они часто видят свою гуманитарную помощь на кооперативных прилавках и втридорога...

Однако вернемся к нашим отечественным деятелям и госмужам, которые с родной словесностью поступают совершенно «по-готтентотски». Пока они боролись за власть, они охотно пользовались ее извечной тягой к переустройству мира. Но, усевшись в кресла, как-то сразу про нее и позабыли. А может быть, наоборот, – очень хорошо запомнили, на что способна российская литература, возжаждавшая перемен! Во всяком случае, прежде стоял вопрос, может ли писатель на свои заработки содержать семью. Сегодня стоит вопрос, может ли семья на свои заработки содержать писателя. Тоталитарный режим гноил юные таланты в котельных и сторожках – это общеизвестно. Но мало кто знает, что нынче и молодым, и пожилым литераторам гораздо чаще приходится идти в дворники, чем лет десять назад.

«Все сегодня трудно живут!» – воскликнете вы и будете правы. Поэтому не кормления хочет творческий работник, а возможности заработать на прокорм. Как? Нереализованных возможностей много. Вот хотя бы одна. Скажите, пожалуйста, неужели деньги, потраченные на покупку несчетно-серийных рыданий-страданий, после которых чувствуешь себя абсолютным латиноамериканцем, нельзя было пустить на развитие отечественной теледраматургии?

Да что там говорить, если о собственных ученых-атомщиках вспомнили лишь после того, как старшие американские товарищи обеспокоились расползанием ядерного оружия по планете! Об отечественной культуре вспомним, наверное, только в том случае, если атомная бомба бездуховности рванет так, что вылетят стекла и в Кремле, и в обоих Белых домах.

И спросит миссионер русского: «Что такое зло?» – «Это когда сосед украл у меня барана...»

Газета «Комсомольская правда», декабрь 1992 г.

Смена всех

Стыдно. Пожалуй, именно это слово наиболее полно передает то состояние, в котором нынче пребывает любой здравомыслящий человек, если он воспринимает Россию как Отечество, как свой дом, а не дешевую мебелирашку, откуда можно в любое время съехать, прихватив с собой казенный табурет с жестяной биркой на боку.

Мне стыдно, что уже второй раз за одно столетие, ничему не научившись на своих ошибках, мы, борясь против обветшалого политического и экономического устройства, нанесли сокрушительный удар по собственной державе. Это, знаете, как если б человека, страдающего общей слабостью, отлупили до полусмерти, чтобы включить защитные силы организма. Они могут включиться тогда, когда защищать будет уже, увы, нечего.

А минувший год? Стыдно было слушать эти бесконечные «страшилки» про надвигающийся переворот – о чем плели сатирики с эстрады, пели поседельные рок-певцы, зловеще предупреждали массовики-геополитики, предостерегали наиболее чуткие депутаты, многие из которых сегодня деловито перепрыгнули с одной ветки власти на другую. Это, право слово, очень напоминало ситуацию, когда все энергично ищут любовника в доме, забывая только заглянуть в постель к молоденькой хозяйке.

Мне стыдно, что президент устал. Во всех смыслах. Достаточно, даже не обладая специальными знаниями, взглядеться в его лицо, появляющееся на телеэкране. Но особенно мне стыдно, что он устал на манер знаменитого матроса Железняка с его приснопамятным караулом. В те годы тоже, насколько мне известно, не все симпатизировали Учредительному собранию, и его состав многим не нравился. Даже А. Блок, если помните, в «Двенадцати» иронизировал над «учредилкой». Но знаете, бывают такие родинки на коже, некрасивые, даже уродливые, а сковырнешь – и кровь потом ни за что не остановишь.

Мне стыдно за наш разогнанный парламент. Нет, не за его состав, который не более нелеп, чем президентская команда, в значительной степени из этого самого парламента и рекрутированная. Качественный состав и первого и второго органов отражает то помутнение народного сознания, каковое всегда происходит, если из затхлого помещения выбежать на свежий воздух. Мне стыдно, что эти люди, так громко спорившие «о будущих видах России», оказались в критическую минуту абсолютно беспомощны и беззащитны. В их кобуре, которую они так многозначительно оглаживали, пикируясь с исполнительными своими противниками, оказался огурец. А ведь это фактически те самые люди, что в 91-м активно участвовали в августовских играх. Они же отлично знают, как это делается. Они же знают, как подвыпившую массовку можно объявить героическими защитниками, а можно – обнаглевшей чернью и люмпенами. Все зависит от того, кто владеет «Останкином». Да, большую часть парламента нужно было давно выгнать из политики за профнепригодность без выходного пособия! Но разгонять парламент – это совсем другое...

Мне стыдно за нашу отечественную интеллигенцию – она так и осталась советской в самом неизъяснимом и неисчерпаемом смысле этого слова. Как ретиво она начала озвучивать и расцвечивать идею большого скачка в рынок и демократию, даже не озаботившись, чем такая поспешность может обернуться для людей, да и для нее самой! С нравственной точки зрения ухватистые пропагандисты умного рынка и просвещенного фермерства ничем не отличаются от воспевал стальной индустрии и поголовной коллективизации. И для тех, и для этих цена, заплаченная народом, значения не имеет. Более того, будь человеческий век подольше, это вообще были б одни и те же люди! А ведь на самом-то деле главная задача интеллигенции быть нравственным арбитражем властей перестраивающих. Ее задача – помочь правильно установить парусную систему государственного корабля, а не дуть в паруса, лиловея от натуги и стараясь, чтобы их усердие заметил если не капитан, то хотя бы старпом.

Мне стыдно, что в России усиленно раздувается национализм. В России, многонациональной, мешаной-перемешаной революцией, войнами, депортациями, массовыми перебросками молодежи, ехавшей «за запахом тайги»... В России, где население всегда отличалось небывалой широтой положительной комплиментарности, если пользоваться терминологией гениального Л. Гумилева! А попросту говоря, в России никогда не встречали и не провожали по форме носа или цвету волос, а только – по уму и верной службе Отечеству. У меня просто уши от стыда теплятся, когда я слышу по телевизору разные заявления о том, что тот же Хасбулатов чужд русскому народу не в силу политических взглядов, а по причине своего врожденного чеченства. Руслан Имранович никогда не был героем моих политических грез, но когда я слышу такое, у меня возникает вопрос: вы там, в пресс-секретариатах, когда-нибудь думаете? Этого нельзя было заявлять даже в том случае, если б в России было только две национальности – русские и чеченцы. Стоит только начать оценивать политиков с точки зрения национальной принадлежности – и сами не заметите, как политический Олимп превратится в Лысую гору!

Мне стыдно думать о судьбе русских людей, оказавшихся за границей или в горячих точках. В отношении к ним мы ведем себя, как древние римляне периода упадка – «А говорят, на рубежах бои...» Ну и что предпринимает власть российская по поводу попрания их духовных и политических прав? Безмолвствует или витиевато уходит от трагедии. А на самом деле это только кажется, что Жуковка или Барвиха ближе к Москве, чем Нарва или Приднестровье.

Мне стыдно смотреть в глаза пожилым людям, которые подходят на улице к тем, кто побогаче одет, и просят на хлеб. Омерседесить полпроцента населения и завалить города дорогами западными неликвидами – еще совсем не значит влиться в не очень-то дружную семью цивилизованных народов. Страна, где профессор медицины получает меньше, чем подросток, подторговывающий анальгином, обречена. Порядочный политик застрелился бы, узнав, что научную элиту его страны взял, спасая от голода, на содержание зарубежный фонд. Но вместо выстрелов слышны только хлопки шампанского на бесконечных раутах. А когда снова станут актуальными строчки Маяковского «Ешь ананасы, рябчиков жуй...», – те, кто успеет отступить на заранее подготовленные калифорнийские виллы, будут жалостливо объяснять доверчивой западной общественности, что-де дикий русский народ не понял своего счастья и погубил нетерпеливостью замечательные реформы. А доверчивый западный обыватель будет кивать, не догадываясь, что сам бы не выдержал не только нескольких лет, нескольких недель таких реформ!

Мне стыдно смотреть на наших сегодняшних политиков. Начнем с того, что у хорошего политика должно быть лицо семейного доктора, которому вы с легким сердцем разрешите осмотреть вашу жену по самому сокровенному вопросу. А теперь мысленно переберите галерею наших нынешних вершителей. Вопросы есть? Вопросов нет. Впрочем, один все-таки есть: где были наши глаза и мозги?! Я прежде думал, что не бывает ничего более удручающего, чем президиум съезда компартии. Я ошибался... Отличительная черта большинства тех, кто был прежде, – бездарность. Отличительная черта большинства тех, кто сейчас, – бессовестность. Не знаю, право, что и хуже!

Когда на экране появляется политик имярек, уже поработавший на конкретной должности и заваливший все, даже то, что по своей природной особенности и заваливаться-то неспособно, когда он начинает наставлять, как нужно жить и каким курсом вести страну, мне хочется сделать то, чего я никогда не делал: позвонить по контактному телефону и сложносочиненно выругаться! Очень интересно наблюдать, как госдеятель, попавшийся на коррупционерских штучках, подвижнически глядя в телеобъектив, учит меня, грешного, нравственным ценностям! Еще очень хорош внешнеполитический деятель, который с вялым миротворчеством объясняет соотечественникам, что утрата той или иной страной территории – дело житейское и особенно огорчаться тут нечего: ведь планета – наш общий дом и так ли важно, где проходит граница. Французский госмуж, сказавший что-нибудь подобное, например, о Корсике, на

следующий день исчез бы из политики, как плевков с раскаленной каминной решетки. А мы терпим – и первого, и второго, и третьего...

Мне стыдно за себя. Потому что многие из нынешних верховодов, особенно мои ровесники, начинали на моих глазах, и, наблюдая их первые робкие шажки и отлично зная цену этим людям, я только иронически хмыкал, я и представить себе не мог, в какую силу они войдут и в какой беспорядок ввергнут страну, лишь только бы у них все было в порядке, лишь бы зажить поцивилизованнее в своей новой, отобранной у кого-нибудь из «бывших» московской квартире. Подумаешь, что страна сжимается, как шагреновая кожа, главное, что своя жилплощадь увеличивается... Впрочем, что я мог сделать даже тогда, вначале? Ничего. Но все равно стыдно.

Если б я обладал социальной энергетикой настоящего политика, я бы сегодня организовал новую партию с лозунгом «Смена всех!». К руководству страной должны, разумеется, в результате выборов прийти новые люди – порядочные, умные, государственно и патриотично мыслящие, не причастные к «машкерадным» переворотам, обкомовским номенклатурам, гэбэшню-диссидентским играм. Да, лично мне не нужен парламент, который живет с президентом, как кошка с собакой, но мне не нужен и президент, который разгоняет парламент.

А новые люди есть, и если то же телевидение вдруг перестанет быть развязно-однопартийным, то через несколько дней мы убедимся в том, что Россия не оскудела талантливыми и преданными Отечеству политиками, состоявшимися или только готовящимися вступить на это поприще. И если кто-нибудь, прочитав эти строки, захочет воплотить в жизнь мои литературно-политические мечтания и создаст партию с лозунгом «Смена всех!» – я тут же вступлю в эту партию, стану «сменовсеховцем» и начну активную работу на низовом, как говорится, уровне – буду ходить по квартирам своего микрорайона и объяснять людям, что, когда тебе стыдно за свое Отечество, дальше ехать уже некуда. Ради такого дела я, не задумываясь, отложу в сторону рукопись новой повести: она подождет до того времени, когда можно будет наконец «не краснеть душливой волной» за творящееся в России. Пока – стыдно...

Газета «Век», октябрь 1993 г.

Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!

...Под выстрелами толпа любопытствующих дружно приседала. Потом кто-то начинал показывать пальцем на бликующий в опаленном окне снайперский прицел. Били пушки – словно кто-то вколачивал огромные гвозди в Белый дом, напоминавший подгоревший бабушкин комод. А около моста, абсолютно никому не нужный в эти часы, работал в своем автоматическом режиме светофор: зеленый, желтый, красный...

Вечером торжествующая теледикторша рассказывала мне об этом событии с такой священной радостью, точно взяли рейхстаг. Что это было на самом деле – взятие или поджог рейхстага, – покажет будущее. Однако кровавая политическая разборка произошла. В отличие от разборок мафиозных в нее оказались втянуты простые люди, по сути, не имевшие к этому никакого отношения. Я – не политик, я – литератор и обыватель. Мне по-христиански жаль всех погибших. Нынешним деятелям СМИ и тому, что осталось от нашей культуры, когда-нибудь будет стыдно за свои слова о «нелюдах, которых нужно уничтожать». А если им никогда не будет стыдно, то и говорить про них не стоит.

Профессиональное воображение подсказывает мне, какой ад сейчас в душах арестованных. У одних потому, что осознали кровавую цену политического противостояния? У других потому, что хотели большего, а лишились всего. У третьих потому, что представляют себе, как недруги празднуют победу на какой-нибудь правительственной даче. Бог им судья: они сами виноваты, ибо пошли или дали себя повести на крайность, на кровь. Что толкало или подтолкнуло их на это – мы когда-нибудь узнаем. Думаю, произойдет это гораздо раньше, чем полагают многие. Уверяю вас, правда будет отличаться от того мифа, который срочно лепится прямо на наших глазах, как подлинник Ренуара отличается от тех подмалевков, какие продают на художественных толкучках. Не это сейчас главное. Я слушал и участвовал в разговорах людей, толпившихся у Белого дома, на Смоленке, у Моссовета. Правда, в последнем месте от разговоров спорящих часто отвлекала обильная гуманитарная помощь, раздававшаяся прямо с грузовиков. Так вот: того единодушия, которым отличаются комментаторы ТВ, там не было. Большинство склонялось к тому, что виноваты и те и другие.

Противостояния президента и парламента, двоевластия больше нет, но то неоднозначное отношение к происходящему в стране, которое это противостояние символизировало, осталось. От того, что Мстислав зарезал Редедю пред полками касожскими, ничего не изменилось. Как, впрочем, ничего не изменилось бы, если б Редедю зарезал Мстислава... Поляризация в обществе осталась. Поэтому сейчас нужна не сильная рука, а мудрая голова!

Как справедливо заметил Сен-Жон Перс, плохому президенту всегда парламент мешает. Кстати, на улицах об этом тоже немало говорили. В одной группе спорщиков можно было схлопотать за хулу в адрес президента, в другой – за хвалу. Но все сходились на том, что указы, после которых следует кровь, совсем не то, что нужно стране, уже однажды потерявшей в братоубийственной войне лучших своих людей. И кого сейчас волнует, кто из них был белым, а кто красным?

Итак, оппозиция, пошедшая в штыковую контратаку, уничтожена. Закрыты оппозиционные газеты, передачи, возможно, будут «закрывать» неудобно мыслящих политиков и деятелей культуры... Создатели политических мифов не любят оттенков: у врага в жилах должна течь не кровь, а серная кислота – желательно поконцентрированное. Но, надеюсь, даже активист «Демроссии» не будет спорить, что демократия без оппозиции невозможна. Без оппозиции, действующей, конечно, в рамках закона, выражающей свои политические цели, критикующей находящихся у власти. В противном случае можно и ГУЛАГ объявить оппозицией Сталину, да и считать впредь, что его режим был не тоталитарным, а демократическим.

Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!

Конечно, инакомыслящим политикам сейчас трудно высказывать свою точку зрения. Ситуация, когда, говоря словами классика, «где стол был яств – там гроб стоит», – деморализует. И потом, новая оппозиция еще должна оформиться. Не исключаю, что ее будущие лидеры сегодня вместе с Б. Ельциным принимают поздравления, как два года назад вместе с ним же принимали поздравления А. Руцкой и Р. Хасбулатов. Посмотрим.

Я не политик, никогда этим не занимался и, надеюсь, не буду. Я, повторяю, литератор и обыватель, поэтому мне проще говорить об оппозиции. Не о той, что в президиумах, а о той, что в душе. Я хочу воспользоваться неподходящим случаем и сказать о том, что я – в оппозиции к тому, что сейчас происходит в нашей стране. По многим причинам.

Во-первых, потому, что как воздух необходимые стране реформы начались и идут очень странно. Представьте, вы пришли к дантисту с больным зубом, а он, предъявив диплом выпускника Кембриджа, начал сверлить вам этот самый зуб отбойным молотком. Я за рынок и за частную собственность. Но почему за это нужно платить такую же несусветную цену, какую мы заплатили семьдесят лет назад, чтобы избавиться от рынка и частной собственности?

Во-вторых, меня совершенно не устраивают те территориальные и геополитические утраты, которые понесла Россия на пути к общечеловеческим ценностям. Я очень уважаю исторический и экономический опыт США, но я уверен: вас бы подняли на смех, предложи вы американцам решить их социальные проблемы (а их и там немало) в обмен на хотя бы квадратный километр флоридских пляжей. Я уже не говорю о россиянах, оказавшихся заложниками этнократических игр в странах ближнего Зазеркалья. Они-то теперь прекрасно разбираются в общечеловеческих ценностях.

В-третьих, мне совсем не нравится пятисотметровая дубина с бесполом названием «Останкино», которая снова изо дня в день вбивает в голову единомыслие. Ее просто переложили из правой руки в левую, но голове-то от этого не легче. Да и толку-то! Уж как коммунисты гордились «небывалым единением советского народа», а что получилось...

В-четвертых, меня берет оторопь, когда я вижу, в каком положении оказалась отечественная культура, как мы теперь догадались, не самая слабая в мире. Гэкачеписты во время путча хоть «Лебединое озеро» крутили. А нынче в перерывах между разъяснительной работой ничего не нашлось, кроме сникерсов, сладких парочек да идиотского американского фильма, по сравнению с которым наш «Экипаж» – Феллини...

В-пятых, я не понимаю, почему учитель или врач должен влачить нищенское существование, когда предприниматель, детей которого он учит и которого лечит, может строить виллы и менять «мерсы», как велосипеды. Я с большим уважением отношусь к предпринимателям, на износ работающим сегодня в своем сумасшедшем и опасном бизнесе. Я никогда не назову такого человека торгашом или спекулянтом. Это особый и трудный талант. Но ведь человек приходит на землю не только для того, чтобы купить дешевле, а продать дороже! И талантливейший ученый или квалифицированный рабочий, бросившие все и пошедшие в палатку торговать «жвачкой», – это знак страшной социально-нравственной деградации народа.

В-шестых... Впрочем, думаю, и сказанного довольно.

Не знаю, возможно, преодолеть все эти «ужасы», как выражается моя знакомая, президентской команде действительно мешал парламент. Поживем – увидим. Если так, я честно признаюсь, что был не прав, и встану под знамена победителей, хотя, думаю, там уже и сейчас нет ни одного свободного места... Но скорее всего дело в ином: наше нынешнее руководство просто не соответствует тем сложнейшим задачам, которые стоят сегодня перед Россией. А плоскостопие лечить посредством ампутации ног любой сможет. Поэтому, как справедливо говорит президент, нужны новые выборы. А выборы без оппозиции, имеющей доступ к средствам массовой информации, никакие не выборы, а голосование, каковое мы и имели семьдесят лет. Не будете же вы просить девушку выйти за вас замуж, приставив ей пистолет ко лбу?!

Конечно, выйдет, если жить хочет. А потом – спать в разных комнатах, бить посуду и подсыпать друг другу тараканьи порошки...

...От Белого дома гнали кого-то с поднятыми руками. Мимо проносили очередного убитого или раненого. Мальчишки втихаря вывинчивали золотники из колес брошенных машин. А светофор все так же работал в автоматическом режиме: красный, желтый, зеленый...

Газета «Комсомольская правда», октябрь 1993 г.

Россия накануне патриотического бума

Со словом «патриот» за последние годы произошли странные вещи. Уважаемые деятели культуры уверяли нас, будто патриотизм чуть ли не зоологическое чувство, характерное более для кошки, нежели для человека. В газетных шапках различные производные от этого слова появлялись, как правило, в тех случаях, когда речь заходила о каком-нибудь политическом дебоше. Если в просвещенной компании человек лепетал, что социализм, конечно, не мед, но зачем же всю нашу новейшую историю мазать дегтем, как ворота не соблюдевшей себя девицы, – его, морща нос, тут же спрашивали: а не патриот ли он, часом? Наконец, меня просто добил эпизод, когда теледикторша с чувством глубочайшего, доперестроечного удовлетворения сообщила, что, по последним социологическим опросам, патриотов поддерживает всего один процент населения.

Никогда не поверю, что у нас в стране столь ничтожное число людей, обладающих патриотическим сознанием. В таком случае России давно бы уже не было, а была бы огромная провинция «недвижного» Китая или независимой Украины. Тут налицо явная подмена понятий. В минуты семантических сомнений я всегда обращаюсь к словарю Даля. Открываем и находим: «Патриот – любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник...» Как будто все ясно, и слово-то хорошее, чистое, а тем не менее превратилось в политическое, да и в бытовое ругательство. «За что, Герасим? – спросила Муму» – так написано в одном школьном сочинении.

Было за что. Напомню, в прежние времена это слово употреблялось в устойчивом сочетании – «советский патриотизм». Дело тут не в эпитете, который в те годы лепился ко всему: советская литература, советская женщина, советский цирк... Тут проблема гораздо сложнее и тоньше. Но сначала сделаю небольшое отступление. Когда я впервые попал в США и пообщался с тамошними рядовыми налогоплательщиками, то обратил внимание на их своеобразный патриотизм – яркий, демонстративный, напористый – с непременно звездно-полосатым флагом перед домом. Но мне показалось, это была не «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», а, скорее, любовь к социально-политическому устройству своей страны. Это патриотизм эмигрантов, которые на новом месте зажили лучше, чем на прежнем.

А теперь я хочу предложить читателю одну гипотезу. Мы помним, что Ленина, большевиков всегда грел американский опыт. Обратились они к нему и тогда, когда, говоря по-нынешнему, обдумывали концепцию нового патриотизма без самодержавия, без православия, без народности в стране победившего пролетариата. Поначалу, правда, пытались обойтись одной классовой солидарностью, но мировая революция как на грех запаздывала. А лозунг «Штык в землю!» хорош, пока ты борешься за власть, а когда ты ее взял и хочешь удержать, необходим совсем другой лозунг, например: «Социалистическое Отечество в опасности!».

Итак, обдумывая эту новую концепцию, большевики, предполагая, вспомнили об опыте американского, назовем его условно «эмигрантского», патриотизма. Ведь, по сути, 150 миллионов подданных исчезнувшей Российской империи в результате революционных преобразований, оставаясь на своей отеческой земле, на родном пепелище, стали переселенцами, эмигрантами, ибо очень скоро очутились в совершенно новой стране, с совершенно иным устройством и принципами жизни. И если «передовому» россиянину начала XX века полагалось не любить Отечество из-за его реакционной сущности и даже желать ему поражения в войне, то теперь он, напротив, был обязан горячо любить Советскую Россию за новое, передовое устройство. Очень хорошо это прослеживается у Маяковского. «Я не твой, снеговая уродина» – до Октября. «Читайте, завидуйте...» – после Октября. А ведь речь-то шла о той же самой стране – с той же историей, культурой, ландшафтом, населением, правда, сильно поистребленным. Этот новый «эмигрантский», то бишь советский, патриотизм был внедрен в умы и души настоя-

чиво, талантливо, стремительно. И не надо сегодня, задним числом, преуменьшать привлекательность тогдашних коммунистических лозунгов, идей, символов. На них купились не только в России. Вспомните, ведь и Есенин совершенно искренне писал: «За знамя вольности и светлого труда готов идти хоть до Ла-Манша». Любопытно, что не до Босфора и Дарданелл... Правда, в другом месте великий поэт уточнял: «Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам». За это и поплатился, как и тысячи других, надеявшихся совместить новый советско-«эмигрантский» патриотизм с прежним – назовем его также условно «отеческим». И не могли не поплатиться: у выпученных рачьих глазок агитпропа всегда были безжалостные чекистские клешни.

Но совмещение, взаимопроникновение этих двух патриотизмов все равно произошло, ибо новое, как всегда, возводилось на старом фундаменте, подобно тому как заводские клубы строились на фундаментах снесенных церквей. В конце концов этот подспудно шедший процесс совмещения возглавила и подстегнула сама новая власть. Когда? Когда подступила Великая Отечественная. Заметьте, Отечественная, а не пролетарская или социалистическая. Поднять и повести в бой нужно было всех до единого, даже пострадавших, униженных новой властью. Заградотряд может остановить отступающего, но на смерть ведет любовь к Отечеству. В последней фразе есть, конечно, пафосная условность, но есть и неоспоренная истина. И вот тогда-то до зарезу понадобились такие, например, строчки сотрудника газеты «Сокол Родины» Дмитрия Кедрина:

Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья —
Тихая царевна Несмеяна —
Родина неяркая моя!

Несмеяна? Да за такое еще год-два назад отрывали голову. Но теперь голову могли оторвать сидевшим в Кремле – и это меняло ситуацию!

Разумеется, все было не так просто и однозначно. После войны были чудовищная кампания против космополитов и не менее чудовищное «ленинградское дело», преследовавшие как раз противоположные цели, но процесс, как говорится, пошел... Кстати, можно вообще нашу культурную жизнь последних трех-четырёх десятилетий проанализировать с точки зрения «единства и борьбы двух патриотизмов». Тогда гораздо понятнее станут и приснопамятная статья А. Н. Яковлева против антиисторизма в 70-е, и пресловутое письмо группы литераторов, направленное против «Нового мира», возглавляемого А. Твардовским, и многое, многое другое. Но это тема серьезного исследования, которое по плечу не мне, дилетанту, а специалисту-культурологу.

Одно можно сказать с уверенностью: каким бы гремучим синтез этих двух патриотизмов ни был, режим он обслуживал. Хотя, конечно, на плацу клялись в верности социалистической Родине, а любили все-таки «стойбище осеннего тумана».

Сегодня даже политическому младенцу ясно: когда наметилось принципиальное изменение политического и экономического устройства нашей страны, этот патриотизм был обречен, ибо являлся немаловажной частью всего каркаса, державшего систему. Конечно, поначалу говорили о социальной справедливости и социализме с человеческим лицом, но исподволь, а потом все откровеннее стала внушаться мысль, что эту страну любить нельзя. Эту страну – с кровавым усатым деспотом на партийном троне, с гуглаговскими бараками, с тупыми людьми, стоящими в драчливых очередях за водкой, с вечным дефицитом всего элементарного, с искусством, осуществляющим непрерывный аннилингус власти... И ведь с точки зрения прагматичного «эмигрантского» патриотизма это было абсолютно верно: обещали рай земной, а что нагородили! В общем, как семьдесят лет назад людей напористо выучили любить свою советскую

Родину, так теперь столь же стремительно отучили. Эта взлелеянная нелюбовь стала идейно-эмоциональной основой для таких грандиозных процессов, как распад Союза, отстранение от власти компартии, изменение геополитического положения нашей страны в мире...

И когда упоенная теледикторша сообщает, что всего один процент населения поддерживает патриотов, она имеет в виду, что подавляющая часть граждан (тут сделаем поправку на непредсказуемость наших социологических методик) разочаровалась в советском патриотизме, то есть разлюбила бывшее социально-политическое устройство своей страны. Но ведь это совершенно не значит, что 99 процентов населения разлюбили свою страну, что они не переживают распад державы, что их радует утрата исконных земель и 25 миллионов россиян, оказавшихся за границей. Это совсем не значит, будто их устраивает наша страусино-аллигаторская экономическая политика, наше вялое «чего изволите» на мировой арене, упадок российской культуры, без всякой поддержки оставленной один на один с обильно финансируемой западной массовой культурой, от которой сами западники не знают, куда спрятаться. А если вести речь об оборонной доктрине, то, извините, чего стоит присяга Отечеству, если его «передовому» человеку и любить-то неловко? Генералы рыдают, что срываются призывы, – я вообще удивляюсь, что хоть кто-то в такой атмосфере надевает на себя военную форму! Зачем? Разве для того, чтобы за большие деньги пострелять из пушки по собственному парламенту!

Но шутки – в сторону! Я берусь утверждать, что, несмотря на жесточайшую спецобработку общественного сознания, патриотизм никуда не делся, а просто временно перешел (даже в душах) на нелегальное положение – ситуация постыдная и чрезвычайно вредная для государства.

Кто в этом виноват, мы вроде худо-бедно разобрались. Теперь самое главное: что делать? На первый взгляд проще всего – спешно приучать людей любить наше новое социально-политическое устройство. Но ведь его пока попросту нет – руины. А те реформы, что успели наколбасить, подавляющей части населения тоже любить не за что – нищаем. Вот и наши записные рыночники, которые три года назад уверяли, что хватит-де жить верой в светлое завтра, горбатиться на потомков, теперь, решив свои личные проблемы, с той же аввакумистостью запели про то, что рынок построить – не фунт изюму съесть, что процесс этот длительный, а ради счастья детей и внуков можно потерпеть и подзатянуть пояса, стоически проходя мимо обильных витрин. (На «Березках» хоть глухие шторы висели.) Лично я ради свежеотпущенной бородки Г. Попова и тимуровского оптимизма Е. Гайдара терпеть не собираюсь. Ради будущего моего Отечества – дело другое!

А теперь, догадливый читатель, надо ли объяснять, что без новой концепции патриотизма не обойтись, особенно теперь, когда двоевластие закончилось, когда завершена, кажется, битва за гаечный ключ и теперь уже совершенно ясно, кто персонально будет затягивать гайки разболтавшейся государственной конструкции. Да, время лозунга «Баллистическую ракету – в землю!» закончилось. Наступает эпоха лозунга «Демократическое Отечество в опасности!». Не пугайтесь, наши дорогие зарубежные благожелатели, думаю, поисков внешнего врага не предвидится – не до жиру. Обойдемся врагом внутренним. Но суть от этого не меняется: укрепившейся новой власти теперь до зарезу понадобится возрождение патриотического чувства, которое, собственно, и делает население народом и заставляет людей терпеть то, чего без любви никто терпеть не станет.

Каким он будет, этот новый патриотизм? «Отеческим», новой разновидностью «эмигрантского» или, скорее всего, синтетическим? Не знаю. Будет ли отмыто загаженное прекрасное слово «патриот» (месяц активной работы ТВ) или возьмут что-нибудь новенькое, вроде далевского «отчизнолюба»? Не знаю. Кто будет разрабатывать и внедрять новую концепцию – те же люди, что изничтожили старую, или посовестьются и призовут новых людей, незапятнанных? Не знаю, хотя, увы, догадываюсь... Одно я знаю твердо. Мы с вами, соотечественники, живем в канун патриотического бума.

Газета «Комсомольская правда», декабрь 1993 г.

Зрелище

Когда с дубовым веником под мышкой я подошел к Краснопресненским баням, там бегали люди в бронжилетах с рациями и автоматами в руках. На вопрос, что случилось, свежеспопарившийся гражданин со смехом ответил, что какой-то мужик не поделил с кем-то шайку и его застрелили. Наутро из газет я узнал, что застрелили знаменитого Отари Квантришвили. Бог судья покойному. Его убийце, полагаю, судьей будет тоже Бог. Но меня поразило иронически-равнодушное отношение к чужой смерти. Раньше такого не было! Разбомбили сербов – возмутилась, по-моему, только кучка чудаков, прибежавшая с плакатами к американскому посольству, да Б. Ельцин, которого забыли поставить в известность. А если б не забыли? Студенты, которые хотят учиться, а не заниматься мелким бизнесом или рэкетом, демонстрируют возле Дома правительства и требуют своих нищенских стипендий. Ну и что? Да ничего: вчера шахтеры касками стучали, сегодня студенты глотки дерут, завтра еще кто-нибудь притащится за социальной справедливостью. Взглянул прохожий – и мимо. И власть тоже – мимо.

«Каждый народ имеет такое правительство, которое заслуживает» – эта фраза стала уже банальностью. Среди государственных мужей поругивать человеческий материал, выпавший на их долю, стало навязчивой традицией. Ну а если перевернуть формулу – каждое правительство имеет такой народ, который заслуживает? И в самом деле, давайте порассуждаем о том, какое влияние моральный облик властей предрежащих (да простится мне сей старорежимный оборот!) оказывает на общественную мораль, а следовательно, и на всю жизнь общества.

Что и говорить, политический театр минувшей эпохи был крайне скуп на выразительные средства. Хотя, конечно, мы догадывались, что за внешним единодушием президиума съезда, напоминающего в этом своем единодушии большой академический хор, скрываются подлинно шекспировские страсти. Но что мы знали? Вот пошли слухи, что у члена Политбюро имярек сынок что-то там выкинул за границей. Ну, стал не сумевший достойно воспитать сына имярек реже появляться в телевизоре, потом строчка в газете «освобожден в связи...». Дальше – работяги в телогрейках изымают его канонический портрет из длинного ряда портретов где-нибудь на Ленинском проспекте, бросают в грузовик и увозят. А ведь в 37-м в грузовике увезли бы труп! Конечно, мы не были наивными и понимали: сын тут ни при чем или почти ни при чем – идет политическая борьба, а это всегда – торжище и игрище. Но в застойный период она не была зрелищем, и поэтому тогдашние деятели своим личным моральным примером не оказывали прямого воздействия на общественную нравственность. Еще памятная всем формула «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» оказалась роковой, ведь отсутствие вышеперечисленных качеств связывалось в общественном сознании не с конкретными деятелями коммунистического и международного рабочего движения, а с партией как с политической силой. Именно поэтому она так вдруг потеряла власть. Именно поэтому неотвратимое народное возмездие тоталитаризму закончилось ритуальной посадкой Чурбанова. Именно поэтому большинство президентов в подразделениях СНГ – это бывшие крупные партийные функционеры. Да, политические спектакли прошлой эпохи шли при опущенном занавесе. И вдруг занавес поднялся – оставаясь торжищем и игрищем, политика в нашей стране стала еще и зрелищем!

Помните бесконечные трансляции съездов, которые поначалу смотрелись как «Просто Мария»? Вот Горбачев запросто переругивается с депутатом, запросто лезущим на трибуну. А вот самого Сахарова сгоняют с трибуны за общегуманистическую неуместность! А вот Ельцин публично объясняется по поводу своего исторического падения с моста! А вот Оболенский самовыдвигается в президенты! А вот Бондарев произносит свою пророческую метафору про самолет, который взлетел, не ведая, куда будет садиться! А вот уже и чета Горбачевых, точно погорельцы, спускается по самолетному трапу... Одним словом, большая политика из тайной

стала у нас настолько явной, что закончилось все пушечной пальбой по парламенту на глазах у потрясенной отечественной и мировой общественности.

Эта зрелищность большой политики повлекла появление на сцене совершенно нового типа деятеля, разительно не похожего на тех, что мы видели прежде. Вспомните хотя бы Громыко, который во время своих редких телевизионных выступлений говорил так медленно, будто за каждым новым словом ему приходилось отлучаться в соседнее помещение. А ведь то был золотой интеллектуальный фонд тогдашнего Политбюро! Как же нас всех тогда поразила новый генсек, говоривший быстро-быстро и без бумажки! К общеизвестным неправильностям его речи мы относились снисходительно, хотя месяца работы со специалистом хватило бы, чтобы наш первый президент заговорил на хорошем мхатовском уровне. Думаю, тут сказалась та нетребовательность к себе, которая и привела к преждевременному уходу Горбачева из большой политики.

А потом вдруг выяснилось, что можно быстро-быстро и без бумажки говорить не только на родном, но даже и иностранном языке, ибо если прежде для успешной карьеры требовалось поработать на комбайне или помесить раствор, то теперь – окончить спецшколу и пройти стажировку за границей. Впрочем, если бы отцы не месили раствор, то вряд ли их дети стажировались бы за границей. Как заметил классик, каждое новое поколение стоит на плечах предыдущего. Не надо только вытирать о предшественников ноги... Как мы гордились Гайдаром, когда он где-то в европах говорил по-английски без переводчика, хотя, полагаю, по протоколу надо бы как раз с переводчиком, но, как известно, понты дороже денег! Впрочем, Гайдар принадлежал уже к новому поколению и отлично сознавал, что является персонажем зрелищной политики. Лично я просто восхищен тем, как оперативно избавился он от своего пресловутого причмокивания. Оставалось еще стремительно похудеть в соответствии с резким обнищанием народа, но не будем отчаиваться – его политическая карьера еще не закончена!

О том, что за власть держатся до последнего, общеизвестно. Но как именно за нее держались в застойные годы, можно было только догадываться, взирая на задыхающегося Черненко. Теперь мы это увидели ясно и четко – вплоть до побелевших от напряжения пальцев, намертво вцепившихся в государственное кресло. А помните, что они говаривали нам в сладкую пору обольщения: мол, власть для них не самоцель, а тяжелая ноша, что, мол, если что-нибудь не получится, они тут же куда-нибудь уедут за рубеж преподавать и т. д. А теперь вспомните, как всем им не хотелось расставаться с тяжелой ношей, и, даже выпихнутые из тронной залы, никуда они не уехали, а толпятся в комнате ожидания, надеясь снова вернуться, хотя, насколько я понимаю, мы с вами уже давно их об этом не просим.

Однако и у прежнего, и у нынешнего поколения политиков есть одна общая, неискоренимая, чисто большевистская черта – неумение и нежелание признавать свои ошибки. То, что реформы не вышли, а если и вышли, то только боком, сейчас признано всеми, включая и тех, кто эти реформы затевал. Вы слышали хоть слово извинения, хоть лепет раскаянья: «Мол, простите, люди русские и нерусские, бес попутал!» Лично я не слышал. Наоборот, те самые парни, что учудили нынешний развал и оскудение, не вылезая из телевизора, учат нас, как жить, говоря сегодня обратное тому, что провозглашали еще недавно. Говорят, все сказанное не исчезает, но витает где-то в околоземном пространстве. Представляете, каково словам Собчака-91 встречаться там со словами Собчака-94?

А теперь призадумаемся: может ли такое поведение на самом верху не отразиться на нравах в обществе? О каком патриотизме и государственном подходе к делу «новых русских» может идти речь, если они, еще сидя в своих первых палатках где-нибудь возле Курского вокзала, усвоили, что эти ребята там, на Олимпе, занимаются тем же самым, но только в особо крупных размерах? Трудно осуждать мелкого или среднего предпринимателя, перегоняющего свои капиталы на Запад, если он постоянно слышит неопровергаемые (или неопровержимые?) факты о гигантских счетах за границей, о каких-то странных лицензиях, о родственниках,

перебравшихся за рубеж и там прекрасно натурализовавшихся. Весь год, предшествовавший октябрьским событиям, высокопоставленные бойцы противоборствующих станов обливали друг друга тщательно аргументированными помоями. Когда схватка закончилась, никто не стал отмываться, а все сделали вид, что ходить с повисшей на вороту бранью – просто новый стиль одежды. О том, как этот новый стиль отразится на миропонимании рядового налогоплательщика, никто не позаботился.

Но, конечно, самое губительное воздействие на общественную мораль оказали уже поминавшиеся нами октябрьские события прошлого года в Москве. Ведь суть этих событий, давайте сознаемся, заключается в том, что одним махом было зачеркнуто то, что Бердяев очень точно назвал «преодолением большевизма». А ведь это был длительный, мучительный процесс, вобравший в себя и государственническую переориентацию режима в 30-е годы, и возвращение к патриотическому сознанию во время войны, и хрущевскую «оттепель», и неуклюжую либерализацию при Брежневле, и горбачевский апрель... Как холостой выстрел «Авроры» вверг страну в Гражданскую войну, так нехолостые залпы на Краснопресненской набережной ввергли, а точнее вернули, нас в ту страшную эпоху, когда господствовал принцип, сформулированный писателем-гуманистом: «Если враг не сдастся, его уничтожают». Любопытно, что среди тех, кто подталкивал исполнительную власть к крутым мерам, было немало писателей, считавших, а может быть, и продолжающих считать себя гуманистами. А теперь попробуйте упрекнуть преступника, на заказ застрелившего строптивного банкира. «Эге, – скажет он, – заказное убийство из пистолета – плохо, а из пушек – хорошо?» И будет, как ни стыдно признаться, по-своему прав!

Вот к чему приводит зрелищность в политике, когда персонажи забывают, что их пример заразителен. И мне почему-то вспомнился рассказ мемуариста о том, как в первые годы советской власти какой-то красноармеец, сидя в театре, так вознегодовал на шиллеровского негодяя, что вскинул винтовку и застрелил актера наповал. Но наши нынешние политики не актеры, а мы не зрители. Вот о чем хорошо бы помнить, составляя меморандумы о гражданском мире, иначе все это окажется очередным никого ни к чему не обязывающим зрелищем. Впрочем, у В. И. Даля можно найти синоним слову «зрелище» – «позорище», но в этом своем забытом значении оно сегодня в русском языке не употребляется. А жаль...

Газета «Комсомольская правда», май 1994 г.

Паруса несвободы

Нынешнее наше отношение к собственной недавней истории иногда напоминает мне запоздалую и неумную мстительность разведенной жены, которая, вернув свою полузабытую девичью фамилию, принялась бегать по соседям и всем рассказывать о том, какой ее бывший муж был хам, сквалыга и скотина. А соседи, вежливо кивая, только подсмеиваются, ибо новый, поселившийся у разведенки мужик от прежнего отличается разве лишь тем, что брюхо имеет поболее да шею полиловее и погрязнее...

Редкий нынешний деятель культуры, добравшись до эфира, не заведет речь о монстре тоталитаризма и вампире социализма, изначально враждебных творческой личности и погубивших талантливых людей без числа. Сказав об этом, как в прошлые времена поблагодарив партию о заботе, можно начинать разговор и по существу: о духовном оскудении общества, о воцарении духа бессовестной и безоглядной наживы, об утрате нравственных ориентиров, о нищенской жизни нынешней интеллигенции, вероятно именно таким образом наказанной за свой безответственный поводыризм, за который не «Вехами» надо бы и не «Глыбами», а оглоблей...

Любопытно, что мысли о несовместимости таланта с социализмом, о невозможности самореализации незаурядной личности в совковой действительности впервые, на заре гласности, начали высказывать не какие-нибудь творческие заморыши или воинствующие графоманы, а художники знаменитых театральных коллективов, всемирно известные наши музыканты, выдающиеся кинематографисты, литераторы, выпускавшие прижизненные собрания сочинений. При этом они как-то забывали объяснить тот странный факт, что сами встретили перестройку не в психушке, не в бойлерной, не в нищей эмиграции, а в ореоле славы, тогда именовавшейся всесоюзной.

Развитой тоталитаризм не столько утеснял деятелей культуры, сколько их ублажал, правда, при условии соблюдения определенных правил поведения. Во-первых, нужно было верить или делать вид, что веришь в прогресс в рамках существующего порядка, во-вторых, если и критиковать систему, то в терминах господствующей идеологии (замечательный образчик – слова одного известного поэта с трибуны: «Красный карандаш цензора и красное знамя – не одно и то же!»), в-третьих, нельзя было выносить сор из избы. Помню, когда моя повесть «Сто дней до приказа» начала ходить по Москве в рукописи, меня пригласили и очень серьезно предупредили, что в общем-то разделяют пафос моего сочинения, но лишь до тех пор, пока его не опубликовали какой-нибудь «Посев» или «Метрополь».

«Ага, – воскликнете вы, – ведь был еще и андеграунд, подлинное искусство, не склонившее гордой выи перед режимом!» «Был», – отвечу я. И историкам литературы еще предстоит разобраться, кто обязан больше тоталитаризму, – соцреализм или андеграунд!

Думаю, в равной степени. Дело в том, что и социализм, и андеграунд отличаются эстетической самонедостаточностью. Поясню на простом примере: бывают стихотворные тексты, оставляющие нас совершенно равнодушными, пока их не положат на музыку. Тот, кому приходилось читать стихи В. Высоцкого, которые он никогда не пел, понимает, о чем идет речь. Так вот, для книг соцреализма такой музыкой были шумная пропаганда и реклама, хвалебные статьи, экранизации, инсценировки, включения в школьную программу. А для андеграунда такой же музыкой были разгромные статьи, бульдозерные атаки режима, слепые машинописные копии, глушение по радиоголосам... И в первом, и во втором случаях сам текст играл роль второстепенную. Да простит меня лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский, но, собственно, его стихи, при всем моем к ним академическом уважении, оказали на общественное сознание советского общества влияние гораздо меньшее, чем, скажем, творчество известного художника-ленинописца Исаака Бродского. Другое дело конфликт Бродского-поэта с режи-

мом, отъезд за рубеж и последующий мировой триумф. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба, если б вместо того, чтобы оказаться под судом за тунеядство он, как Александр Кушнер (поэт, на мой взгляд, не менее талантливый), выпустил бы книжку в «Советском писателе»...

С падением режима, обеспечивавшего самонедостаточные тексты «музыкой», последовал крах как соцреализма, так и андеграунда. Испытания на самооценку не выдержали ни тот, ни другой. Испытание выдержали хорошие писатели, крупные художники, которые в катакомбы не спускались, но, печатая то, что можно было «пробить», «непроходимое» хранили в своих письменных столах до лучших времен. Я очень хорошо помню этот «парадокс гласности», когда вчерашние лауреаты доставали из своих финских письменных столов, купленных по литфондовскому ордеру, самый крутой непроходняк. А подвижники андеграунда выходили навстречу заре общечеловеческих ценностей с приветственно воздетыми вверх пустыми руками (литература русского зарубежья – отдельная тема). Думаю, сегодня сыновнюю тоску по тоталитаризму в одинаковой степени испытывают как отставные деятели соцреализма, так и бывшие труженики андеграунда. Как ударники-метростроевцы, они встретились в тоннеле, который рыли с двух сторон...

Чтобы понять свое прошлое, нужно прежде всего усвоить: историческая публицистика, а тем паче историческая наука – это не конкурс на самый меткий плевок! А застой, давайте сознаемся хоть сегодня, был не только результатом одряхления системы, он был и результатом вполне понятного стремления избежать «великих потрясений», каковых в текущем веке на Россию навалилось сверх всякой меры. Люди, руководившие в ту пору государством (я имею в виду не тех, что кемарили по президиумам), очень хорошо знали, что горные обвалы иной раз начинаются с оброненного спичечного коробка и что реформы легко только «начать». Во всяком случае, когда теперь полночь за полночь я спускаюсь, чтобы возле подъезда в палатке купить банку американского пива, я почему-то всегда вспоминаю, что Крым и Байконур – нынче за граница, а в переходах не протолкнешься от нищих. Но пиво пью...

Понимали те прежние руководители и другое: в стране, где в силу укорененной однопартийности нет оппозиции политической, ее нужно придумать. Такой придуманной оппозицией и стала советская культура, а также ее подземные коммуникации – андеграунд. Кто в те годы бывал в писательском Переделкине и видел мирное сосуществование под сенью Литфонда инакомыслящих и как-надо-мыслящих, полагаю, не станет спорить со мной по этому поводу, конечно, если его сильно об этом не попросят. В общем и целом интересы «придумавших» и «придуманных» совпадали. Власти, как организму гормоны, необходима относительно безопасная критика, а настоящего художника всегда распирает от претензий к современной ему эпохе, будь это феодализм, капитализм или социализм. Неудовлетворенность существующим порядком вещей – главная особенность, да и обязанность любого творца.

Вот строчки:

Довольно: не жди,
Не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство поди
И разбейся,
За годом мучительный год!
Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать:
...Туда, – где смертей
И болезней

Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство,
Исчезни, Россия, Россия моя!

Интеллектуалы и мужья-ревнивцы схожи: и те, и другие так и норовят крикнуть в критической ситуации: «Так не доставайся ты никому!» Но я о другом. Вдумчивый читатель, даже не узнав стихов, сообразит: принадлежат они не нашему современнику, ибо сразу бросаются в глаза такие анахронизмы, как «мой бедный народ», «родина-мать», «Россия моя...». У современного поэта было бы «народ-рогносец», «эта страна». Но пафос, согласитесь, близок нынешним настроениям передовой части отечественной интеллигенции. А ведь приведенные строки – это знаменитое стихотворение Андрея Белого «Отчаянье», написанное в 1906 году, то есть в эпоху, которую мы сегодня называем Серебряным веком, в ту эпоху, когда Россия на всех парусах двинулась к своему баснословному 1913 году. Андрей Белый умер в 1934 году, как сказано в некрологе, «советским писателем» и, полагаю, видел в последние годы жизни много такого, что может повергнуть душу в беспросветное отчаянье. Но своеобразие психологии творчества заключается и в том, что для полноценного художественного отчаянья творцу требуются известная бытовая устроенность и определенная личная безопасность. И наоборот, писатель, живущий впроголодь и каждую ночь ожидающий ареста, совершенно неожиданно начинает создавать образцы художественного оптимизма:

Ветер воется дующий
В паруса несвободы.
Чепуха Я войду еще
Под победные своды.

Николай Глазков, 1939

Агрессивно-жизнеутверждающий пафос искусства сталинского периода – это не только прихоть безжалостного социального заказчика, в чем нас сегодня стараются убедить ястребы партийной публицистики, сделавшиеся в одночасье кенарами общечеловеческих ценностей. Это еще и чисто художническое стремление – поймать ветер светлого искусства, пусть даже в паруса несвободы! Характерно, что по мере предсказанного Бердяевым преодоления большевизма, по мере оттаивания режима, вплоть до того момента, когда каждый народ в нашей многонациональной стране получил право избирать и быть избранным, советское искусство становилось все пессимистичнее, угрюмее. С чего бы? Ведь за то, за что раньше превращали в лагерную пыль, теперь всего-навсего приглашали на беседу в ЦК. Любопытная деталь: с перебравшим в своей оппозиционности деятелем культуры разговаривали гораздо мягче, нежели с проштрафившимся хозяйственником или нашкодившим номенклатурным главначпупсом. Оно и понятно: оппозицию нужно уважать, тем более что это не оппозиция режиму, а оппозиция режима. Разница существеннейшая: оппозиция режима сидела в президиумах, а оппозиция режиму – в лагерях или в эмиграции. Но я, молодой литератор, написавший нечто супротив комсомола под названием «ЧП районного масштаба» и вызванный в этой связи на заоблачный ковер, в ответ на вопрос хозяина кабинета: не повредит ли моя повесть будущим видам России, горячился и доказывал, что у писателя одна цель – правда, которая должна восторжествовать, пусть даже рухнет мир... И вот мир, прежний советский мир, рухнул. Кстати, тот деликатный функционер нынче в отставке без мундира. При мундирах и его соседи по цековскому этажу, те, что на меня орали...

Тоталитаризм рухнул, о чем я уже не раз писал, в результате восстания партноменклатуры против партмаксимума, ограничивавшего ее аппетиты. До 1861 года в России были крепостные-миллионеры, которых помещики ни за что не отпускали на волю. Примерно в том же

положении оказалась к началу 80-х и номенклатура, вместе со своей безграничной властью она безраздельно принадлежала партии, заглядывавшей в кастрюли и постели. Надо ли объяснять, что в этих обстоятельствах 6-я статья Конституции СССР была обречена.

Пикантность ситуации заключается в том, что реальная оппозиция режиму (номенклатура) выражала свои интересы через оппозицию «придуманную», оппозицию режима (интеллигенцию). Традиционное недовольство интеллектуальной элиты временем умело ретранслировалось в общественное сознание, где, концентрируясь и накапливаясь, рождало революционные настроения.

Человеку всегда поначалу кажется, что проще взорвать старый дом и выстроить на том же месте новый, краше прежнего. Это потом, горюя на обломках, мы задним умом понимаем, что худая эволюция лучше хорошей революции. Но во время эволюции завлабы не становятся министрами, лейтенанты запаса – генералами, а мелкие жулики – миллиардерами. Это происходит во время революций. Может, Господь Бог и замыслил интеллигенцию в основном для того, чтобы объяснять народам преимущество эволюционного пути перед революционным, но с этой задачей российская интеллигенция в который раз уже не справилась, ибо уж слишком упоительным оказалось ощущение, что твое слово, твоя правда становятся движущей силой творящейся прямо на глазах истории. У порядочных людей отрезвление наступило довольно быстро: выяснилось, что «твоя правда» – это лишь набор заблуждений, которые прежняя, свергнутая идеология запрещала высказывать вслух. Более того, даже правдивое слово честного человека может привести в движение «миллионы сердца» лишь в том случае, если это выгодно нечестным людям, борющимся за власть. Когда это им невыгодно, ты можешь обратиться – никто ухом не поведет. Думаю, те, кто следит за нынешней оппозиционной прессой, да и вообще за прессой, со мной согласятся.

Однако жалующийся на нынешнюю жизнь деятель отечественной культуры вслух никогда не сознается в том, что своим теперешним ничтожным состоянием он, как ни странно, обязан своей гигантской роли в деле сокрушения прежнего режима. Ведь даже самому либеральному владыке закрадывается опасная мысль: если смогли тогда, то смогут и сейчас, коль разонравлюсь!

Именно поэтому, полагаю, решено было, выражаясь языком зоны, «опустить» властителей дум, которые укоренившись, обидевшим глубокие кресла и обжившим госдачи новым властителям страны теперь уже без надобности и даже опасны. И сразу как-то не стало средств на отечественный театр и кинематограф, творческие союзы, серьезное книгоиздание, воспитание творческой молодежи... «Дак, рынок, елы-палы!» – скажет кто-нибудь.

Извините! Кому рынок – а кому мать родная. Нынешним демчиновникам уже не хватает помещений бывших райкомов и исполкомов, зато средств на содержание этой втрое по сравнению с застоем возросшей оравы дармоедов хватает. Хватает и на многократно возросшую охрану демократических лидеров. Выходит, коммунисты боялись народа меньше.

Хватает на все присушие власти излишества, а на отечественную культуру не хватает. Недавно бывший узник ГУЛАГа, автор знаменитых «Черных камней» Анатолий Жигулин позвонил моему товарищу и пожаловался, что у него просто нет денег на хлеб! Кто сыт его, Анатолия Жигулина, хлебом? В самом деле, зачем нынешнему режиму честно, а значит, оппозиционно мыслящие писатели? Ему хватает оппозиции в лице сидящих без зарплаты работяг да акционеров разных АО, рухнувших потому, что правительство очень хочет, как я подозреваю, регулировать рынок с помощью большевистской «вертушки». Находят, правда, деньги на тех, кто по первой команде сверху готов по примеру великого пролетарского писателя кричать: «Если враг не сдастся, его уничтожают!» Так было в дни «черного октября». А потом по команде они же принялись кричать о гражданском согласии, очень напоминающем перерыв между раундами, когда тренеры объясняют вымотанным боксерам, как лучше нокаутировать противника. И в этой новой политической ситуации невоплотившийся принцип буревестника

революции заменен другим: «Если враг не сдается, его унижают!» Собственно, это и есть краеугольный камень нынешней информационной политики. Заметьте, официальные и официозные СМИ не полемизируют с противниками курса, они над ними иронизируют. Глумятся, короче говоря. Чем закончилось глумление над «хваленой американской демократией» наших прежних идеологов, мы знаем. Чем закончится нынешнее глумление над оппозицией, можно догадаться.

Что же делать? Куда писателю податься? Снова ловить ветер в паруса нынешней, более высоко организованной несвободы?

То, что я хочу сказать сейчас, возможно, будет воспринято как явное противоречие с тем, что сказано выше. Возможно, и так... Душа ведь не прибор для демонстрации незыблемости законов школьной физики. Сегодня, по-моему, уже всем очевидно, что маятник отечественной истории отклонился до отказа и даже начал свое движение в обратную сторону. Движение это будет стремительно нарастать, в сущности, независимо от того, физиономия какого политического лидера красуется на маятнике. Этот со свистом летящий в обратном направлении маятник можно очень легко использовать вместо ножа гильотины. Вжи-и-к! Пополам...

Если это случится, мы потеряем все, что приобрели за минувшее десятилетие. Да, приобрели, потому что наряду с чудовищными утратами были и приобретения. Ибо даже неудавшиеся реформы – это приобретенный экономический опыт, своего рода «знаю, как не надо». Геополитические потери – тяжкие, обидные, но необходимые уроки на будущее. Номенклатурная демократия, хоть она и осуществляется вчерашними партократами, – все-таки не партократия.

Несущийся со страшной силой в обратную сторону маятник может все срезать под корень. Некоторые публицисты, с языками, липкими от наклеивания ярлыков, называют это угрозой фашизма. Обозвать страшным – особенно в нашей стране – словом неугодные общественно-политические процессы проще всего. Но в конце концов важно другое: метание из огня да в полымя никогда не идет на пользу стране, хотя тому, кто изучает макропроцессы, это может показаться интересным. Я не изучаю Россию, я живу в ней... Что же делать? Не знаю... Знаю лишь, что сегодня нужен весь гуманистический опыт российской культуры, весь авторитет отечественной интеллигенции, точнее, его остатки, напряжение всех сил, чтобы вернуть утраченное и не утратить при этом приобретенное. Готовы ли мы к этому? Или опять все повторится по горестной схеме Блока:

И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем.

Газета «Правда», октябрь 1994 г.

Гайка – оружие демократа

Сегодня, когда мы пытаемся понять, отчего пошла вразнос Русская земля и почему в ней начали княжить люди, которых и на пушечный выстрел подпускать к власти нельзя, особенно гневные упреки бросаются в адрес интеллигенции – творческой в первую очередь. Именно она, обладая мощными средствами эмоционального воздействия на общественное сознание, создала тот образ внутреннего врага, какового и сокрушил очнувшийся от тоталитарной летаргии народ. Скажу больше; на мой взгляд, народ был умело поднят на борьбу с талантливо выполненным художественным гротеском, с мифом о режиме, пожирающем своих граждан, а сам конкретный режим и – шире – строй свалены были попутно, впопыхах, на скаку к зловещей мельничной голограмме.

Я совсем не хочу сказать, будто у предшествовавшего мироустройства не было недостатков, вопиющих, унижающих, маразматических, но, по моему глубокому убеждению, это были недостатки изживаемые, устранимые эволюционным путем. Думаю, для большинства рядовых налогоплательщиков и по сей день социализм с человеческим лицом ближе, нежели дикий капитализм даже с лицом Ростроповича. И главная вина отечественной интеллигенции, по моему, в том, что она снова помогла навязать обществу революционный путь, путь потрясений под видом преобразований, приведший к колоссальным геополитическим, экономическим и культурным утратам. Чуть перефразируя А. Зиновьева, можно сказать, целили в ритуальное чучело коммунизма, а попали в реальную Россию.

Мне уже приходилось писать, что советская интеллигенция – и в этом ее главная особенность – была не оппозицией режиму, а оппозицией режима, который сознательно культивировал эту оппозиционность отчасти для демонстрации своей широты Западу, отчасти для того, чтобы восполнить отсутствие настоящих политических оппонентов. Была, как показали события, и еще одна причина. Когда партноменклатура (в широком смысле этого слова, ибо завкафедрой политэкономии и главный режиссер театра более «номенклатурны», чем, скажем, инструктор райкома) открыто взбунтовалась против партмаксимума, на штурм «старого мира» побежали не матросы, перепоясанные пулеметными лентами, а именно отечественные интеллигенты, размахивая томиками «тамиздата». Что же касается выступлений нашей интеллектуальной элиты в прессе и на телевидении, то их можно смело сравнить с залпом из всех корабельных орудий «Авроры», и совсем даже не холостым...

Поговорите с любым честным западным интеллектуалом, и он порасскажет вам о своем родном обществе такого, что вам тут же захочется в Москву, в Москву... Мыслящий человек всегда оппозиционен существующему порядку вещей. Но скептическое отношение многих американских интеллектуалов к капиталистическим ценностям и внешнему экспансионизму Штатов не привело там к социалистической революции, расстрелу Белого дома из танков, а южные штаты не оказались унесенными ветром в Мексику. Зато мы, разрушив Берлинскую стену между немцами, возвели беловежскую стену между русскими. Лично мне не очень-то нужны такие общечеловеческие ценности, которые можно получить только в обмен на наши национальные интересы. Хотел добавить «дураков нет», но понял, что это выражение в данном случае не подходит.

Сегодня мало кто может повторить вслед за Чаадаевым: «Слава Богу, я ни стихами, ни прозой не содействовал совращению своего Отечества с верного пути... Слава Богу, я не произнес ни одного слова, которое могло бы ввести в заблуждение общественное мнение...» Лично я – не могу. Нет, речь не о тех холуях умственного труда, кому все равно, какой режим обслуживать и что говорить, лишь бы давали чаевые, а чаевые по сравнению с советским периодом возросли на порядок. Весь вклад этих людей в сокровищницу отечественной политиче-

ской мысли свелся к тому, что формулу «С Лениным в башке, с наганом в руке» они трансформировали в нечто вроде «С Сахаровым в башке, с “калашниковым” в руке».

Речь о других, о тех, что, совершенно искренне и публично предавшись упоительному российскому самоедству, принимая его за покаяние, сами не заметили, как внушили чувство исторической неполноценности целому народу, позволили нанести сокрушительный удар по патриотическому сознанию, которое выплеснули заодно вместе с коммунистической идеологией. Вспомните, еще совсем недавно патриотизм был просто бранным словом и «зоологическим» чувством. А Великую Отечественную войну сначала сократили до аббревиатуры ВОВ, а потом и вовсе стали выдавливать из нашей истории, представляя маршала Жукова истребителем собственных солдат, которые к тому же не умели воевать. Сейчас вроде одумались, но тем не менее к 50-летию Победы готовимся как-то с оглядкой, словно извиняясь за славу собственного оружия.

Ныне много говорят о безнравственности политики и низких моральных качествах самих политиков. Президент в каком-то телевизионном интервью признался, что отец его порол... Возможно, это и осталось бы фактом его трудного детства, а не отечественной истории, если бы деятели культуры толпами не бегали к нему в Кремль и не призывали выпороть сначала компартию, потом непримиримую оппозицию, затем парламент и т. д. Теперь они очень удивляются, что для очередной порки заголиться предложили им самим. А дело уже идет к тому, чтобы широкий ремень очередного «отца народов» стал основным способом решения всех проблем. Успевшие убежать от порки за рубеж, облокотясь о кафедры западных университетов, будут хаять русский народ, не выдержавший испытания демократией. Дурной интеллигенции, знаете, всегда народ мешает...

Но я-то веду речь о тех, кто не собирается менять место проживания, кто независимо от этнической принадлежности хотел бы, как сказал поэт:

...долгие годы
На родине милой прожить,
Любить ее светлые воды
И темные воды любить...

Что могут они? Что можем мы? Очень немного. Можем не подавать руки нашему коллеге, совершившему интеллектуальную подлость. Редко, но помогает. Можем в тех нечастых случаях, когда власть интересуется нашим мнением, а не мнением будущих преподавателей Кембриджа и Гарварда, говорить то, что думаем, а не то, что от нас хотят услышать. Редко, но прислушиваются.

Можем, а точнее, обязаны помочь людям на следующих выборах (если состоятся) отличить серьезного, совестливого политика от очередного телевизионного позера с уровнем мышления кафедрального интригана. Уж и не знаю, что хуже: бывлой партократа, путающий управление государством с аппаратными играми, или бывлой завлаб, путающий управление страной с компьютерными играми. Как сказано, оба хуже...

Увы, от слоя населения, который принято именовать у нас в стране «интеллигенцией», сегодня зависит очень мало: слишком низок нравственный, да и социальный авторитет. Сами виноваты: нельзя в одних случаях целовать броню танков, а в других – плевать на ту же броню в зависимости от того, какую политическую задачу эти танки выполняют. За танки в Чечне пусть вольнолюбивый Кавказ благодарит тех, кто призывал «добить гадину» на набережной Москвы-реки.

Но есть и еще один аспект: «опустить», как выражаются в местах не столь отдаленных, интеллигенцию независимо от ее взглядов, уверен, решили совершенно сознательно. Укрепившейся власти не нужны властители дум, ей нужна идеологическая обслуга. И обратите вни-

мание – в самом беспомощном положении люди умственного труда оказывались при самых интеллигентных правительствах. Самоуверенный образованец, дорвавшийся до рычагов, – это та еще штучка! Для Горбачева и Ельцина, например, Солженицын – это все-таки Солженицын, а для писучего Гайдара, сына и внука писателей, он всего лишь старый ворчун, проспавший свой выход в грандиозном шоу под названием «Возрождение России». Это, кстати, и было продемонстрировано во время выступления автора «Архипелага» в Думе.

Реализм сегодня не в чести не только в политике, но и в искусстве. Вспомните, чем больше лютовала цензура, тем выше в прежние годы мы ценили произведения, которые несли в себе помимо чисто художественных моментов и честный анализ происходящих в обществе процессов. Любопытно, что реализм был пасынком и после Октябрьской революции. Это понятно: реализм дает оценку мироустройству на языке, понятном всему обществу, а не узкому слою посвященных, в тех редких случаях, когда есть во что посвящать. Недавно я беседовал с одним «новым русским» и сослался на книгу Юрия Трифонова. «А кто это?» – спросил он...

Совершенно не случайно оставленное государством без призора воспитание творческой молодежи сегодня взяли на себя различные, в основном зарубежные, фонды, отмечающие своей благосклонностью и премиями, как правило, наименее сориентированных на социальную проблематику и на национальные ценности авторов. Идеал – текст, чье влияние на умы ограничивается участниками семинара при кафедре русистики.

В том же ряду и оскудение мощнейшей прежде традиции журнальной литературы в России. Лишившись государственной поддержки, стремительно дорожая, журналы независимо от направления теряют своих столь же стремительно нищающих подписчиков. Одновременно рынок заваливается ярко изданным и сравнительно недорогим западным чтивом. Лет семь назад я спросил у британского филолога, известен ли ему Дж. Олдридж, любимец советских издательств. После длительного раздумья он все же вспомнил это имя. Когда недавно я назвал тому же профессору несколько наиболее часто встречаемых на наших прилавках имен его соотечественников, он ответил, что таких писателей просто нет в природе, во всяком случае он, специалист, о них никогда не слышал... Традиция серьезного чтения – это национальное достояние, вырабатываемое веками, но теряется оно очень быстро. От чтения, которое учит думать, мы стремительно скатываемся к чтению, которое отучивает думать. Между прочим, гоголевский Петрушка тоже много читал!

Полагаю, все эти явления вписываются в тот процесс угрожающего разгосударствления страны, каковой последнее время стал беспокоить и саму правящую верхушку, сообразившую: править-то скоро будет нечем. Правда, они пока еще не возрождают Отечество, о чем без усталости твердят, а всего-навсего пытаются вернуть на место те гайки, которые свинтили из стыков государственных рельсов, но не для того, чтобы, подобно чеховскому злоумышленнику, удить рыбу, а для того, чтобы, пользуясь гайками, как кистенями, бить по головам своих политических противников. Сейчас гайки прикручивают. Скоро, думаю, начнут закручивать. Это естественно: ведь и вся предшествовавшая политическая борьба была всего лишь битвой за гаечный ключ. Лично для меня важнее другое: имя поезда, который, угрожающе громокая, мчится по полуразобранному рельсам, – Россия...

Газета «Правда», январь 1995 г.

Дурное предчувствие

Меня давно уже волнует один вопрос: кто заплатит, а точнее, кто будет персонально отвечать за все случившееся в государстве Российском в минувшее десятилетие? Конечно, можно убеждать себя и других в том, что история не знает сослагательного наклонения, или даже ссылаться на Льва Толстого, сравнившего историческую личность с мальчиком, который держится за тесемочки в карете и воображает, будто правит этой самой каретой. А можно вообще развести руками и с выражением продекламировать стихи Георгия Иванова, написанные им в минуту отчаяния:

Теперь тебя не уничтожат,
Как тот безумный вождь мечтал.
Судьба поможет, Бог поможет.
Но – русский человек устал...

Устал страдать, устал гордиться,
Валя куда-то напролом.
Пора забвеньем насладиться,
А может быть, – пора на слом...

...И ничему не возродиться
Ни под серпом, ни под орлом!

Итак, никто не виноват, виноват лишь подлый рок событий в том, что страна по живому разодрана на куски и тридцать миллионов наших соотечественников превращены в «унтерменшей» за прозрачными – лишь с одной стороны, как стекло в дорогой иномарке, – границами. Никто не виноват в том, что немалая часть населения ищет хлеб свой насущный по мусорным бакам, а рядовому налогоплательщику, выходящему из дома на вечернюю прогулку, не мешает составить завещание. Абсолютно никто не виноват в том, что останавливаются заводы, рабочие сидят месяцами без зарплаты, а отечественная наука в буквальном смысле пущена по миру. Никто не виноват в том, что здравоохранение стало неподъемной финансовой ношей для государства, а власти Лондона всерьез озабочены «новыми русскими», скупившими целые престижные кварталы. Наконец, нет виноватых в том, что бульдозерные формы решения эстетических споров эпохи всевластия коммунистов сменились танковыми способами разрешения споров внутриполитических при демократах, а главным фактором внешней политики сделалась нахмуренная бровь старшего заокеанского брата...

Никто ни в чем не виноват. Рок-с! Но тогда получается, делать историю, руководить страной, определять судьбы миллионов людей – дело гораздо менее рискованное, чем игра по маленькой в три листика после воскресного обеда с близкими родственниками! Кстати, во втором случае еще можно проиграть какую-то мелочь, а политики, даже и сходя со сцены, всегда при своих – при своих фондах, фирмах, банках и прочих украшающих жизнь пустяках. Проклятые коммуняки в ригористические времена могли за несоответствие занимаемой должности и головой поплатиться, в более мягкие, застойные, – партбилетом. Самое ужасное, что может случиться с нынешним деятелем: кресло министра он сменит на кресло председателя правления банка. И все? И все...

Любопытно, что такую изысканную форму ответственности за возможную неуспешность своей государственной деятельности они определили себе сами. Я помню, как поразили меня первые интервью «мордастых мальчиков великой криминальной революции».

– А если не получится? – благоговейно спрашивал корреспондент.

– А если не получится, за кресло держаться не будем. Нам любой западный университет кафедре даст... – откровенничали они.

Конечно, пытливому западному студенту интереснее слушать об экономическом эксперименте, проведенном не на компьютерном дисплее, а на многомиллионном народе. Но я хотел бы посмотреть на засыпающего под наркозом реформатора, которому натягивающий резиновые перчатки хирург сказал бы, улыбаясь: «А не получится – снова вернусь на свою родную кафедру патологоанатомии». Не получилось... Кто-то сдержал слово и уехал учить пытливых западных студентов тому, как нельзя проводить реформы. А кто-то до сих пор с телевизионного экрана жалуется, что ему сломали весь кайф буквально за мгновение до реформаторского оргазма. Таким людям по всем фрейдистским законам теперь до конца жизни будет сниться кремлевская вертушка.

А теперь – о прошлом. Еще несколько лет назад, знакомясь с нашей недавней историей в версии журнала «Огонек», мы возмущались тупостью населения, со святой наивностью требовавшего раздавить, как гадов, блестящего маршала Тухачевского, любимца партии Бухарина, газетного гения Радека и т. д. Но так ли был наивен хлебнувший лиха обыватель? Не зная всех извивов политических битв, приведших этих людей в подвалы Лубянки, он воспринимал их смерть как заслуженную кару за весь кошмар, неизменно сопутствующий революционным преобразованиям. Думаете, ошметки питерской интеллигенции, запершись в комнатухах, доставшихся им после уплотнения, плакали по убиенному Зиновьеву? Полагаю, не плакали, а даже тихо выпили на радостях за то, что хоть в таком чудовищном виде, но справедливость иногда посещает эту грешную землю. Думаете, хитроумный Сталин не учитывал это, открывая свою генсекскую охоту? Учитывал – и еще как учитывал! Вспомнил я об этих мрачных страницах отечественной истории не случайно. Подозреваю, нас ждут впереди процессы и над политиками-вредителями, и над генералами, метившими в демократические бонапарты, и над руководителями СМИ, решительно внедрявшими в умы идеологию государства, но, как внезапно выяснится, не российского... Будут процессы и над агентами влияния, и над агентами возлияния и т. д. и т. п. Процесс, кстати, уже пошел, и сигнал к нему дали, между прочим, не крепкие стриженные мальчики с древними солярными символами на руках, но высокообразованные и высокообразованные граждане, возродившие в октябре 93-го лозунг в духе незабвенного Вышинского – «Добей гадину!», а во время чеченского кризиса вдруг вспомнившие об уголовной ответственности политиков за принимаемые решения. Ответственность так ответственность! Но если можно «по уголовке» спросить за Чечню, то можно и за Белый дом, и за последствия непродуманных экономических реформ, и за ущерб, нанесенный геополитическим интересам страны в результате странно понятых общечеловеческих ценностей... Улавливаете?

Мрачная фантазия литератора уже подсказывает мне разные картины. Ну, например, собирается наш новый наркоминдел что-то там за рубежами подписывать, а жена в ночь накануне отъезда шепчет ему в теплое родное ухо: «Ты уж, дроля, смотри, что попадая там не подписывай... Лучше сразу в отставку подавай... Помнишь, как Козырева-то?..» Сгущаю? Возможно. Но это – как и откуда посмотреть на ситуацию. В начале двадцатых можно было взглянуть на нее и из наркомовского кабинета, а можно и из охваченной восстанием Тамбовщины. И сегодня тоже можно посмотреть из окна отреставрированного турками Белого дома, а можно из испепеленного Грозного, восхотевшего согласно ценным указаниям заглотив суверенитета как можно больше. Можно взглянуть и глазами оболганных военных, которые сражаются и гибнут под улюлюканье правозащитников и миротворцев, вспоминающих о правах человека только по большой политической нужде... Кто знает, какой взгляд будет определять судьбу страны и людские судьбы через некоторое время. Но замиренные тамбовские крестьяне

тоже, думаю, выпили самогону за упокой души красного маршала, травившего их химическими снарядами...

Идущие в политику, чтобы – по их словам – сберечь слезинку ребенка, потом льют потоки крови, чтобы в этой самой политике остаться. Но политика – игра на вылет, а для всех вылетевших, полагаю, скоро не только западных кафедр, но и мест операторов посудомоечных машин в студенческих столовых этих самых университетов не хватит... Не просто и с размещением вылетевших здесь, на родине, ибо по мере охлаждения Запада к нашим заморочкам – там своих проблем навалом – все актуальнее будет поговорка: где родился, там и сгодился. А тут будут подтягиваться все новые политические команды, у них появятся свои вылетевшие и выбывшие по ранению. Кого-то будут, как Гайдара, любовно, исключительно в три четверти, продолжать показывать по ТВ, а кому-то, как Авену, придется довольствоваться благоустроенным забвением. Но места-то будут заняты предыдущими «вылетантами»... А трех послов в Ватикан не пошлешь. Улавливаете?

И вот тогда, думаю, не раньше, встанут во весь свой богатырский рост известные российские вопросы: «Кто виноват?» и «Что с ними, виноватыми, делать?». А старушка, потерявшая в 92-м то, что копила всю жизнь, читая в «Известиях» отчет о процессе над очередным, до боли знакомым вредителем, уронит в восторге от творимой справедливости свою вставную челюсть в трехсуточные щи. Ей ведь, как, впрочем, и забаррикадировавшемуся в забое шахтеру, как и приторговывающей косметикой, чтобы выжить, учительнице русского языка, не важно, каким именно образом и какими кривыми дорожками добралось возмездие до их обидчиков и супостатов. Вы возразите: мол, общественное мнение не допустит! Полноте, общественное мнение зависит всего лишь от текста телекомментатора, когда, бледнея от профессионального негодования, он призывает «раздавить гадину». А кто платит, тот, как говорится, и заказывает «гадину»...

Вероятно, метод проб и ошибок возможен и в политике, но пробы на нас, рядовых налогоплательщиках, ставить уже негде. А ошибкам конца не видно. Но платить и отвечать все-таки придется. Только не потому, что восторжествует справедливость, а потому, что рано или поздно восторжествует одна из команд, борющихся сегодня за право рулить заблудившимся трамваем по имени «Россия». Не исключено и другое: те, что примутся карать, будут, возможно, даже виноватее тех, кого заставят отвечать за все, в том числе и чужие ошибки. И я отчетливо вижу на политической карте нашего расчлененного Отечества, напоминающей схему разделки говяжьих туш (помните, в гастрономах такие висели?), огромную кроваво-красную печать: «УПЛАЧЕНО».

Хотелось бы ошибиться...

«Независимая газета», январь 1995 г.

Грешно плевать в чуждое озеро

Давайте порассуждаем на уровне «ты меня уважаешь?». Если вы думаете, будто это сакраментальное словосочетание означает лишь то, что застолье плавно переходит в заурядную пьянку, вы глубоко ошибаетесь. «Ты меня уважаешь?» – главный, я бы сказал, краеугольный вопрос человеческих взаимоотношений, взаимоотношений государства и народа, а также взаимоотношений между народами и государствами.

Социализм с доперестроечным лицом рухнул потому, что он человека не уважал, а только учитывал как фактор. Собственно, исключительно на обещании уважать конкретного человека и пришли к власти люди, именующие себя демократами. Обманули, конечно. Более того, человека перестают учитывать даже как фактор. Межнациональные конфликты, а точнее – бойня... Опаснейшая, скрытая, но все более открывающаяся безработица... Тропический рост цен, когда стоимость гипотетической потребительской корзины в несколько раз выше символической средней заработной платы... Взрыв преступности: идешь по улице и чувствуешь себя жестяным зайцем из тира... А «новые русские»? В своем большинстве они просто-напросто заняли место номенклатуры у госкормушки, только влезли туда с ногами, и не столько едят – сколько «за бугор» утаскивают, подальше от остальных! Но довольно об этом. Очень многим сегодня хочется снова почувствовать себя хотя бы «человеческим фактором».

Сила государства – в уважении народа. Мысль не новая, но тем не менее. Может народ уважать государство, где выяснение отношений между ветвями власти заканчивается танковой пальбой по парламенту? И В. Листьев, мне представляется, погиб не от пули наемного убийцы, а от осколков тех октябрьских снарядов, рвавших в окна черного от копоти Белого дома... Организованная преступность резонно оправдывается: «А мы-то что? Мы – как они там, наверху. Но пользуемся, заметьте, только стрелковым оружием, разве что в особых случаях подкладываем бомбы под автомобили!»

А теперь об уважении на международном уровне. Можно уважать государство, которое, решив выводить свой народ из застоя, ввело его в прострацию? Государство, которое дернуло со своих геополитических рубежей чуть не нагишом, как застуканный суровым супругом любовник? Хоть бы вещички собрали. А ведь в ту же Европу мы пришли буквально по костям миллионов собственных сограждан, что бы там сегодня ни говорили. Да, конечно, Сталин не Черчилль. Но ведь и Черчилль не Джавахарлал Неру! А можно ли уважать государство, которое собственную армию довело до такого состояния, что солдаты и офицеры боятся журналистов больше, чем вооруженного противника? Можно нас уважать, если мы ядерное оружие, как при Левше, скоро начнем кирпичом чистить? Могут американцы, поднимающие международный хай, когда их соотечественнику наступят на ногу в панамском трамвае, уважать Россию, которая с какой-то дебильной фригидностью наблюдает, как подвергаются утеснениям и унижениям 25 миллионов русских, оказавшихся вдруг за границами, прозрачными, точно старческая катаракта?

А как насчет уважения к политикам, если они, чуть что у них не ладится, бегут жаловаться на оппозицию к зарубежным коллегам, как раньше бегали жаловаться в партком на неверного супруга? Те, конечно, и посочувствуют, и поддержат, и финансовую помощь пообещают, может, и отстегнут под – немалые, разумеется! – проценты... Но ведь это – даже не жалость, это – плохо скрываемое презрение. Думаете, наши политики не понимают? Отлично понимают, но поступают в точности по рецепту своих пламенных предшественников. Те пугали нас империалистической агрессией, а нынешние – финансовым охлаждением Запада. Собственно, это единственное отличие автора книги «Государство и революция» от автора книги «Государство и эволюция», если не сопоставлять масштабы личностей.

Народ, не уважающий собственных прошлых побед, обречен на будущие поражения. Даже в самые мрачные годы наша Победа в Великой Отечественной войне была свята. И дело не в том, что никто не знал о заградотрядах и подлом отношении к собственным солдатам, попавшим в плен. Не в том, что могли-де малой кровью, а положили миллионы. Разговор о малой крови – это вообще из области гематологии, и события в Чечне это страшно подтвердили. Наконец, дело даже не в том, что хуже – свастика или звезда? А именно такая дискуссия навязывается нам ныне. Звезду придумал, кстати, не тамбовский крестьянин... Но какая, в сущности, разница, при каком режиме народ борется за свое существование, спасая к тому же от истребления десятков народов, – при тоталитарном или демократическом? Предают-то в случае чего не режим, а Родину.

Это, кстати, относится и к многочисленным книгам В. Суворова-Резуна, которые изданы у нас тиражом едва ли не большим, чем Карамзин, Соловьев и Костомаров, вместе взятые. Кстати, я хотел бы посмотреть, каким тиражом издавались бы в США написанные успешным перебежачем к нам тем же Эймсом книги про то, что-де все американское благополучие зиждется на костях десятков миллионов несчастных негров, в течение столетий вывозимых из Африки и зачастую отправлявшихся на тот свет еще по пути в Новый Свет? Даже если бы каждое слово в книгах В. Суворова-Резуна было правдой (а это совсем не так), я бы все равно спросил: «Ну и что?» Святой Александр Невский разбил немцев и шведов вообще будучи под оккупацией Золотой Орды и пользуясь ее золотым ярлыком, как аусвайсом... что ж теперь из-за этого всенародно плевать в Чудское озеро?

А ведь плевали! Чего только стоила эта одно время поселившаяся в средствах массовой информации, особенно на ТВ, извиняющаяся интонация по поводу нашей Победы в Великой Отечественной войне... Мол, нет, чтобы ширпотребом прилавки заваливать да сельское хозяйство поднимать, – развоевались, аж до Берлина доперли! Да еще пол-Европы ядовитыми клыками социализма, как вампиры, перекусали! Совершенно забывая при этом напомнить, что тогда, перед войной, не пол-Европы, а вся Европа социализмом прихварывала и ради сталинского антифашизма закрывала просвещенные очи на его тоталитарные художества. Перечитайте Фейхтвангера... Вы никогда не задумывались, почему вождь своим опальным соратникам неизменно связь то с Германией, то с Японией присобачивал с тем же упорством, с каким сегодня любую оппозицию стараются в красно-коричневые записать?... Ну конечно, чтобы просвещенную Европу порадовать!

А где было наше жаждающее международного уважения государство, когда за границами стали валить памятники советским солдатам? Очень хорошо помню эти сюжеты в информационных выпусках, когда наши, между прочим, а не их комментаторы с плохо скрываемым злорадством поучали: вот что бывает с памятниками тем, кто принес свой чудовищный строй на штыках другим народам! Давно нет уже там ни наших памятников, ни наших штыков, а коммунисты, слегка переназвавшись, то там, то тут к власти с помощью демократических выборов приходят. А нет ли в этой самой идее, как, впрочем, и в буржуазной, судя по многолетнему опыту, неких извечных, неуничтожимых исторических вирусов? Поэтому нечего из нашего народа эдакого бациллоносителя делать! Пусть время разбирается, кто кого заразил...

Результаты неуважаемости ждать себя не заставили: нас вдруг продинамили с торжествами по поводу открытия второго фронта. А некоторое время спустя случайно подзабыли, кто из союзников освобождал чудовищный Освенцим: вроде как его совместными усилиями Польши, Америки, Германии и Израиля освободили... А тут еще одна любопытная вещь выяснилась: немцы, получается, перед всеми народами за свой фашизм виноваты, но только не перед нами: оказывается, мы, по мнению Суворова-Резуна, первыми напасть хотели: танки на шинном ходу для езды по европейским автострадам перед войной строили... Да если бы даже тогдашнее Политбюро открытки с Эйфелевой башней и словами «Привет от Васи из Парижа!» печатало, – какое это имеет отношение к миллионам погибших на той войне?! Если мы такими

уж историческими поганцами в ту пору были, что ж западные демократии с нами против Гитлера объединялись, а не с Гитлером против нас? Конечно, в истории все было сложнее, но ведь даже сложность элементарной нравственности не отменяет!

Кстати сказать, многоуважаемых г-д Клинтона и Коля на Красную площадь 9 Мая мы приглашаем не бюсту «вождя народов» кланяться, а склонить головы перед памятью этих неслыханных миллионов. Вот ведь в чем дело. Но эти господа затрудняются даже пообещать, что приедут на наш главный праздник: не уважают! Одного война в Чечне смущает. Не буря, понимаете ли, это в пустыне! Другому в качестве командировочных подавай художественные ценности, вывезенные из размолоченной Германии в качестве компенсации за неисчислимы культурные утраты, понесенные нашей страной в годы войны! Реституцией это, извините за выражение, называется.

Но давайте встанем на их место! Трудно – но попытаемся. Мы бы, например, на их месте поехали? Поехали бы в страну, куда посылаются списанная с их военных складов тушенка и недоношенная их гражданами одежонка? В страну, которая к своим недавним союзникам и в Европе, и в Азии, и в Африке относится с переменчивостью склеротической кокетки? В страну, где один журналист в связи с убийством другого журналиста заявляет многомиллионной телеаудитории: «Теперь в этой стране делать нечего. Надо уезжать!»?

Человек может жить, где хочет. Но для подобных заявлений существует ОВИР. При чем тут национальное телевидение? Поехали бы мы с вами на праздник в страну, которая наряду с нефтью экспортирует за рубеж тонны боевых наград, принадлежащих умершим и живым ветеранам, ибо живым, как ни странно, нужно есть? В страну, еще до сих пор не захоронившую прах тысяч воинов, лежащих в сырой земле там, где их и застала гибель?! В страну, где страшным словом «фашист» политики в своих шкурных интересах пользуются, как продавцы клейкими ценниками в универсаме?! Вы любите ходить на юбилеи к неуважаемым людям? Я не хожу. Поэтому на их месте я бы тоже не приехал. Поэтому-то и звать-надрывать не след...

Впрочем, зачем нам ставить себя на их место? У нас есть свое место – и оно в России. А слово «уважать» подходит к взаимоотношениям между людьми, между народом и государством, между государствами, но только – не между человеком и его Родиной. Родину, простите за подзабытую банальность, можно только любить. По-всякому – с нежностью, с восхищением, с уважением, с горечью, с досадой, – но только любить... Поэтому нас-то на праздник Победы звать не надо. Мы придем – со слезами на глазах, как поется в песне. Будем праздновать эту святую дату с уважением к прошлому Отечества и с надеждой, что уж следующий юбилей Победы отметим с уважением к настоящему Державы. А это, поверьте, немало для нашего неуважительного времени...

Газета «Труд», март 1995 г.

Наши гостомыслы

Эпоха перемен – это всегда время авантюристов и подвижников, воруя и работяг, гостомыслов и патриотов. Первые начинают, процесс идет, а когда страна превращается в груды обломков, за дело берутся вторые и спасают государство. Почему вторые никогда не начинают первыми – одна из загадок российской истории.

Кто такие гостомыслы?

Великий Лев Гумилев считал, что слово «гостомysl» только со временем превратилось в имя собственное, обозначив полумифического старейшину Гостомысла, призвавшего Рюрика владеть нами, беспорядочными. А первоначально «гостомыслами» на Руси называли тех, кто благоволил иноземцам – «мыслил гостям». Люди, определяющие сегодня судьбу страны, не только зачастую «мыслят гостям», но и мыслят как гости...

Гостомыслы есть в любом народе. Проще всего, конечно, объяснить дело кровью, генами, и всех людей, в ком течет хоть капля «нетитульной» крови, объявить потенциальными гостомыслами и строго за ними приглядывать (так, кстати, и поступают на государственном уровне во многих местах ближнего зарубежья). Но что тогда делать с русским лингвистом Иваном Бодуэном де Куртене, героем Севастополя инженер-генералом Эдуардом Тотлебенем, мастером русского стиха Борисом Пастернаком и тысячами других известных и миллионами неизвестных людей, верно служивших государству Российскому, которое никогда бы не достигло своих размеров и мощи, если бы занималось выяснением, откуда приехал Аристотель Фюрванти, почему Пушкин смахивает на эфиопа и зачем такая странная фамилия у летчика Гастелло. Гостомыслство – мировоззрение. Оно формируется иногда семьей, иногда обстоятельствами, чаще идеологией, порой это просто характер, а характер нынче принято объяснять исключительно астрологией. Я знал одного гостомысла, буквально ненавидевшего страну, где родился, за то, что вместо коммуналки он никак не мог получить отдельную квартиру. Он говорил, что в Европе каждый работающий имеет коттедж. Мысль о том, что он мог родиться в Африке, где попросту умирают с голода, ему в голову не приходила. Сейчас он в Америке, и эта страна ему тоже не нравится, потому что в районе, где он живет, много негров, а на более приятное окружение у него не хватает денег.

Но это – примитивное, потребительское гостомыслство. Бывает и другое – интеллектуальное. Вот литератор Л. Бежин, именующий себя «русским православным европейцем», с презрением пишет в «Новом мире» про мордастого лавочника в картузе и поддевке, сдувающего пену с пивной кружки, сплевывающего на мостовую шелуху подсолнечников и призывающего к еврейским погромам... А буквально через несколько абзацев наш русский православный европеец с восторгом живописует «почтенных немецких пивоваров, наполняющих пенистой струей тяжелые кружки» и с партитурой в руках слушающих оперы Вагнера и симфонии Брамса... Я даже не буду останавливаться на том общеизвестном факте, что чудовищный многомиллионный погром, в том числе и еврейский, вылился не из российских трактиров, но как раз из музыкальных немецких пивных, а только напомню, что «мордастый лавочник» вместе с чадами и домочадцами сгинул после революции в подвалах ЧК или в ГУЛАГе и, вполне возможно, по приговору какого-нибудь «русского европейца»...

И еще я хочу отметить это безотчетное и в то же время умозрительное (ведь поддевку-то автор только на старых карикатурах или в музеях видел) пренебрежение к собственному народу: и пену-то он не так сдувает, и картуз-то носит, и семечками мусорит. Эх, да европейские или американские зрительные залы к концу дня просто завалены бумажками от жевательных резинок и чипсов – этих семечек конца XX века. Ну и что с того?

Кстати, именно эта разновидность гостомыслов-интеллектуалов постоянно говорит о народе как об источнике повышенной опасности. Сейчас вот достали всех пресловутым «русским фашизмом», которым, конечно же, легче себе самим и миру объяснить грозное недовольство ограбленного и согнанного с родных мест населения (обобранные крестьяне, кстати, тоже гостомыслам-переломщикам в свое время очень не нравились: «запечный разврат» и все такое прочее!). Но фашизм-то тут при чем? Такой терпимый к иным племенам и незлопамятный народ, как наш, еще поискать! Если б не так, то во время буденновской бойни чеченскую диаспору на российских просторах на куски разорвали бы. Но не было такого и не будет, что бы там ни накликивали заполошные чибисы «русского фашизма»!

Без порток, но в джинсах

Объективности ради надо сказать, что советская власть немало потрудилась над формированием довольно обширной колонны гостомыслов в стране. Это были гостомыслы-романтики, и такой тип мировоззрения мог сформироваться только за железным занавесом в условиях господства моноидеологии. Если человека насильно заставляют верить в Бога, он верит в черта, если заставляют верить в коммунизм, он верит в антикоммунизм.

Мы проиграли третью мировую войну, потому что мы проиграли войну идеологий, а войну идеологий мы проиграли, потому что проиграли войну жизненных стандартов. О том, почему это произошло, написано уже много – и о неповоротливости нашей экономики, и о скованности людской инициативы, и о зловещем преобладании группы А над группой Б... Сейчас, правда, стали писать, что в результате реформ А упало, Б пропало, но это – тема отдельного разговора...

Застой у нас, конечно, был, но это был, если так можно выразиться, проточный застой... Мы хотели большей социальной справедливости, а огребли большую социальную несправедливость. Вместо того чтобы расчистить протоки, второй раз за столетие решили рыть новое русло. За то и расплачиваемся! Расплачиваемся за главный принцип гостомыслов: или так, как там, или никак! Неважно, где «там» – в капиталистической Европе или в «Капитале» Карла Маркса. Правда, острое недовольство своим уровнем жизни было в основном у элиты, не случайно несгибаемые большевики, до старости довольствовавшиеся регулярным продуктовым заказом и бесплатной путевкой в барвихинский санаторий, своих детей и внуков старались пристроить поближе к той небольшой скрипучей дверце в железном занавесе, которая помогала приобщаться к жизненным стандартам идеологического противника. Окончив спецшколу и хороший вуз, потомки старых большевиков, привозя из-за границы джинсы и запретный том Генри Миллера, говаривали, что мы так не умеем ни шить, ни писать. При этом они как-то не задумывались, что если б не преобразовательный зуд их дедов, то наши Саввы Морозовы и другие работяги в картузах и поддевах завалили бы джинсами с романтическим названием «портки» полмира, а что касается Генри Миллеров, то они у нас перед революцией косяками ходили, как карпы в правительственном пруду. Кстати, по одной из легенд, Гостомysl был внуком Вандаля. Улавливаете? Впрочем, скрипучей дверью пользовался авангард гостомыслов, большинство же ограничивали свой кругозор щелями и дырочками в проржавевшем железном занавесе. Это многое объясняет в наших нынешних заморочках и в наших нынешних лидерах. Чего только стоит один московский префект, принимавший население, надев форму американского шерифа... Пустячок, а символ!

Обозначился и главный политический постулат гостомыслов-романтиков. «Заграница нам поможет...» Такая, понимаете, разновидность идеи мировой революции, только теперь идущей в обратном направлении. Но загляните в любой учебник истории: если в чем и может одна великая геополитическая общность помочь другой, так только в максимально быстром и бесшумном исчезновении с арены мировой истории. Можно дружить семьями, народами,

даже государствами. Геополитическими интересами, зачастую противоположными, дружить невозможно. Новое мышление – это когда любители отбивных, опасаясь, что мяса на всех не хватит, начинают пропагандировать вегетарианство. Смешно, но окруженная убежденными мясоедами Россия на эту диету села и сразу катастрофически потеряла в весе. Нынче ее просто качает атлантическим ветром. А немалую часть населения качает от недоедания...

«А права человека?!» – воскликнете вы. Вот ведь совсем из головы вылетело! Тут, конечно, неоспоримая заслуга гостомыслов, настолько неоспоримая, что впору ставить памятник. Я бы предложил поставить танк. На площади Свободы, возле Белого дома. Вот ведь парадокс: люди, не простившие советской власти танки на Вацлавской площади, бурно приветствовали танки на Краснопресненской набережной. Большевики начали с холостого залпа «Авроры», а закончили ГУЛАГом. Чем могут закончить гостомыслы, предпочитающие кумулятивные снаряды, одному Богу ведомо. Впрочем, о Чечне, сначала старательно вооруженной, а теперь кровавой ценой замиряемой, ведаем и мы... «Но свобода слова?!» – еще раз воскликнете вы. Да, конечно... Только наша нынешняя свобода слова напоминает мне родовой послед, стремительно пожираемый самой же сукой...

Портрет Дориана Грея

Но мало кто предвидел это в 1985-м, когда гостомыслы взяли власть в стране одной рукой, и понимал в 1991-м, когда они взяли власть обеими руками. Чтобы понять, понадобилось время.

Понадобились чудовищные внешнеполитические провалы Горбачева – этого лучшего немца всех времен и народов; крах реформ Гайдара – этого классического гостомысла, чьим именем еще долго будут пугать студентов экономических факультетов во всем мире; понадобился развал СССР, на который Б. Ельцин, борясь за власть, пошел сознательно, но и не без влияния советчиков-гостомыслов, говоривших примерно следующее: «Да куда они, Борис Николаевич, денутся – все равно прибегут к нам со своими кринками, казанами и бурдюками за нашей расейской нефтьюшкой!» Прибежали... А что толку? За такие советы Иван Грозный смолу в глотку заливал. Понадобилась череда геополитических унижений, когда нам мягко, но твердо объяснили, что сфера интересов Запада везде, а сфера интересов России ограничивается восстановленным Красным кремлевским крыльцом. В ответ на запоздалые упреки советники, как и положено людям с гостевым мышлением, отвечают теперь, что, если ими недовольны, они готовы хоть сейчас уехать преподавать куда-нибудь в Гарвард. Но не едут... Только один на моей памяти, сброшенный в буквальном смысле слова с теплохода современности, отбыл послом в Ватикан. Но их время кончается, это понимают все – и острее других, между прочим, сам Б. Ельцин, человек с выдающимся инстинктом самосохранения.

Полагаю, он осознал, а может быть, понимал всегда, исходя из той же истории КПСС: с помощью гостомыслов можно взять власть. Но направить эту власть на созидание, а не на разрушение, опираясь на гостомыслов, невозможно. И они, легко прощавшие Б. Ельцину многие ошибки и несурезицы, этого понимания своей политической неуместности никогда ему не простят. Неуклонная сатиризация образа президента в средствах массовой информации – самое верное тому свидетельство... Иногда этот образ напоминает мне своего рода портрет Дориана Грея, зловеще запечатлевающий всю безнравственность и бестолковость гостомыслского периода нашей истории. Вероятно, гостомыслы-романтики полагают, что таким образом сами они в глазах общества останутся чистыми и непорочными, как нецелованный и непьющий юноша Дориан... Напрасно. Приходит время других людей. Они, кстати, все чаще, к неудовольствию гостомыслов с подпольным стажем, появляются в коридорах власти. Наша верхушка уже сегодня напоминает диковатую пару времен Гражданской войны: кожаный комиссар из

германского вагона и красный военспец из окопов германской... Но сначала несколько слов о сформировавшейся за последние годы новой разновидности гостомыслов – прагматиках.

Насчет клубнички

Они – плод маниакального стремления боевитых внуков создать класс собственников в такие же сжатые сроки, в какие их деды в пыльных шлемах этот класс уничтожили. В идеале формирование нового класса собственников мыслилось наподобие того, как в последние годы «застоя» работали некоторые колхозы-клубниководы: заходишь в поле, шесть туесков собираешь колхозу, седьмой – себе. Кто быстрее собирает, тот больше домой клубники и уносит. Но то ли в результате неумных законов, то ли в целях быстрее создания нового класса – опоры реформ – уносить с колхозного поля стали все, что собрали, а тем, кто сажал, полыл, поливал, травил садовых вредителей, ничего не доставалось, кроме нищенской зарплаты с полугодовым опозданием. Но это еще не все. Поскольку желающих попользоваться насчет клубнички оказалось слишком много, самые сообразительные и крутые стали действовать методом кнута и пряника. Пряник с большим количеством нулей – председателю колхоза, чтобы других в поле не допускал. Кнут – наивным гражданам, вообразившим, будто в садовом бизнесе все дело в усердии и умении быстро рвать ягоды... Вот вам исток нашей чудовищной коррупции и преступности.

И это еще не все: совершенно не беспокоясь о том, как отразятся их действия на будущих видах России, гостомыслы-прагматики нашу с вами «ягоду» гонят по дешевке за рубеж, а выручку складывают в тамошних банках, улучшая и без того некислую зарубежную жизнь и ухудшая нашу и без того несладкую. Но гостомыслам-романтикам дела до этого безобразия нет, они обещали, что уже наше поколение будет жить при капитализме, и в отличие от коммунистов, не дотянувших по многим причинам до социализма с человеческим лицом, свое слово сдержали, ввергнув нас в капитализм с неандертальской мордой.

Но шутки – в сторону. Итак, что мы имеем в результате? А имеем мы страну, отброшенную в своей геополитике в XVII век. Хотел бы я узнать, что сказали бы американцы, вдруг в результате реформ проснувшиеся в деревянном форте, обложенном гикающими индейцами? Мы имеем такое удручающее расслоение общества, что осталось только ввести закон, по которому 95 процентов населения должны падать ниц перед приближающимся «Мерседесом» и под страхом отсечения головы не подниматься с колен до тех пор, пока не рассеется пыль. Мы имеем войны и предвоенное напряжение на рубежах – верный признак развала страны. Алмазная республика Якутия, Амурско-китайская автономия или Прикаспийский черноикорный каганат – не такая уж нелепая фантазия. Мы имеем неслыханный упадок национальной науки и культуры, неведомый даже в те времена, когда гостомыслы в кожанках пароходами сплавляли философов за границу. Мы имеем мощнейший, чисто колониальный натиск западной массовой культуры и идеологии. Реформа гуманитарных наук в школе и вузах движется в таком направлении, что для следующих поколений солнце будет всходить с Запада, а сама Россия с замороженным населением будет восприниматься как несчастная часть Аляски, которую царь-освободитель не успел вовремя продать в цивилизованные руки, так как был убит арабскими террористами, а потом началась черносотенная реакция – и стало не до этого...

Последнее прибежище

Что мы можем? Единственное: отправить самых неугомонных гостомыслов-романтиков преподавать на Запад. Если их не будут брать, сброситься всем миром и дать взятку, чтобы взяли... Если они и там примутся за реформы, баланс мировых сил может резко измениться в нашу пользу. К власти должны прийти патриоты – не те люди с ущербно-озлобленными лицами

и бредовыми лозунгами, не те недотыкомки, которых старательные операторы выискивают на каждом оппозиционном митинге и которых, по теории вероятности, можно обнаружить при любом большом скоплении людей, даже на встречах либерально настроенной интеллигенции с президентом. К власти, разумеется, в результате выборов должны прийти патриоты в первоначальном смысле этого слова, не замутненным лукавыми толкованиями, люди, готовые на жертвы, лишения, даже унижения, – чтобы вытащить страну из грязи и вернуть основной части населения для начала хотя бы тот уровень жизни и безопасности, с которого стартанули пре-словутые реформы. И прежде всего нужно прямо сказать: да, у России, как у любой другой страны, – свой собственный путь. Возможно, все семьи счастливы одинаково, а несчастны по-разному, но с народами дело обстоит как раз наоборот: все народы несчастны одинаково, а счастливы по-разному.

Ради реального, а не фуршетного возрождения страны стоит потерпеть и затянуть потуже пояса, хоть ту же вроде уже и некуда. Кстати, и гостомыслы уже не обещают нам скорого благоденствия, но тоже предлагают потерпеть. И если уж терпеть, то ради восстановления державы, а не ради дальнейшего ее растаскивания. Да, нас ждет пора самоограничений и ригоризма. Это неизбежно после такого разгрома государства и экономики. Но самоограничения надо начинать сверху, а не снизу, как сейчас. В свое время был введен партийный максимум, то есть строгое ограничение доходов нового красного чиновничества. Может быть, именно с этого и началось то «преодоление большевизма», о котором писал в свое время Н. Бердяев. Партмаксимум, увы, впоследствии сменился номенклатурным злоупотреблением. Сегодня мы живем в обстановке «демократической» обираловки. Выход – патриотический максимум, самоограничение ради будущего наших детей. Способ – личный пример власть имущих. Политики, начинающие строительство светлого будущего со своей четырехэтажной виллы, нам не нужны. Впрочем, они не нужны нигде...

А что же делать, спросите вы, с гостомыслами-прагматиками? Ничего. Они на то и прагматики, что как только им будет выгодно зарабатывать на усилении собственной державы и обогащении народа, а не на ее ослаблении и грабеже, они сразу станут патриотами, пусть патриотами-прагматиками. Отлично! Одни будут «умом Россию понимать», а другие будут в нее «просто верить». Так и сработаемся. Так и победим. Останутся, конечно, и те, что будут упорно проповедовать гостомысльство, эдакие гостомыслы-фундаменталисты. Тоже хорошо! В небольших количествах (и не у власти) гостомыслы нужны каждому обществу; чтобы голова от успехов не кружилась и чувство национальной исключительности под ногами не путалось. Но уверяю вас, большинство гостомыслов-романтиков, как это уже и бывало в нашей истории, дело себе отыщут. Став истошными патриотами и обнаружив в сдувании пивной пены символ исконной народной удали, они будут ездить по городам и весям с лекциями «Россия на стрежне прогресса», писать книги «Смердящие штаты Америки», а в телевизионных репортажах возмущаться ленью и филистерством западного общества. Их даже урезонивать придется: мол, что вы такое несете? Америка – прекрасная страна, а народ там просто замечательный... Но вряд ли они послушают, может, даже начнут обвинять нас в антироссийских настроениях. Но это будет завтра, а сегодня они еще любят, словно заглядывая в будущее, повторять вслед за британцем С. Джансоном слова, которые почему-то приписываются Льву Толстому: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя...» Я бы, правда, перефразировал помягче: «Патриотизм – последнее прибежище гостомысла...»

Газета «Труд», август 1995 г.

Человек перед урной *Двадцать один совет другу-избирателю*

Скоро выборы в Думу. Многие средства массовой информации с деликатностью агрегата для забивания свай убеждают нас, что ничего путного из этих выборов не получится, что список кандидатов напоминает по толщине «телефонную книгу» и что нормальные граждане на выборы вообще не придут. А для тех, кто плохо поддается внушению и все-таки собирается прийти к урнам, постоянно публикуются различные рейтинги, которые так же соответствуют действительности, как членораздельная надпись на сарае его реальному содержимому.

Идти на выборы, конечно, надо, хотя бы для того, чтобы по заслугам отблагодарить тех, кто руководил нами в последние годы и явно отсидел свое, по крайней мере в Думе. Но как снова не ошибиться, как сделать такой выбор, чтобы не было мучительно стыдно последующие пять лет, а возможно, и всю оставшуюся жизнь? Вот несколько советов. Надеюсь, они помогут вам избежать досадных промахов и выбрать таких депутатов, которые будут видеть в нас людей, а не электорат.

Совет первый. Человек, который достоин заседать в Думе, должен прежде всего выглядеть абсолютно нормальным и вызывать положительные эмоции. Оружие, хамящие, дерущиеся, плюющиеся, плескающиеся и пр., а также вызывающие вольные или невольные ассоциации со знаменитой лечебницей имени П. П. Кащенко отметаются сразу и навсегда.

Совет второй. Будущий член Думы, понятное дело, должен уметь думать и выражать свои мысли в адекватной форме. Те, кому и первое, и второе дается с таким же трудом, как теннис адвокату Макарову, пусть лучше возвращаются туда, откуда пришли, – в бизнес, на производство, в поля, в армию, на театральную сцену, в мафию, в коридоры власти.

Совет третий. Кандидат, о котором ходят упорные слухи, – то ли он у кого-то шубу украл, то ли у него украли, – тоже нам не подходит. Пусть сначала разберется с этими шубами, а потом уж лезет в политику. Если он утверждает, что гнусно оклеветан прессой, сообщившей о наличии у него роскошной виллы в Пальма-де-Мальорка, не спешите ему верить, хотя не исключено, и он говорит чистую правду: просто его вилла находится в Пальма-де-Соль.

Совет четвертый. Кандидат, носящий на шее золотую цепь величиной с национальный доход суверенной Эстонии, тоже не годится. Богатство, как и красота, требует ежедневных забот: ему будет просто не до своих избирателей. Не нужен нам и соискатель, одетый в засаленный костюм довоенного покроя. Одно из двух: или он чудовищно беден, что очень портит характер и отвлекает от законотворчества, или он чудовищно богат и подло скрывает это. Если в прежнюю Думу он баллотировался все в том же засаленном костюме и прошел, значит, он уже богат и не подходит нам по причинам, изложенным выше. Бизнесмен, конечно, может быть депутатом, но депутат не может быть бизнесменом.

Совет пятый. Кандидат не должен появляться на людях в окружении более чем четырех охранников. В противном случае в его биографии есть какие-то темные криминальные пятна, и он опасается возмездия. Если вы не хотите пулеметных разборок и в Думе тоже, решительно игнорируйте этого подозрительного искателя вашей избирательской благосклонности.

Совет шестой. Если кандидат томился за свои убеждения в местах лишения свободы, полюбопытствуйте, в чем именно заключались его убеждения. Вполне возможно, они сводились к убежденности в том, что свободный человек имеет полное право растрачивать казенные деньги или посвящать несовершеннолетних в восхитительные тайны секса.

Совет седьмой. Соискатель думского мандата должен быть женат и иметь детей, иначе проблемы рядовой российской семьи будут ему непонятны и даже чужды. Его дети, по крайней мере, на период предвыборного марафона должны посещать одно из отечественных учебных заведений или трудиться на одном из отечественных предприятий, предпочтительно бюджет-

ном. Если у кандидата есть внебрачная связь, то убедитесь с помощью молодежной прессы, что его партнер не одного с ним пола, а сам политик не транссексуал. Я не против сексуальных меньшинств, упаси бог. Но будет нелепо, если эти меньшинства составят в новой Думе большинство. История Отечества может тронуться в самом неожиданном направлении.

Совет восьмой. Грядущий парламентарий не должен менять свои принципы больше одного раза за весь период политической деятельности. Единожды это допустимо, ибо порой видение, скажем, под деревом или голос из космоса круто меняли взгляды и жизнь разных людей. Возьмем того же принца Гаутаму, ставшего Буддой, или Андрея Козырева, ставшего русским империалистом. Но если судьбоносные видения приходят к человеку регулярно в зависимости от направления кремлевских сквозняков, то ему лучше пойти работать политическим обозревателем на ТВ.

Совет девятый. Человек, уже однажды получавший в руки рычаги власти и, как выражаются музыканты, облажавшийся, пусть занимается не политикой, а чем-то другим, например, разводит розы или разводит руками перед телекамерами. Утверждения, что на ошибках учатся, верны не только в отношении ошибшегося политика, но и в отношении избирателей, от этих ошибок пострадавших.

Совет десятый. Если кандидат обещает вам взрыв изобилия и разгул правопорядка через 100 или 500 дней после избрания в Думу, не выбирайте его! Скорое благоденствие бывает только в телевикторинах с их лукавыми ведущими да еще, возможно, в рекомендациях Международного валютного фонда.

Совет одиннадцатый. Избегайте кандидатов, тратящих на предвыборную кампанию слишком большие средства. Главный признак: соискатель появляется на телеэкране так же часто, как реклама женских гигиенических прокладок. Помните, возвращать эти деньги кредиторам будущего думца придется нам с вами!

Совет двенадцатый. Произнося такие слова, как «Россия», «патриотизм», «народ», «государственность», «возрождение Отечества», кандидат не должен кривиться, словно от зубной боли, но и не должен бить себя в грудь, будто Кинг-Конг. Я бы отдал предпочтение тем политикам, из чьих лексиконов эти слова не исчезали все последние пять лет, ведь нынче каждый рвущийся в Думу в графе «профессия» норовит написать «патриот».

Совет тринадцатый. Все непосредственно причастные к показательным парламентским стрельбам осенью 93-го и к «странной чеченской войне» исключаются. Не ровен час, им снова захочется раздавить гадину, и, очень может быть, «гадиной» на сей раз окажемся мы с вами.

Совет четырнадцатый. Если кандидат призывает вас на баррикады, голосовать за него не стоит. Один раз баррикаду из парламента уже сделали, и ничем, кроме дорогостоящего ремонта и скоропортящейся конституции, это не кончилось. Обратите внимание на «классовый накал» выступлений соискателя думского мандата. Если он, накал, измеряется в «зюганах», это, по моему, нормально, но если достигает одного «анпила», хорошенько подумайте!

Совет пятнадцатый. Если есть возможность, полюбопытствуйте, каких высот достиг будущий парламентарий в своей профессиональной деятельности. Вполне возможно, он хочет стать депутатом Думы, чтобы отомстить своему оппоненту, задробившему на ученом совете его кандидатскую диссертацию. Пусть уж набьет оппоненту морду и успокоится. Нам же с вами будет лучше.

Совет шестнадцатый. Слушая прелестные речи кандидата, обратите внимание, не предлагает ли он (и не предлагал ли в прошлом) для укрепления международного авторитета России передать иностранным государствам некоторые наши территории, спецслужбы перенацелить на охрану муниципальных рынков, а накопленное «империей зла» оружие ссыпать куда-нибудь в Марианскую впадину от греха подальше. Если – да, то голосовать за него не стоит. Пусть лучше баллотируется во французский парламент и борется там за прекращение ядерных испытаний на атолле Муруроа и возвращение острова Корсика Италии.

Совет семнадцатый. Если кандидат при коммунистах занимал приличный пост, послушайте, ругает ли он советскую власть. Помните: порядочные люди о бывших хозяевах говорят или хорошо, или ничего.

Совет восемнадцатый. Если кандидат представляет уважаемое правозащитное движение, вспомните, говорил ли он о правах человека, когда нас с вами лишали законного права на трехразовое сбалансированное питание, или же он вспоминает о правах человека, только если государство пытается навести в стране хоть маломальский порядок.

Совет девятнадцатый. Если будущий парламентарий зовет вас в социализм, присмотритесь, с человеческим ли он лицом, а если кандидат кличет вас, наоборот, в капитализм, убедитесь, не дикий ли он.

Совет двадцатый. После того как вы последуете предыдущим рекомендациям, в пресловутой «телефонной книге» останутся в лучшем случае два-три кандидата. Теперь можно прочитать их программы. Но и это необязательно. В сущности, все предлагают одно из двух: рынок с элементами распределителя или распределитель с элементами рынка. Тут уж я вам не советчик – на вкус и цвет товарища нет.

Совет двадцать первый, последний. Опуская избирательный бюллетень в урну, помните, что опускаете его в урну Истории!

Газета «Труд», октябрь 1995 г.

Зачем человеку одна голова, а орлу две?

В последнее время я часто вспоминаю популярный анекдот времен застоя. Одного гражданина, нахально подчеркивающего свое сходство с Лениным, вызвали в КГБ и потребовали прекратить безобразие. В ответ он заявил: «Допустим, я сбрею бороду и усы, перестану картавить и щуриться, галстук в горошек заменю на какой-нибудь другой... Но мысли! Куда я дену мысли?» Мне мысли тоже девать некуда, поэтому по профессиональной привычке спешу поделиться ими с читателями.

Первая мысль, которая приходит в голову, когда смотришь сегодня телевизор или читаешь большинство газет, такова: меня считают за полного идиота, страдающего к тому же и склерозом. С раннего утра до глубокой ночи меня с чисто агитпроповской навязчивостью пугают возвратом коммунистов, а следовательно, и всего социалистического кошмара. Пугают, а мне не страшно. Я, как и большинство нынешних россиян, жил при социализме и, хотя не достиг в ту пору таких высот, как, скажем, нынешний наш президент и его ближайшие сподвижники, сохранил от той эпохи не самые худшие воспоминания. Нет, я прекрасно ориентируюсь во всех пороках того строя и даже (в отличие от многих нынешних неистовых рыночников) посвятил этим порокам некоторые свои книги: «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Апофегей» и др. Но я не понимаю, зачем же человека, прожившего в бедноватой, с достаточно строгим режимом профсоюзной здравнице, убеждать, будто он был в Бухенвальде? Кто-нибудь, отдыхающий ныне во Флориде, гневно возразит против слова «здравница». Я его понимаю, но худо-бедно в те времена население страны увеличивалось, а теперь стремительно уменьшается, количество же самоубийц в СНГ в 5 (пять?) раз превосходит общемировую норму, если слово «норма» вообще применимо к трагедии человека, лишаящего себя жизни. Так что все-таки плохонькая, но здравница.

Меня изо дня в день пугают возвратом в прошлое, а в самый канун выборов, слышал, даже покажут новый художественный фильм «Если завтра будет вчера», где продемонстрируют все прелести социализма: от совершенно пустых прилавков до массовых убийств инакомыслящих инородцев. Сначала о пустых, а точнее, пустоватых прилавках. Да, действительно, при советской власти слово «дефицит» было одним из наиболее употребляемых, и дефицитами в разное время являлись и туалетная бумага, и гречка, и импортная мебель, и автомобили. Хорошо ли это? Ясное дело – плохо.

Если когда-нибудь решат поставить памятник разрушителям социализма, то слева надо будет изваять диссидента с приемником, настроенным на волну радио «Свобода», справа – партократа с газетой «Правда» в руке, а посередине – большой шар с надписью «дефицит». Ныне это слово из языка, кстати, ушло, ибо дефицит – это когда не хватает товаров, а когда при полных прилавках не хватает денег на хлеб, потому что полгода не выдают зарплату, – это уже нищета. Решайте сами, что лучше...

А теперь – о кровопролитиях. Я не понимаю тех поглупевших от избытка патриотизма людей, которые уверяют, будто страшные человеческие жертвы в советский период нашей истории – клевета русофобов. Нет, к сожалению, это правда. XX век был кровав во многих странах, а Россия вообще чуть не захлебнулась кровью, причем коренных россиян погибло во много раз больше, чем «инородцев». Впрочем, в нашем многонациональном Отечестве это словечко вообще употреблять не стоит. Но пролитая кровь – трагедия России, а не повод для презрения и ненависти.

Вы не задумывались, почему католики, прекрасно зная о кошмарах инквизиции, продолжают исправно молиться Деве Марии? А почему американцы с неизменным уважением относятся к седовласому миллиардеру-филантропу, хотя хорошо осведомлены, что в основании его фамильного состояния – сотни тысяч негров, скормленных акулам по пути из Африки к бере-

гам Нового Света? А почему латыши обожают свою довоенную буржуазную республику, хотя именно тогда в Латвии появился первый концлагерь и количество репрессированных по отношению ко всему населению было вполне сопоставимо с размахом террора в СССР? Ответу: потому что о любом народе надо судить по его вершинам, а не провалам, в противном случае вся мировая история и все народы без исключения будут напоминать заспиртованных монстров из Кунсткамеры. А из темных вод своей истории нужно черпать не ненависть, а этническую мудрость – и делать практические выводы.

Кстати, те, кто называет себя ныне коммунистами (хотя, по-моему, они классические социал-демократы), этот вывод сделали в 91-м – ради сохранения власти на кровопролитие не пошли. А вот люди, именующие себя демократами (хотя, по-моему, они классические большевики), в 93-м кровь пролили, вернув нас в состояние гражданской войны. Так что про кровь после Белого дома лучше бы помалкивать! Между прочим, о небольшевистских замашках нынешней власти теперь пишут многие, поэтому, чтобы не выглядеть, как говаривали в детстве, «повторюшкой», я позволю себе самоцитирование, а читатель сам пусть решает, кто «повторюшка».

Итак, «Московская правда», декабрь 91-го: «Я боюсь, что мы опять получим не возникшую естественным образом общественно-экономическую структуру, а нечто спешно сколоченное, как раньше, – социализм. Прежде говорили: построим социализм за 2–3 пятилетки! Сейчас призываем построить капитализм за 500 дней... Та же штурмовщина, тот же чисто большевистский подход к истории, которую пытаются переkreить по законам, кажущимся в настоящий момент наиболее перспективными».

Это было сказано пять лет назад. А сегодня меня каждый божий день спрашивают, неужели я хочу вернуться в прошлое. Отвечаю: «Не хочу! Ни в 75-й, ни 85-й, ни в 91-й! Я хочу в будущее, в котором не будет ни глупостей прошлого, ни мерзостей настоящего!» Но ведь, по сути, вопреки нашей воле нас уже вернули в гораздо более отдаленное прошлое! Положите рядом карту России XVI века и карту РФ. Сравните. Вопросы есть? Вопросов нет. Бойня в Чечне отбросила нас на 150 лет – во времена кавказских войн. А по количеству беспризорных и неграмотных подростков мы скоро выйдем на показатели периода Гражданской войны. Сифилис лютует, как в Средние века. Что же касается свободы слова, главного, так сказать, завоевания, то се, конечно, больше, чем при Брежневе, а тем более при Сталине. Но даже такая весталка демократии, как Белла Куркова, вынуждена была сознаться: в конце 80-х свободы слова на ТВ было больше. А в конце 80-х (сообщаю исключительно для тех, кто появился на свет в начале 90-х) у власти была КПСС, еще окончательно не разделившаяся на партократов и демократов. Ну в самом деле, чем предвыборные встречи Б. Ельцина, показываемые по телевизору, отличаются от читательских конференций по бессмертной книге Л. Брежнева «Малая Земля»? Одним: на встречах с нынешним президентом охраны больше. А чем телевизионные разоблачения козней оппозиции сегодня отличаются от разоблачения козней мирового империализма в застойные годы? Одним: в передачах того же Н. Сванидзе ненависти к внутреннему супостату, к «красно-коричневым» (попросту говоря, голодным), гораздо больше, чем у достопамятного В. Зорина к врагу внешнему... И вообще нынешняя предвыборная кампания напоминает групповое идеологическое изнасилование народа!

Мне говорят, что при социализме жили бедно. Да – небогато. Я вырос в заводском общезжитии, и, когда в начале 60-х пошел в школу, в нашем Балакиревском переулке была одна-единственная личная машина – «Победа». Я даже помню имя владельца – Фомин. Если у него садился аккумулятор, это было событие общепереулкового значения. Когда я заканчивал школу, автомобилей стало гораздо больше, а в начале 80-х, когда я, повинувшись внезапному ностальгическому чувству, как-то заехал в мой Балакиревский переулок, то просто не смог припарковать свои «Жигули»: вдоль тротуара бампер к бамперу стояли личные автомобили. Рост благосостояния, как ни противно заездил это словосочетание тогдашний агитпроп, у нас

наличествовал на самом деле. Конечно, рост этот был медленным и скромным, но касался основной массы населения. вспомните, подавляющая часть тех же садовых участков была получена и застроена, несмотря на всяческие дефициты, до 91-го, а основная часть роскошных особняков, напоминающих баронские замки, – уже после 91-го. Может, подумаете вы, я против богатства? Нет, я против бедности. Богатый, живущий среди обеспеченных, – это первый среди равных. Богатый, живущий среди нищих, – это объект ненависти, которая заканчивается обычно очень печально и для «баронов», и для их замков.

Считая, вероятно, что голову я использую исключительно для ношения кепок, газеты и ТВ с утра до ночи доказывают мне, что сегодня богатым может стать каждый, – нужны лишь ум и предприимчивость. Об уме не будем: это как раз главная тема анекдотов о «новых русских». Слава богу, наш народ после нескольких лет шокового молчания снова вернулся к анекдотному творчеству, и это говорит о нравственной мощи нации. А что касается второго качества, то это уже полный бред, ибо не может каждый зарабатывать себе на жизнь предпринимательством, открывая свое дело. Это как если бы газета «Правда» в году 75-м заявила: все, кто хочет хорошо жить, должны пойти работать в райком. Но до такой дури даже застойная печать не додумалась! В самом деле, а кто будет пахать, варить металл и борщ, учить, лечить, творить (не только уличный террор), выдумывать (не только очередные «пирамиды») и пробовать (не только продавать технический спирт под видом «Абсолюта»)?! Лично для меня символом эпохи стал мой знакомый врач, доктор наук, уникальный специалист, которого несколько лет содержал сын, сменивший университет на уличный ларек. Естественно, многие уезжают за границу. В свое время всеобщими усилиями удалось отменить чудовищный проект переброски северных рек в места, которые теперь стали ближним зарубежьем. Но другой проект – переброски отечественных мозгов в дальнее зарубежье – работает вовсю!

Мне объясняют: нет денег! Я, конечно, в экономике дилетант, но меня давно волнует один вопрос. Вот был СССР, который расходовал огромные средства на Варшавский договор, на СЭВ, на поддержку дружественных режимов по всему миру, на содержание гигантских армий и ВПК, немало денег уходило и на пропаганду тогдашней идеологии, но худо-бедно оставалось на культуру, науку, здравоохранение, образование, библиотеки, пионерские лагеря... Теперь этих расходов нет, более того, Россия стала гораздо меньше давать осуверенившимся республикам, а газа и нефти добывает даже больше, чем прежде... А денег нет не только на перечисленные выше «гуманитарные» нужды, но даже на армию, на зарплаты. Куда же все делось? Мне, непрофессионалу, представляется, что эти немислимые средства пошли на очень дорогостоящее дело – срочное создание класса собственников. Кстати, примеры таких авральных созиданий у нас в Отечестве имеются: строительство Северной столицы Петром Великим, сталинская индустриализация и т. д. Тогда народ тоже заставляли затягивать пояс, а то и петлю на его шею затягивали. Но Петербург-Ленинград – вот он! Заводы-гиганты спасли нас во время Великой Отечественной...

А что мы имеем от класса, созданного ценой общенациональных лишений и страшных территориальных утрат? Имеем горы западного, не очень качественного ширпотреба и еды, ввезенных в страну при умирающих собственной промышленности и сельском хозяйстве, а еще имеем 400 млрд. долларов, вывезенных из страны. Имеем 25 млн. русских, проживающих зачастую на исконных российских землях, но оказавшихся при этом за границей. Имеем дикую, обнаглевшую преступность. Имеем запредельную коррупцию среди чиновничества, включая самый высший эшелон. Имеем островки сверхбогатых и океан бедствующих. Поэтому социализмом сегодня можно напугать только тех, кому телевизор заменяет или желудок, или голову. Но если первые встречаются крайне редко, то вторых, увы, немало! На них, собственно, и рассчитана предвыборная кампания нынешнего президента.

Кстати, во время выборов в Думу мне попала памятка, разработанная одним из демократических блоков сугубо для своих кандидатов в депутаты. Так вот, в ней рекомендовалось

во время встреч с избирателями как можно чаще употреблять слово «справедливость» и как можно реже – слово «капитализм». Надо заметить, этой рекомендации ныне прилежно следуют практически все кандидаты в президенты, начиная с Б. Ельцина. Что это – предвыборная уловка? Нет, скорее признание пока на словесном, как говорят ученые, вербальном, уровне очевидного факта: сплошной капитализации ни в экономике, ни в общественном сознании не получилось. Но ведь и сплошной социализации тоже не вышло – в этом мы с вами убедились еще раньше. Наверное, не зря все-таки у российского орла две головы: одна смотрит в социализм, другая – в рынок. Как примирить эту разнонаправленность, которая таится прежде всего в человеческой природе? Как сделать, чтобы богатство немногих не оборачивалось нищетой для большинства?

Как сделать, чтобы справедливость не превращалась в мертвящую уравниловку? Ответ на этот вопрос я и хочу услышать от кандидатов в президенты и голосовать буду за того, кто ответит мне честнее и внятнее остальных. А для того, чтоб сделать правильный выбор, и дана человеку голова. Одна, но смотрящая в будущее...

Газета «Мир новостей», май 1996 г.

Десовестизация

Приснопамятный процесс десовестизации в нашем Отечестве проходил громко – под рев тысячеглоточных митингов, требовавших больше социализма, под залпы показательных парламентских стрельб, под плач беженцев, потерявших кров в кровавой суматохе суверенитетов, под обиженный клекот слетавшихся в страну диссидентов. Зарубежная общественность наблюдала за происходящим в России с чисто спортивным интересом, делала ставки и выигрывала. Оно и понятно – десовестизация на первый взгляд шла успешно: вместо серпа с молотом – двуглавый имперский орел, вместо советской империи – геополитический оглодок с гордым именем Свободная Россия, вместо мелких расхитителей социалистической собственности – крупные банкиры и предприниматели, вместо советов народных депутатов – мэрии и префектуры...

Впрочем, по поводу успешности этой десовестизации у меня есть свои соображения. Скажем, после окончательного развала Золотой Орды, полагаю, на Руси тоже проводилась своего рода «детатаризация», однако не мной сказано: поскреби русского – найдешь татарина. Да, попытка создать нового, советского, человека в целом потерпела крах, но, в частности, все мы немножко советские люди. Навсегда. И дети наши будут таковыми, и внуки, и правнуки. Иногда это будет почти незаметно, иногда будет поражать своей внезапной очевидностью: так в вызывающе славянской семье порой рождается маленький очаровательный чингисханчик... Но я о другом!

Дело в том, что одновременно с десовестизацией шел и другой процесс, тихий, неприметный, почти невнятный нам самим, не говоря уже о наших заморских болельщиках, переживающих как личную победу каждый гол, забитый нами в собственные ворота. Процесс этот, понимая всю его неоднозначность и сознавая условность любого термина, я решил назвать *десовестизацией*. О ней и пойдет речь.

Поверьте, я далек от того, чтобы представить доперестроечную Россию в виде заповедника, где обитали показательно нравственные и примерно совестливые жители и где верхи с заботливостью опытного любовника все время спрашивали у низов, хорошо ли им... Кабы так – советской власти сносу бы не было! Помнится, в начале семидесятых, будучи семейным студентом, я подрабатывал на стройке, почти как Шурик из «Операции “Ы”». Мы возводили дом по спецпроекту: так в те относительно совестливые времена именовалось жилье, которое в нынешнее откровенное время именуют попросту «элитным». Наша бригада состояла в основном из лимитчиков и очередников, работавших, как в ту пору выражались, «за жилье». И вот один каменщик, многолетний, надо сказать, очередник, поинтересовался, что это за странное помещение – без окон, без дверей – наблюдается в каждой возводимой квартире. «Комната для собаки», – заглянув в спецпроект, простодушно ответил прораб. Что же тут началось! «У вас совесть есть? Мне с тремя детьми жить негде, а вы комнаты для собак строите!..» – кричал каменщик. Был он хоть и не в фартуке белом, но весьма революционно настроенный. Началась стихийная забастовка, понаехало страшное количество начальства на черных «Волгах». И вот что любопытно: начальники не ругались, не возмущались, а, наоборот, чувствовали себя как-то неловко, уверяя, что в их собственных квартирах никаких комнат для собак и в помине нет. Думаю, кое-кто из них лукавил. В общем, пролетариев успокоили и вернули к общественно полезному труду, а зачинщика, бесквартирного многодетного каменщика, потом вызвали куда следует и потихоньку дали жилье из какого-то райкомовского фонда...

Но нечасто в те годы бунты против «комнат для собак» заканчивались столь удачно. Кстати, в том самом спецдоме получил квартиру мой знакомый, а вся его заслуга перед Отечеством заключалась в том, что женат он был на дочке кандидата в члены Политбюро. Именно

жажда социальной справедливости погнала наш народ из чахлого оазиса социализма в барханы демократии и зыбучие пески рыночных отношений!

Я недавно перелистал прессу первых лет перестройки. Так и есть: среди самых употребимых слов – «совесть» и «справедливость». А потом сравнил с текущей периодикой: эти два слова в ней почти не встречаются, а если и попадают, то исключительно в каком-то пост-модернистско-ироническом смысле. Эта заурядная лексическая подробность на самом деле – свидетельство огромных и страшных по своим последствиям сдвигов в общественном сознании. Вспомните, как нетерпимы мы были к любым проявлениям несправедливости! В багажнике у партийного босса обнаружили связку копченой колбасы... Позор! У маршала Ахромеева на даче два холодильника... Срам! Опять полуговорящего Брежнева на трибуну вынесли... Они что там, наверху, нас за идиотов считают? Увы, считали и считать продолжают до тех пор, пока не оказываются внизу или на кладбище...

Помнится, в школе нас заставляли наизусть учить признаки гипотетической революционной ситуации. Но судьба удружила наблюдать революционную ситуацию воочию. И теперь, на основании личных впечатлений, я хотел бы добавить еще один пункт к хрестоматийным признакам. А именно: резкое обострение у граждан чувства социальной справедливости в формах, неадекватных конкретной политико-экономической ситуации. Грубо говоря, это такая общественная ситуация, когда слезинка ребенка может непоправимо переполнить чашу народного терпения. И пусть потом историки выясняют, что это, оказывается, были слезы радости по поводу покупки внепланового мороженого.

Шучу? Только наполовину. Вспомните сарказмы и анекдоты в связи с жилищной программой, обещавшей каждой семье отдельную квартиру до 2000 года. Только идиоту было не ясно, что полностью ее выполнить невозможно. Но, с другой стороны, только идиот мог не заметить, что в ходе попытки выполнить эту неосуществимую программу миллионы семей улучшили свои жилищные условия. Не заметили... Вспомните взвинтивший общество страшный рассказ академика Сахарова о том, как наши солдаты в Афганистане расстреляли своих раненых товарищей, чтобы те не попали в плен к душманам! И не важно, что вся эта история впоследствии оказалась вымыслом. Любой ценой народная совесть должна быть воспалена – иначе серьезные социальные взрывы невозможны... Хотели разбудить совесть. А разбудили лихо! Теперь власть и на самом деле попросту бросила своих солдат сначала в огне, а потом в чеченском плену. Кого это волнует, кроме обезумевших от горя матерей?

А помните, как радовались мы тому, что посадили Чурбанова – и таким образом справедливость настигла генсековскую семейку?! Это теперь мы поняли: если за то, что сделал Чурбанов, сажать в тюрьму, значит, за то, что творят иные сегодняшние политики, чиновники и бизнесмены, нужно вешать на фонарях вдоль Москвы-реки, предварительно обжарив в подсолнечном масле! Это я, разумеется, в гиперболическом смысле. Но публицистические гиперболы довольно скоро становятся рутинной очевидностью истории.

Однако вернемся к обнаруженному мной новому признаку революционной ситуации. В 91-м целенаправленно перевозбужденное народное чувство справедливости содрогнулось в пароксизме удовлетворенной страсти и задремало, восстанавливая силы для новых битв за социальную гармонию. Тут-то и начались реформы. Кто знает, может быть, с этим естественным после многолетнего перенапряжения ослаблением социальной бдительности и связан тот известный факт, что всякое послереволюционное устройство общества поначалу менее справедливо, нежели дореволюционное? Ведь нынешний бесквартирный строитель не только о комнате для собак шуметь не станет, а будет с умилением возводить четырехэтажный особняк с зимним садом, тихо радуясь, что зарплату хоть раз в три месяца, но дают...

Справедливости ради надо отметить, люди довольно скоро поняли, что происходящее в стране совсем не то, чего ждали они от реформ, но борьба за выживание уже не давала им возможности сконцентрироваться на жажде социальной справедливости. Так в 18-м году при-

ват-доцент, которого вели расстреливать по приговору рев-тройки, вряд ли вспоминал про то, как волновал его в 13-м году вопрос: имеет ли право надзиратель обращаться к политическому заключенному на «ты»? Почему так произошло? Почему такое могло произойти? Объяснюсь метафорически. Представьте себе, что на ваших глазах пьяный мужик бьет женщину. Реакция очевидна. Смелый человек бросается в драку. Рассудительный вызывает милицию или кличет общественность. А теперь вообразите: на ваших глазах тысяча пьяных мужиков бьет тысячу женщин. «А может, это и есть шоковая терапия?» – подумают как смелый, так и рассудительный.

Советское общество было, как выражаются ученые, традиционным, и очень многие отношения в нем регулировались не законами, а издавна сложившимися, порой даже нигде не зафиксированными представлениями о том, что делать можно, а что делать нельзя. Совестью, иначе говоря. Мое детство прошло в общежитии маргаринового завода. Понятное дело: рабочие выносили то пачку маргарина, то пару банок майонеза, к празднику, случалось, вытаскивали и поболее. Но вот выяснилось, что новый наладчик в специальных мешочках под телогрейкой выносит столько, что даже приторговывать стал. «Совсем совесть потерял!» – был общий приговор, после чего мужики вызвали зарвавшегося несуну на лестницу покурить. Отбюллетенив две недели, наладчик стал как все. Собственно, даже история директора Елисеевского гастронома укладывается в эту традиционную схему. Просто вызвавшие его «на лестницу покурить» мужики оказались посуровее наших, маргариновых...

А теперь представьте себе, что в результате реформ с «территории» социализма предстояло вынести заводы, газеты, пароходы и т. д. Ведь для того, чтобы стать собственником в стране, где все общее, нужно было взять чужое, украсть, причем в особо крупных размерах. О том, как это делалось, какими разнообразными способами, включая ваучеры, осуществлялось, написано много. Я хочу обратить ваше внимание на другой аспект – нравственный. Ведь через закон переступить никто уже не боялся, ибо призыв обогащаться любыми средствами был прочмокан тем же Гайдаром достаточно отчетливо, а Гавриил Попов вообще объявил взятку, получаемую чиновником, чем-то вроде «прогрессивки» (если помните, была при социализме такая премия за рост производительности труда).

Но оставалась совесть. Один «новый русский» рассказывал мне: когда он из скромного инженера превратился в предпринимателя (старшие товарищи доверили ему прокрутить госбюджетные средства) и стал носить домой деньги чемоданами, жена на полном серьезе уговаривала его оставить себе немножко, а остальное перевести в детские дома. А то, мол, перед людьми неловко... Понятно, что с таким человеческим материалом далеко в капитализм не уедешь. Богатый должен быть абсолютно уверен: он богат, потому что умнее, а не безнравственнее бедного! А как же быть, если еще руки – после того, как взял чужое, – трясутся?

Тут-то десовестизация и приняла размах государственной программы. Осуществлялась она разными путями. Например, почти исчезла из средств массовой информации нравственная оценка представителей нарождающегося класса и способов их обогащения. Рыцари пера и микрофона сделали все возможное и невозможное, чтобы убедить общество, будто одновременный рост числа богатых и нищих – два абсолютно не зависящих друг от друга процесса. На мой взгляд, журналистика стала повивальной бабкой ублюдочного российского капитализма.

Хороший пример бессовестности подали и политики. Они меняли свои убеждения с такой же частотой, с какой топ-модели меняют на подиуме наряды. Они никогда не сознавались в совершенных ошибках, даже в тех случаях, когда в результате этих ошибок приходилось заново перерисовывать политическую карту мира, и явно не в пользу России. За иными из них тянется такой хвост компроматов, что не только суровый капитан Жеглов, но даже гуманный Шарапов забрал бы их на Петровку не задумываясь. Нынешний политический серпентарий сделал невозможное: самим фактом своего существования он полностью реабилитировал советский режим со всеми его немалыми, надо заметить, пороками!

Посильный вклад в десовестизацию общества внесла и интеллигенция, особенно ее гуманитарный подвид. Оговорюсь сразу, я имею в виду ту часть интеллигенции, которая в эти годы вела себя не как национальная элита, радетельница Отечества, а как особое сословие, даже каста, озабоченная исключительно своими узкими корпоративными интересами. И тут гораздо уместнее слово *«интеллигентство»* – по аналогии с мещанством или купечеством. Трагикомизм ситуации заключается еще и в том, что именно представителей интеллигентства время от времени объявляют «совестью народа», о чем извещают этот самый народ через средства массовой информации.

Именно интеллигентство прилепило к пострадавшей, основной, части общества ярлык «красно-коричневые» и старательно при всяком удобном случае натравливало власть на народ. А ведь помимо чисто политического маневра тут крылся глубокий нравственный, точнее – безнравственный смысл: если это действительно отребье (или ублюдки, как любил выражаться бывший министр иностранных дел интеллигентнейший Андрей В. Козырев), то и нечего мучиться совестью по поводу их обнищания и вымирания. Произошла довольно тонкая подмена понятий: неумение зарабатывать деньги было приравнено к неумению работать. Таким образом, Эйнштейн со всей своей не приносящей доходов теорией относительности был бы у нас сегодня бездельником, а человек, укравший у него в трамвае часы, был бы тружеником, ибо сумел-таки заработать детишкам на молочишко! Кстати, та сердобольная новорусская женщина, о которой я рассказал выше, очень быстро сообразила, что переводить деньги на свой счет в швейцарский банк гораздо выгоднее, чем на счет детского дома.

Бескорыстие и энтузиазм стали главными мишенями интеллигентства. Например, один актер в телешоу очень весело изображал уморительного Павку Корчагина, нелепо вкальвывающего на строительстве узкоколейки. А ведь ее строили, напомню, не для бронепоезда Льва Троцкого, а чтобы привезти дрова и спасти замерзающий город. Неужели человеку нужно оконечить в нетопленной зимней квартире, чтобы понять: есть вещи, над которыми смеяться нельзя? Но, увы, в последнее время мы часто принимаем скудоумие за остроумие. А по поводу актеров и вообще существует мнение: чем они глупее, тем легче вживаются в сценический образ.

Между прочим, причины разгула преступности скрыты не только в экономике, но и в той деформации общественного сознания, которое я называю десовестизацией. Ну на самом деле, в чем сегодня смысл предпринимательства? За большие деньги купить деньги очень большие, то есть дать взятку чиновнику и получить доступ к госбюджету. В чем сегодня смысл политики? Опустить соседнюю ветвь власти как можно ниже, а если не получается, выстрелить первым, лучше всего из танковых орудий. Скажите, может уголовный авторитет в такой обстановке чувствовать хоть какой-то нравственный дискомфорт? Может в нем, как писал Некрасов, «совесть Господь пробудить»? Нет, он чувствует себя полноправным членом такого общества. Вспомните, какими частыми гостями телеэфира стали уголовные авторитеты в начале 90-х! О сращении криминалитета, чиновничества и политиков сегодня говорят так, словно речь идет о нормальном социальном партнерстве, о чем-то наподобие нерушимого союза рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. А это уже пропасть...

Почему же мы в нее не падаем? Лишь по одной причине: процесс десовестизации не зашел столь далеко, как процесс десовестизации! Мы с постсоветской обреченностью уже не верим в социальную справедливость, но мы пока еще с советским угрюмством, уходящим корнями во времена Бусовы, верим в спасительную силу государства. Это и держит. Пока... А то ведь какую отличную тачанку можно сварганить из пулемета, купленного у нищего комбата, и джипа, угнанного у банкира!

Но и эта реликтовая державность иссякает. Молодые люди не хотят служить в армии, ибо защищать бессовестное государство никто не желает. Вот и ходит полуанекдот-полубыль про то, как солдат пишет домой: «Дорогая мама, когда ты получишь это письмо, со мной уже будет

все в порядке, я буду в плену...» А какой Жеглов станет по-настоящему бороться с преступниками, если у тех все наверху схвачено? Вот и получается, за подделанный проездной билет тебя посадят, а за жульнически приватизированный металлургический гигант, который вся страна громоздила аж три пятилетки, назовут современным Саввой Морозовым. Если пользоваться хрестоматийным сравнением, то государство – сторож, охраняющий наши покой и имущество. Следовательно, налоги, которые мы должны платить, – это как бы его, сторожа, зарплата. Но какой же дурак будет платить жалованье сторожу, когда тот постоянно привороживает у охраняемых обывателей? Вспомните историю ваших денежных вкладов в сберкассах! Вспомните, как благосклонно взирало государство на бесчисленных пирамидостроителей, обокравших миллионы людей! Вспомните, когда вы в последний раз получали зарплату или пенсию!

А теперь давайте вспомним, что сказал Борис Ельцин после операции на сердце! Он сказал, что не платить пенсии – безнравственно. Прошу отметить, он не сказал, что это антиконституционно, противозаконно, политически вредно... Он сказал – безнравственно. То, что такой несентиментальный и философски относящийся к страданиям сограждан политик, как Ельцин, вдруг заговорил о нравственности, свидетельствует лишь об одном: процесс десовестизации, как, впрочем, и десовестизации общества достиг нижней точки – и граждане относятся теперь к государству почти с таким же презрительным равнодушием, с каким государство относится к ним. От социального энтузиазма, которым даже в самые глухие годы славился наш народ, осталось лишь шоссе Энтузиастов в Москве.

За счет чего же мы будем выходить из глубочайшего кризиса? Заграница нам не поможет, это понятно уже даже клиническим западникам. Маленький, но сплоченный класс нуворишей и обслуживающее его интеллигентство не поделится, они твердо объявили: «Никто пути пройденного у нас не отберет!» Значит, по традиции возрождение России будет происходить за счет, как говаривали прежде, широких народных масс. У ста пятидесяти миллионов проще отобрать по одному рублю, чем у одного отобрать сто пятьдесят миллионов. Но для того чтобы навязать этот мобилизационный курс, нужно воззвать к гражданской совести и социальному мужеству, более того – к жертвенности. Сегодня не издеваться надо над Павками Корчагинными, а трепетно надеяться, что не перевелись они еще в Отечестве. Но для того чтобы призвать народ к жертвенности, власть как минимум должна иметь нравственный авторитет. Кто же станет приносить жертвы на загаженный алтарь! И едва ли стоит надеяться на столь восхищавший Канта нравственный закон внутри нас, когда снаружи царят безнравственность и беззаконие! Единственный выход – неотложная *совестизация* общества. Лучше, конечно, если начнется она сверху. Лучше, если сопутствовать ей будет частичная советизация – я имею в виду местное самоуправление. Лучше, конечно, если осуществлять ее будет энергичный, но умный лидер... А пока народ безмолвствует и усмешается, глядя в телевизор. Смех, конечно, дело хорошее... Хотя, смеясь, можно расстаться не только с прошлым, но и с будущим!

Газета «Труд», февраль 1997 г.

Невольный дневник

От автора

Я никогда в жизни не вел по-настоящему дневник. Несколько раз начинал и бросал через неделю. Когда осенью 1997 года я по приглашению главного редактора еженедельника «Собеседник» Юрия Пилипенко взялся вести колонку «Наблюдатель», мне и в голову не приходило, что по сути я начал вести дневник, в основном – политический. Впрочем, не только политический... Потом я вел колонку «Апофегей» в «Московском комсомольце», редактируемом моим давним другом Павлом Гусевым. Наконец, почти полгода я состоял колумнистом газеты «Труд».

Писатель в газете – явление традиционное для русской литературы. Вспомним Достоевского, Меньшикова, Булгакова... Эта работа учит самому главному – соединять сиюминутную отзывчивость с верностью себе, своим духовным принципам. А это непросто... Многие нынешние литераторы выступают в периодике со статьями, но почти никто не решается спустя некоторое время собрать эти статьи в книгу. Увы, в наше время пером или компьютерным курсором зачастую движет не жажда истины и справедливости, как завещали классики, а желание заработать или высказать корыстную преданность тенденции. Поэтому порой авторская позиция напоминает замызганное свадебное платье, которое дама, в десятый раз выходящая замуж, берет напрокат...

Но я вот рискнул и собрал вместе мои «колонки», печатавшиеся на протяжении нескольких лет, в этот «Невольный дневник». Мне скрывать нечего, я всегда писал то, что думал и чувствовал. Если я ошибался в своих оценках и прогнозах – то совершенно искренне. А искренность в наше подловатое время писатель может позволить себе только за свой счет...

1997

Право на незнание

Обещанное осеннее наступление оппозиции заменили показом по НТВ кинофильма «Последнее искушение Христа» Мартина Скорсезе. А ведь и церковные иерархи упрашивали, и православная общественность возмущалась, и народ с хоругвями да с проклятьями у телецентра топтался – бесполезно. Все равно показали, потому что так суд решил. Какой суд? Телевизионный...

Это смешно. Во-первых, суд напоминал знаменитые литературные трибуналы двадцатых годов, когда Онегина в любом случае ждал суровый приговор по той простой причине, что он лишний человек и не участвовал во взятии Зимнего. Во-вторых, рассматривать иск Православной церкви к НТВ в телесуде, организованном НТВ, – это примерно то же самое, как если иск зайца, жалующегося на лисий произвол, рассматривать во глубине лисьей норы при участии всего рыжего семейства. И в-третьих, чрезвычайно смешны были сами участники этого юриспрудентского действия: судья г-н Ворошилов, сменивший профессиональную загадочность на нюрнбергский прищур, присяжная заседательница г-жа Памфилова, по обыкновению молвящая какую-то амбивалентную чушь, и, наконец, ответчик г-н Парфенов, просто потевший от гордости за свой отважный мятеж против церковных ортодоксов. Что ж, православные – народ мягкий, не то что мусульмане, затравившие богохула Рушди с его «Сатанинскими стихами».

Я смотрел на все эти телевизионные странности и не мог понять, почему свобода слова у нас в Отечестве может проявляться исключительно в виде плевок кому-нибудь в лицо. Ведь если одна часть общества не хочет, чтобы фильм, оскорбляющий ее чувства и веру, показывали в общедоступном эфире, – зачем же устраивать шоу в виде суда с заранее известным вердиктом? Не проще ли, увидав, что сама постановка проблемы снова разделяет наше и без того разодранное общество, – уступить. Ведь никто же не предлагал побить Скорсезе камнями, сжечь мастер-кассету «Последнего искушения», никто не запрещал показывать фильм по кабельному ТВ, распространять через видеошопы. Речь не идет о запрете на информацию. Речь идет о том, что бывает такая информация, вляпываться в которую значительная часть общества не желает. Да, у нас свобода слова, но у каждого человека есть и право на незнание.

Но ведь можно, возразите вы, просто выключить телевизор. Можно... Кто-то из выступавших на телесуде заметил, что талант имеет право и на ошибку. Имеет. Знаете, в фашистской Германии было немало режиссеров-расистов, талантливо наошибавшихся в своих лентах на несколько миллионов человеческих жизней. Что ж, и такие фильмы давайте теперь крутить по общедоступному телевидению?! Не нравится – просто выключи телевизор... Не крутим – и правильно делаем. Есть информация, достойная хранения, но недостойная распространения. По крайней мере, широкого...

Вообще весь этот телесуд, сделанный на уровне телемаркета, заставил меня усомниться в умственных способностях руководителей НТВ. Ведь гораздо тоньше – удовлетворить иск Православной церкви, а для этого достаточно было заменить, допустим, присяжного Голембиовского на, скажем, присяжного Илью Глазунова. И всего делов-то... Тогда можно было бы с благородным гневом сказать: вот видите, что творят проклятые клерикалы! И выйти из этой неприличной, даже провокационной ситуации с высоко поднятой головой. Но, как говорится, чего нет за кожей – к коже не пришьешь...

Тут у читателя, конечно, возникает вопрос: а сам-то автор этих строк воспользовался результатами телесуда? Нет... В буквальном смысле Бог уберет: за пять минут до начала во

всем моем микрорайоне, на Хорошевке, вырубилось электричество и включилось только после окончания фильма. Если думаете, я шучу, – можете справиться в Мосэнерго...

Писарчуки

Население России убывает со скоростью миллион человек в год. Производство упало почти как в ноябре 41-го, когда немец стоял у Москвы. В некоторых регионах до четверти детей школьного возраста не умеют читать. В стране разгул инфекционных и особенно венерических заболеваний, будто в годы Гражданской войны. Улицы городов напоминают тир, только вместо жестяных зайцев – банкиры и предприниматели, иногда, правда, по ошибке могут замочить и прохожего слесаря. Зарплата стала чем-то вроде выигрыша в новогоднюю лотерею. Число самоубийц у нас в пять раз выше, чем в Европе. До трети призывников имеют дефицит веса – и чтобы они не падали под выкладкой, их для начала просто откармливают. Что это? Если это не национальная катастрофа, то в таком случае последний день Помпеи – всего лишь пикник с шумовыми эффектами...

Что же делают крупнейшие правительственные чиновники? Сочиняют книги. Представьте себе наркома, который приезжает на развалины Сталинградского тракторного завода с заданием его восстановить, оглядывает дымящиеся груды, выбирает местечко поудобнее, садится, кладет на колени планшет, слюнявит карандашик и начинает писать книгу. Бред? Бред... Но на самом деле ситуация еще бредовее. Ведь Чубайс и его соавторы писали свою книгу о приватизации на развалинах, ими же и нагроможденных. Или слово «ваучер» не вошло полноправным членом в дружную семью русской ненормативной лексики? Или не наши соавторы и примкнувший к ним Кох явили миру уникальную форму приватизации государственных предприятий за казенные же деньги?! Или не они на смену номенклатурному чиновнику привели номенклатурного миллиардера, назначаемого по тем же дружеским, семейным или клановым соображениям?! Вы хоть что-нибудь понимаете? Ведь Чубайсу писать книгу о приватизации в России – это примерно то же самое, что народному академику Лысенко писать книгу «Почему я так и не вывел ветвистую пшеницу». Но Лысенко при всех своих недостатках такую книгу писать не стал, а Чубайс при всех своих достоинствах стал. Напортачить, описать это да еще и заработать! Когда я служил в армии, это называлось – «оборзеть». О размерах гонорара, полученного соавторами (450 тысяч долларов), я, от имени современных российских писателей, скажу так: нам и не снилось! Это годовой гонорарный фонд всего нынешнего «Худлита» – крупнейшего издательства страны. Недавно я сам видел Валентина Распутина, шагавшего пешком из дома творчества в Переделкино до железнодорожной станции с двумя тяжеленными чемоданами. Ну нет у него денег на такси! И ведь это Распутин – писатель с мировым именем. «А вы кто такие?» – так и хочется спросить словами незабвенного Паниковского, которому за украденного гуся попадало гораздо крепче, чем теперь иным за уворованные миллиарды.

Так кто ж они такие? Писатели? Нет, не писатели, а так – писарчуки... Даже новорожденной мышши понятно, что подобные гонорары получают не за изысканность стиля или оригинальность фабулы, а совсем за другое. После всего этого правительство, призывающее нас жить по закону и платить налоги, очень смахивает на панельную даму, заклинующую клиентов не изменять женам! «Но ведь всех соавторов, кроме руководителя творческой бригады, – возразит читатель, – президент отставил!» Слишком большой шум поднялся – вот и отставил.

А Чубайса оставил. На развод...

Собчачизация

На этого человека с лицом дипломированного сутяжника я обратил внимание еще в первые, медовые месяцы отечественной демократии. По любому поводу он рвался к микрофону и по любому вопросу имел собственное, вполне правдоподобное мнение. Есть миф, что его «хождение во власть» началось с кухонного спора на бутылку коньяка. Едва ли! Исторические катаклизмы без людей типа Собчака так же невозможны, как Вальпургиева ночь без летучих мышей. Собчак пришел в политику, опираясь на ненависть народа к неуклюже скрываемым привилегиям: к домам из бежевого кирпича, где общая площадь в два раза больше жилой, к черным «Волгам» с занавесочками, к закрытым распределителям сырокопченой колбасы... Именно Собчак стал теоретиком и практиком нового подхода к старой проблеме: если народ не любит скрытых привилегий, значит, человек, облеченный властью, должен быть открыто богат и благоустроен, причем независимо от результатов его руководящей деятельности и даже вопреки им. И началась собчачизация власти... Кто приезжал в собчаковский Питер, видел, как ветшает Северная столица, как нищают люди, как эрмитажные атланты не валятся на головы экскурсантам только благодаря многовековой выдержке. Новый же мэр мгновенно из тощего микрофонного правдоискателя преобразился в дородного поедателя устриц, переехал в квартиру рядом с Зимним дворцом и стал массовиком-затейником международного уровня. Но самое главное: он стал одним из создателей нового стиля взаимоотношений власти и народа. Этот стиль принципиально отличался от линии КПСС, навязывавшей подданным свою убогую, упрощенно-марксистскую, но все-таки логику. Новый принцип гласил: у этого быдла вообще нет никакого логического мышления, поэтому можно лепить любой вздор – пипл схавает... Кстати, приватизация – всего лишь частный случай собчачизации российской экономики и политики.

В точном соответствии с этим новым принципом и вел себя Собчак, будучи мэром. Точно так же ведет себя он и теперь, когда журналисты стали печатать о нем разоблачительные материалы, а следственные органы задавать некоторые вопросы. Любой студент юрфака, если за ним нет греха, спокойно пойдет по адресу, указанному в судебной повестке. И вдруг безвинный профессор права пугается вызова к следователю, точно монашка, обнаружившая у себя под подушкой искусственный фаллос. Где же логика? Ах, я совсем забыл, что мы с вами логическим мышлением не обладаем и наше дело, глядя в телевизор, просто сочувствовать несчастному экс-мэру, затравленному супостатами до тяжкого сердечного недуга! Постойте, какими такими супостатами? У нас же не мафиозный паханат, а демократическое общество во главе с гарантом! А если и есть некоторые странности, выражающиеся иногда, например, в танковой стрельбе по парламенту, то почему же Собчак не замечал этого, возглавляя вторую столицу и активно участвуя в разработке новой конституции свободной России? Бывшему мэру обижаться на нынешнюю российскую действительность так же нелепо, как арестованному наркому Ежову сетовать на жестокость следователей НКВД. Впрочем, я опять забыл, что у нас с вами нет и не может быть логического мышления, поэтому мы должны во всем верить депутатке Нарусовой, превратившейся в своего рода телевизионную Шахерезаду.

Сейчас Собчак в Париже, в городе, куда со всего света съезжаются художники, влюбленные и обмишурившиеся политики. Он бодр и спокоен – ведь в далекой России дело его живет и побеждает: собчачизация продолжается...

Дети «Артека»

В Москве имел место быть учредительный съезд Конгресса интеллигенции РФ. Посетили его разные ударники умственного труда, но преобладали там все-таки люди, которых объеди-

няют между собой две особенности. Первая: все эти интеллектуалы резко критически относятся к советскому периоду отечественной истории и достаточно лояльно к текущему моменту. Вторая: все они получили известность, звания, чины именно при советской власти, и вряд ли нужно объяснять, что получили не за борьбу с режимом. И если нелюбовь автора фильма «Офицеры» Бориса Васильева к большевикам хоть как-то можно объяснить его блуждающими дворянскими генами, то аналогичное чувство, испытываемое, скажем, бывшим главным редактором журнала «Сельская молодежь» Олегом Попцовым (не путать с Олегом Поповым), необъяснимо до иррациональности. Другими словами, без Фрейда не разберешься... Хотя, впрочем, советофобию некоторых моих сверстников, сорокалетних людей, я объясняю трудным детством, проведенным в «Артеке».

Замечательна фигура главного организатора съезда – лидера движения «Народные дома» Сергея Филатова – в недавнем прошлом главы администрации президента. Благодаря его присутствию весь съезд напоминал чем-то празднование дня рождения бывшего директора гастронома, в течение многих лет снабжавшего дружественную творческую и научную интеллигенцию съестными редкостями. И хотя теперь он уже не повелевает дефицитами, друзья-интеллигенты в благодарность за былое собрались почествовать бывшего завмага, тем более что в гости обещался еще и начальник торгового, в последний момент, к сожалению, захворавший гриппом. Но раз уж собрались – почему бы не потолковать о судьбах отечественной интеллигенции, а точнее – интеллигентства?

Я не раз уже писал о том, что разделяю интеллектуалов на два, так сказать, отряда. Интеллигенция – это те работники умственного труда, которые более озабочены судьбой народа, Отечества, нежели собственным благополучием. Второй отряд – интеллигентство (по аналогии с дворянством, купечеством) – это те интеллектуалы, которые прежде всего беспокоятся о личном благополучии и интересах своего социального слоя. Сказать, что первое хорошо, а второе плохо – не сказать ничего. Когда интеллигенция приходит к власти – она начинает строить новую жизнь, часто даже не спросив, а хочет ли этого народ. Когда интеллигентство приходит к власти – оно начинает строить загородные виллы, не поинтересовавшись даже, что думает об этом народ. Кстати, народ в противостоянии, в полемических битвах интеллигентства и интеллигенции стал чем-то вроде дощечек «Велесовой книги». Одни считают их подделкой, вторые – подлинной вещью, но ссылаются и те и другие постоянно... Очевидно: интеллектуалы, собравшиеся на учредительный съезд, новую жизнь строить не собираются. Скорее всего их объединяет озабоченность тем фактом, что власть им явно недодала за активное участие в демонтаже предыдущего режима. Возможно, для выбивания из власти этой «задолженности по зарплате» и был учрежден на съезде постоянно действующий Конгресс с соответствующим аппаратом. Впрочем, наиболее талантливые и энергичные делегаты съезда многого от власти не ждут. Они заняты возделыванием своих профессиональных садиков, о чем, например, не лукавя, и сказал в телеинтервью Олег Табаков. Что ж, зал в его замечательном театре «Табакерка» очень невелик, и, полагаю, то обстоятельство, что население России убывает на два миллиона человек в год, он почувствует на себе не скоро...

Стул президента

Президент перенес грипп без осложнений, обследовался в кардиологическом центре и с отлично функционирующими шунтами вернулся на работу в Кремль, чтобы в начале января отправиться в очередной отпуск. Эта информация облетела все СМИ, как раньше облетала весть о запуске очередного советского космического корабля. Тема президентского здоровья, надо сказать, гораздо больше занимает наши СМИ, чем, например, то обстоятельство, что по продолжительности жизни постсоветский человек скоро догонит первобытных охотников, погибавших, если верить антропологам, вскоре после наступления половой зрелости.

Рассуждая о власти, о будущих президентских выборах, комментаторы все-таки позволяют себе иной раз иронию и даже сарказм, но когда заходит речь о здоровье гаранта, даже у самых ядовитых журналистов в голосе появляется та жизнеутверждающая вкрадчивость, с которой в коридорах ЦК некогда восхищались небывалой работоспособностью генсека, ежели его начинали вместо искусственного питания кормить с ложечки. С тех пор многое изменилось. О президентском кресле теперь можно говорить по-всякому, но о стуле президента, как прежде, – хорошо или ничего! Я тут как-то на досуге вдруг осознал: моя жизнь с конца восьмидесятых прошла под знаком состояния здоровья Б. Н. Ельцина. То вся Москва шепталась о странной речи, произнесенной им под влиянием неведомых снадобий с трибуны партийного пленума. То вся страна радовалась его благополучному падению с элитного моста где-то в районе правительственных дач. То вышедшая на простор площадей кухонная интеллигенция до хрипоты обсуждала «эффект Буратино», обрушившийся на борца против привилегий во время пребывания в Америке. То докучливый Верховный Совет требовал экспертизы состояния Ельцина, который поднялся на трибуну перед депутатами, предварительно разгорячась в теннисном матче с верным Бурбулисом...

Репетицию немецкого оркестра, беспробудный шеннонский сон, сорок тысяч курьеров-снайперов, финскую войну в шведских снегах и многое другое я опускаю, так как все это уже вошло в сокровищницу общенациональных курьезов. Напомню лишь президентские выборы, когда народ, затаив дыхание, гадал: кто же победит – Зюганов или недуг? Победил Ельцин – и Зюганова, и недуг. А потом была знаменитая операция на сердце – и на несколько часов «атомный чемоданчик» оказался в руках премьера Черномырдина, очень хорошо знающего, сколь крепко пожать десницы президента, даже когда он на бюллетене или в отпуске. У Е. Шварца где-то сказано, что человека легче всего съесть, когда он болеет или в отпуске. А тут мы имеем до уникальности обратную картину! Вот недавно здоровехонький генерал Николаев был отправлен в отставку бюллетенящим президентом. Сподвижники всенародно избранного прекрасно понимают: если тебя вызывают на ковер, то неважно, где он расстелен – в Кремле, Завидове или Барвихе.

Президент выздоровел – и скоро уйдет в отпуск. Я где-то читал: чтобы проверить организацию производства, надо директора отправить в отпуск. Если все продолжает, как и при нем, исправно функционировать, значит, производство отрегулировано прекрасно, а сам отпускник – отличный руководитель. Если же производство нарушается, значит, руководитель не слишком хорош, не доверяет подчиненным. Третий вариант: производство работает плохо, но после ухода директора в отпуск налаживается. Следовательно, начальник совсем ни к черту – и его нужно гнать. В этих трех случаях все ясно. А что прикажете делать, если плохо налаженное производство остается таким же скверным и после ухода директора в отпуск? Вот ведь вопросец!

1998

Новый год как зеркало русской революции

Наверное, как и многие из вас, значительную часть праздничных дней я провел у телевизора. Сначала я недоумевал, потом злился, но в конце концов призадумался. Ведь телевидение, в том числе новогоднее, – это всего лишь одно из зеркал, отражающих нашу с вами жизнь. Что же отражало это зеркало? Посмотрим...

Ну, о поздравлении президента я просто промолчу. Замечу лишь, что всенародно избранный, видимо, вообще вскоре будет появляться на работе в Кремле раз в году – чтобы поздравить реформируемую им страну с наступающей деноминацией. Бросалось в глаза и другое. Наши многочисленные каналы все эти дни крутили примерно одни и те же отечественные фильмы. На одном канале «Покровские ворота» открывались – на другом тем временем закрывались. На одном канале Шерлок Холмс только начинал читать странное объявление в газете и глумиться над недогадливым Ватсоном, на другом он уже гонялся за собакой Баскервильей. Это очень напоминало новогодний карнавал, на котором несколько человек решили каждый по-своему удивить общественность и после долгих размышлений все до единого вырядились маленькими лебедями. Не согласовали... Недавняя трагедия на Северном Кавказе, когда несколько силовых структур не согласовали действия по отпору террористам, не из этой ли самой оперы, увы, уже кровавой, а не комической? Понимаю, параллель неожиданная, даже рискованная, но вы задумайтесь: телевизор ведь – всего лишь зеркало!

Бросалось в глаза преобладание на праздничном телеэкране ремейков, то есть переделок различных сюжетов, хорошо нам знакомых по советским временам. Но если о главном нам продолжают петь старые песни, и, как правило, поют хуже, чем прежде, – то что же это за такое «главное»? У каждого времени, как известно, свои песни. Какие же песни у нашего времени – «Зайка моя» или «Давно не бывал я в Донбассе»? Теперь становится ясно, почему, несмотря на все призывы, мы никак не можем сформулировать нашу национальную идею. Если это старая идея на новый лад, то так и скажите. Но тогда объясните, почему ради этой старой идеи всю страну уже не один год держат в позе бегуна, присевшего на низкий старт.

Далее. На всех каналах наблюдался почти один и тот же набор знаменитостей – в основном эстрадные звезды и актеры, разбавленные политиками останкинского масштаба. Представители всех остальных профессий в нынешнем эфире такая же редкость, как треска в водах Лазурного Берега. И так, на одном канале звезда имярек учила нас готовить новогодний пирог, на другом та же самая звезда пела, на третьем она же рассуждала о тайнах бытия, на четвертом рассказывала смешные случаи из своей эстрадно-кулинарной практики, на пятом интервьюировала другую звезду, покрупнее, на шестом травила нас анекдотами. Номера каналов условны и не совпадают с теми, что обозначены в телепрограмме, но суть от этого не меняется. Не напоминает ли это вам ситуацию на нашем политическом Олимпе, где человека могут с треском погнать из вице-премьеров, чтобы вскоре назначить главой администрации или первым помощником, а потом снова – вице-премьером. И чем в таком случае «сильные ходы» президента отличаются от «новых проектов» нашего ТВ? Ох, узок круг как реформаторов, так и звезд. Степень их удаленности от народа постарайтесь определить сами.

И последнее соображение. Если коммерциализация, а точнее сказать, самая откровенная торговля эфиром привела к таким неутешительным последствиям для телезрителей, то стоит ли торопиться с законом о купле-продаже земли?! Допускаю, что и эта параллель на первый взгляд может показаться неожиданной. Но вы все-таки задумайтесь!

Не возвращайтесь, Владимир Семенович!

В предъюбилейные недели часто приходилось слышать с экрана и читать в прессе единообразные сетования типа: «Эх, Высоцкого бы сейчас!» Даже юбилейный концерт прошел под эпиграфом «Я все-таки вернусь!». Лично мне трудно себе представить сегодняшнего Высоцкого. И не потому, что я не могу вообразить шестидесятилетнего Владимира Семеновича. Очень даже могу: такие люди в сути своей, в своей нравственной и социальной энергетике обычно не меняются до последнего часа, даже если уходят глубокими старцами.

Но именно поэтому-то я и не могу представить себе Высоцкого в нашей нынешней жизни. Кто-то способен, устав от тщательно просчитанного гитарного вольномыслия, заняться телевизионной стряпней. Кто-то, взгромоздясь на обломках страны, может как ни в чем не бывало дребезжать свои похожие на одну бесконечную макаронину постмодернистские тантры. Кто-то рад, истомившись в худосочном андеграунде, весело подхарчиться в рок-агитке «Голосуй или проиграешь!». Но Высоцкий? Неужели и он бы?.. Надрывная, испепеляющая искренность – вот что сделало его властителем душ целого поколения. Его сегодня пытаются изваять борцом с коммунистическим режимом. Ерунда! Просто у человека с обостренным чувством справедливости всегда, с любой властью будут особые счета. Да, его, как и всех нас, бесила прокисшая идеология, облаченная в номенклатурное финское пальто и суловский каракулевый пирожок. А вы думаете, он бы сегодня был в восторге от очередного пресс-секретаря, который, отводя рыскающие глаза от объектива, расхваливает несмышленому народу свежий политический ляпсус? Да, его возмущали танки в Праге. А вы полагаете, он обрадовался бы танкам у Белого дома? Да, его унижало положение советской культуры, бегающей на коротком поводке у соответствующего отдела ЦК. А вы уверены, что ему пришлась бы по душе постсоветская культура, роющаяся, как выгнанная из дому собака, по помойкам и фондам? Да, его, выросшего в послепобедной Москве в семье офицера-фронтовика, возмущала официальная полуправда о Великой Войне. Но уверен, он бы до зубовного скрежета ненавидел тех, кто рассуждает сегодня о коммунофашизме, по странной прихоти истории победившем национал-фашизм, презирал бы тех, кто с высот общечеловеческих ценностей плюет на распатроненную нашу нынешнюю армию. Да, он умел посмеяться над дикостями железного занавеса. Но едва ли ему понравилась бы нынешняя торговля страной на вынос и на выброс.

Высоцкий прекрасно сыграл презиравшего ворье сыщика Глеба Жеглова. И мне трудно вообразить Владимира Семеновича поющим перед разомлевыми кирпичами, фоксами и горбатыми (не путать с Горбачевым!), которые обзавелись теперь «мерсами» и «мобилями», расселись не по тюрьмам, а по банкам, министерским и парламентским креслам. Я не представляю себе Высоцкого нахваливающим на президентской кухне котлеты Наины Иосифовны. Я не представляю себе Высоцкого на обжорной презентации в то время, когда голодают учителя и шахтеры. Я не представляю себе Высоцкого в новогодней телетусовке где-то между оперенным Б. Моисеевым и смехотворным М. Задорновым. Не представляю...

Или же просто боюсь себе представить Высоцкого в наше время, когда говорить, писать, петь, орать правду, может быть, и не так опасно, как прежде, зато совершенно бесполезно! Я ведь и куда более могучего властителя дум и душ, Александра Исаевича Солженицына до его возвращения не мог себе представить существующим посреди обрушенного Отечества в каком-то нахохленном полумолчании. А вот поди ж ты...

Не возвращайтесь, Владимир Семенович! Не надо...

В помощь сочинителям гимнов

Кажется, процесс воссоединения Белоруссии и России, одно время забуксовавший, двинулся к своему счастливому завершению. Бодрый и энергичный президент Лукашенко побывал в Москве, обнялся с президентом Ельциным, – и речь уже пошла ни много ни мало об общей государственной символике – гербе, гимне и так далее. Редкий случай, когда объятия мужчин, к тому же политиков, оказались небесплодными.

Как-то сами собой в печати поутихли разговоры о том, кому это воссоединение выгодно. Вдруг, словно из-за железного занавеса, просочилась информация, что у белорусов дела-то идут: производство растет, культура живет, зарплата трудящимся выдается, даже оппозиция процветает – новую газету затеяла. Конечно, иной раз, глядя в телевизор, рядовой россиянин может подумать, будто суд над журналистами-границепроходцами – самое важное событие белорусской экономической, политической и культурной жизни, но комментарии стали осторожнее, а «обыкновенный лукашизм» совсем вдруг выпал из лексикона обозревателей. Кстати, самое время поведать телезрителям, например, про писателя Иванова, которому в Литве впаляли год тюрьмы не за попытку перейти границу, а всего-навсего за издание книги, нетрадиционно освещающей те, давние события вокруг Вильнюсского телецентра. Но свобода слова у нас пока разборчива, как капризная невеста. Поэтому-то из-за узника литературной совести Иванова пока еще не сопит сердито Киселев и не пенится наш правозащитный ПЕН-клуб. Подождем, когда НАТО в Прибалтику придет. Засопят и запенятся...

Во время своего визита президент Лукашенко встретился в белорусском посольстве с российской творческой интеллигенцией. Пришли туда, разумеется, те деятели культуры, которые с самого момента разъединения братских народов не мирились с этим геополитическим бредом и боролись как могли. Налетели, понятное дело, и такие, никогда не унывающие деятели, которые будут так же лихо петь, плясать и юморить, даже если ближним зарубежьем станут Мытищи. Деятели, честно говоря, мне не симпатичные, но у них имеется особое качество. Об этом качестве немного подробнее. У меня есть кошка Муся и есть холодильник, открывающийся с легким, почти неуловимым щелчком. Так вот, в каких бы отдаленных углах квартиры Муся ни скиталась, услышав звук открываемого холодильника, она мгновенно окатывается у ног и, облизываясь, смотрит на меня преданными желтыми глазами. Сходным качеством обладают и те мастера искусств, о которых речь. Их появление на встрече с президентом Лукашенко, их затейливые речи и здравицы, откровенно скажу, меня обрадовали: почувствовали, значит, чертяки, некий судьбоносный щелчок великого государственного холодильника, поняли, что это всерьез и надолго.

Нет, я не издеваюсь. Я, увя, наконец понял, что ни одна серьезная перестройка общественного сознания (а таковая всегда обходится налогоплательщикам недешево!) просто невозможна без этих людей, обладающих уникальным чутьем на личную выгоду и молниеносной реакцией на изменение конъюнктуры. И дай бог, чтобы на воссоединение наших народов они потратили хотя бы треть той энергии, каковую израсходовали в свое время на поругание и осмеяние «империи зла» и «тюрьмы народов». Не исключено, что кто-нибудь из них напишет и высококачественный, соответствующий новым историко-политическим реалиям текст к знаковой до слез музыке александровского гимна. Могу даже (надеюсь, С.В. Михалков меня простит) подсказать им первые две строчки:

В союз нерушимый республик свободных
Сплотились Россия и Белая Русь...

Ну а дальше уж пусть сами...

Еврофаковцы

История любит размах! Лучше, конечно, выиграть сражение или резко поднять благоденствие народа. Но если не получается ни то, ни другое – можно придумать что-нибудь тоже размахистое, но поскромнее. Например, отправить несколько тысяч молодых россиян из хороших семей учиться за границу. Зачем? Такой вопрос вроде бы и неудобно задавать ввиду красоты и широты государственного жеста. А я все-таки спрошу: «Зачем?»

Ученье за границей давно уже перестало быть редкостью. Дети и внуки крупных чиновников и предпринимателей, по просачивающимся в прессу сведениям, давно уже там учатся толпами. И едва ли затем, чтобы подсмотреть, чем в европах теперь ружья чистят. Наши бизнесмены и так туда стаями летают, унося в клювах то пушок от стратегического секрета, то перышко из национального достояния, вьют виллы в Испании и Англии. Могли бы и подсмотреть – мимолетом!

Говорят, за границей можно узнать тайну золотого ключика, отпирающего дверь в волшебную страну рыночного благоденствия. Но ведь все наши молодые реформаторы стажировались за рубежом и ничего оттуда не привезли, кроме привычки с европейским изяществом врать по телевизору и делать за казенный счет евроремонт. Оттого, что они сносно говорят по-английски и надувают щеки в Давосе, рядовому налогоплательщику, как говорится, ни тепло ни холодно, а многим и попросту голодно.

Или у нас опять наступают времена, когда кадры решают все? Было ведь некогда целое движение рабфаковцев. Страна готовилась к Большому Скачку. И совершила его, хоть и тяжелой ценой. Но не нам осуждать эту цену, не нам – свидетелям того, как сотни тысяч погибли в горячих точках, миллионы стали беженцами, а десятки миллионов превратились в нищих. Зачем нам еврофаковцы? У нас ведь в стране не Большой Скачок, а Большой Сачок. Уникальные специалисты без работы сидят, академики от позорной безысходности стреляются!

Теперь, после нескольких лет старательного самооплевывания, многие отряхнули глаза и вдруг с удивлением обнаружили, что, оказывается, наша система образования – одна из плодотворнейших. Я лично общался со многими западными гуманитариями, их односторонность напоминает даже не флюс, а прыщ на флюсе. Жалуемся на утечку мозгов. Но если бы эти мозги были заполнены чепухой, никому бы они нужны не были, никуда бы не утекали – дома сидели. Да, перед операцией Ельцина консультировало пожилое американское светило, но ведь резал-то президентское сердце, простите за прямоту, наш хирург! И вот, пожалуйста, о третьем сроке уже поговаривают...

Упаси бог, я не против того, чтобы наши учились за границей! Но тратить на это народные деньги, когда собственная высшая школа и фундаментальная наука напоминают доходягу, это то же самое, как из блокадного Ленинграда посылать гуманитарную помощь в нейтральную Швейцарию, где Штирлиц лично насчитал в ресторане двадцать видов десерта из сливок.

И последнее. Отправка еврофаковцев на учебу ненавязчиво сравнивается с аналогичным поступком Петра Великого. И в этой параллели есть определенный смысл: импульсивный царь тоже в свое время предпочел эволюционной преемственности «шоковую терапию», хотя по сути продолжал все то, что гораздо спокойнее, разумнее и *национальнее* начинали осуществлять его предшественники. Кроме того, многие ученые давно уже связывают с этой петровской акцией начало процесса принципиального отрыва русской элиты от народа. А кончился этот отрыв, как известно, Октябрьским взрывом. Не мной замечено: нелепо рубить в Европу окно, а тем более – отдушину. Дверь надо ладить. Таковую, чтобы открывалась и в ту, и в эту сторону. Но не ногой, конечно...

Виртуальная кровь

Сейчас, когда я пишу эти строки, операция «Гром в пустыне» еще не началась, но может начаться в любой момент. Телевидение постоянно держит нас в курсе подготовки удара по Ираку. Вот взлетают с палубы авианосца крылатые боевые машины, похожие на те, что мы видели в фильме «Звездные войны». Вот из транспортных самолетов спускаются веселые американские солдаты, экипированные, как собравшиеся в Палестину крестоносцы. А вот и сам усатый Саддам Хусейн, настырно отказывающийся допустить международных экспертов в свои дворцы. На него европейский принцип «Мой дом – моя крепость» не распространяется.

Все это, честное слово, напоминает рекламную кампанию дорогостоящего боевика, премьера которого искусно откладывается для того, чтобы подогреть азарт зрителей и увеличить сборы. И пока весь мир, затаив дыхание, ждет оглушительной премьеры, легковушку публику пичкают интервью с кинозвездами, рассказывают ей о каскадерских трюках, показывают специально сконструированного для этой ленты электронного монстра – величиной со статую Свободы.

Политика всегда театральна, даже водевильна, но когда она продолжается в форме боевых действий, отношение к происходящему традиционно меняется: кровь есть кровь. По крайней мере, так было раньше. Теперь на наших глазах происходит некое качественное искажение международной нравственности. Нам предлагают отнестись к неизбежным жертвам и разрушениям как к виртуальной реальности. И, вероятно, убедить в этом тех, чей жизненный опыт почерпнут в основном из компьютерных игр, не так уж сложно. Заметно и то, как предстоящая трагедия все более и более обрастает некими фарсовыми деталями. Человек, который должен отдать приказ о бомбардировке «аморального Саддама», сам в настоящее время занят тем, что, попавшись на «аморалке», отбивается от обвинений в оральных и прочих домогательствах, как говорится, несовместимых с занимаемой должностью. В. Жириновский, летя в Багдад голубем мира, попутно дает плюху российскому послу в Ереване, а потом ритуально купается в заповедном озере. Смех да и только!

Во всей этой несерьезности, как специально, тонут голоса здравомыслящих людей. А ведь и вправду: одно дело ракетно-бомбовый удар по Ираку, оккупировавшему Кувейт. И совсем другое дело – плановое кровопускание только за отказ показать тайные объекты. Но никто уже не обращает внимания на несоответствие преступления и наказания. Никто уже не вспоминает, что на планете немало государств, десятилетиями нарушающих нормы международного права и установки ООН. Это как в классе: строгий учитель выбрал одного озорника и порет его в назидание остальным юным хулиганам.

Косноязычная попытка президента Ельцина указать на рискованность такого поворота событий была просто пропущена мимо ушей нашим старшим заокеанским братом. Более того, отечественное телевидение вдруг начало интенсивно отмечать десятилетие (на редкость круглая дата!) вывода советских войск из Афганистана, освежая у россиян комплекс вины как раз накануне американской силовой акции. Но я не уверен, что у СССР было меньше геополитических причин для введения войск в Афганистан, чем у Америки для проведения операции «Буря в пустыне». Однако это никого не интересует – ведь в Афганистане пролилась кровь! Настоящая... Кровь же, которую прольют в Ираке, будет, очевидно, виртуальной. Если смотреть по телевизору...

Нью-застой

Прочитал я тут недавно, что мой знакомый писатель-постмодернист получил к пятидесятилетию литературную премию. Когда-то такое, помнится, уже было – давали премии не за

творчество, а за возраст. Ну, конечно, это было при застое! Стал я сопоставлять – и ахнул: «А ведь снова при застое живем!» Впрочем, если учесть, что английский язык, судя по вывескам, стал у нас вторым государственным, лучше назвать наше сегодняшнее состояние «ню-застоем».

Судите сами. При застое в страну ввозили хлеб и ширпотреб. За нефть и газ. Сейчас ввозится почти все. Если с прилавков убрать импорт, на них будет так же пусто, как на митингах Демвыбора России. При застое, если помните, производство группы «Б» отставало от группы «А». Сегодня вообще «А» упало, «Б» пропало... Если бы не Газпром, мы бы давно уже друг друга ели и огонь трением добывали! Прежде в Москву ехали за колбасой, потому что основная часть колбасы была в столице. Теперь в Москву едут за деньгами, потому что до восьмидесяти процентов всех денег – здесь. В результате в представлении окраинных жителей Москва как была, так и осталась не собирательницей, а обирательницей земель русских.

Побывал я недавно в школе – со старшекласниками беседовал. До перестройки, рассказывали они мне, народ был нищим и голодным, а богатыми были секретари райкомов. И тогда пришел Ельцин... Батюшки! Именно так, когда я учительствовал, предписывалось говорить о дореволюционной России: народ был нищим и голодным, а царь и капиталисты богатыми. И тогда пришел Ленин...

При застое основная часть интеллигенции была прикормлена. Думать она могла все, что угодно, но говорить только то, что надо. Немногочисленных инакомыслящих государство старалось держать в строгой захудалости, но это не всегда удавалось ввиду широкой международной поддержки антисоветских смельчаков. Нынче, наоборот, прежние инакомыслящие прикормлены (это гораздо дешевле ввиду их немногочисленности!) и говорят то, что надо. Если они начинают говорить не то, что надо, то испаряются из эфира, как плевки с каминной решетки. Вспомните хотя бы утраченную совесть русской интеллигенции Сергея А. Ковалева. Основная же часть интеллигенции держится в строгой захудалости, но может при этом думать и говорить все, что угодно, – на кухнях, как и прежде...

Продолжим наш сравнительный анализ. При застое химик руководил культурой. При ню-застое доктор исторических наук руководит военно-промышленным комплексом, а Немцов – реформами. При застое генсек вручал своему сыну, заместителю министра, ордена. При ню-застое президент вручает своей дочери бразды правления. И снова, как в прежние годы, на высшем уровне лобызуются. Смотрю телевизор: Ельцин и Кучма целуются, словно два крупных геополитических голубя. Нацеловались. В результате долги Украине прощены, а все договоренности идут в ущерб России. Значит, опять помогаем симпатичным государствам вопреки собственным интересам?

Можно еще долго проводить параллели между застоем и ню-застоем. Попробуйте сами на досуге! И задумайтесь вот о чем. Последнее десятилетие стоило нам страшно дорого: оборона и вымирает основная часть населения, утрачены исконные земли, потерян международный авторитет, подорвана обороноспособность... Ради чего? Ради того, чтобы из застоя попасть в ню-застой...

Отверженные

Чуть больше года назад умер поэт Владимир Николаевич Соколов. Людям, по-настоящему разбирающимся в стихах, нет смысла разьяснять его место в русской поэзии XX века. Для тех, кто не разбирается, постараюсь пояснить. Давайте представим себе всю русскую поэзию текущего столетия в виде, допустим, десятиэтажного дома. Поэты, ушедшие и здравствующие, обитают в этом воображаемом здании каждый соответственно своему значению: чем крупнее талант – тем выше этаж. Про нахраписто экспериментирующую и графоманящую ораву в подвале этого поэтического чертога не стоит и говорить. Минуем второй этаж,

где слышны куплеты да гитарный перезвон. Задержимся ненадолго на седьмом, около двери, откуда крепко тянет поэтическим потом и нобелевской лаврушкой. А теперь туда, вверх, на десятый – где Ахматова, Блок, Белый, Заболоцкий, Есенин, Георгий Иванов, Маяковский, Мандельштам, Соколов...

Последние лет двадцать Владимира Соколова звали за глаза «классиком» – все понимали, что он один из немногих поэтов, которые будут представлять российскую литературу XX века в третьем тысячелетии. Это понимали даже выстраиватели советских литературных иерархий: Соколов был лауреатом Государственной премии СССР. Вроде бы не оспаривали это и устроители поминок по советской литературе: Владимир Николаевич стал первым лауреатом возрожденной Пушкинской премии. Он никогда не занимался политикой – только поэзией, что в период торжества партийности литературы строго не приветствовалось. Но ему, Соколову, прощалось. За талант. Тяжко выговорить, но уйди он из жизни тогда, лет десять назад, государство на его могиле поставило бы достойный памятник, а на стене дома в Лаврушинском переулке уже давно висела бы мемориальная доска. Бог отпустил Соколову иной срок – весной этого года ему бы исполнилось 70. Поэт со своими жизненными и творческими принципами почти десятилетие прожил в новой, постсоветской эпохе. Не старался ухватиться за сучья противоборствующих ветвей власти, не участвовал в президентских кампаниях. Он просто служил великому русскому слову. С тем и ушел...

И что же? О том, как трудно жил поэт в последние годы, как всем миром собирали деньги на похороны, – умолчу: слишком свежи воспоминания. Мемориальная доска? Доски на домах в Москве теперь вообще не в чести, хотя любая «цивилизованная» европейская столица отличается прежде всего обилием памятных знаков, связанных с деятельностью выдающихся людей. Памятник на могиле? Все попытки комиссии по литературному наследию добиться от государства средств на установку надгробия окончились безрезультатно. Памятниками нынче расторопно придавливаются криминальные авторитеты, павшие в разборках и перестрелках. Пламенному борцу с застоем, успевшему вовремя сжечь партбилет, казенный мрамор тоже обеспечен. Какому-нибудь «реформатору», попавшему под горячую руку голодным шахтерам, на памятник деньги нашли бы. Соколову не нашли...

Что это? Случайность? Вряд ли... Наше нынешнее государство откровенно не любит литературу, ибо она, неумная, все время пытается осмысливать происходящее в Отечестве с позиций вековых нравственных принципов и исторических законов, а не приватизационных интересов. Российская словесность взывает к совестливости и чувству ответственности, к тем человеческим качествам, которые нынче во власти встретишь реже, чем кокосовую пальму в сибирской тайге. Литература сегодня фактически отделена, отвержена от государства, как, впрочем, отделены и отвержены – промышленность, земледелие, армия, наука, просвещение... Осталось отделить от государства народ. Или уже отделили?

Геополитическое похмелье

Еще в конце 80-х дальновидные люди предупреждали, что эйфория общечеловеческих ценностей скоро пройдет и наступит суровое геополитическое похмелье. Так и вышло. Только теперь после лукавой козырьковой всеуступчивости России предстоит тяжело биться за каждый свой интерес, за каждую бездарно утраченную позицию в мировой политике и экономике, за каждого трусливо брошенного и умело перехваченного союзника.

Разумные люди сразу же после подписания Беловежских соглашений говорили, что главной проблемой постсоветского пространства будут миллионы русских, оставленные без всяких прав и гарантий в ближнем зарубежье. Но трибунных правозащитников тогда куда больше интересовали тайные параграфы пакта «Молотова – Риббентропа», нежели явная ущербность цидулок, подписанных в Беловежской Пуще. Думаю, последнему оставшемуся у власти бело-

вежцу Б. Ельцину и самому явно неловко вспоминать о тех временах. Не с этим ли связан тот факт, что почти все его тогдашние советчики безжалостно удалены из политики?

А сколько суровых слов было сказано и написано в свое время по поводу книги Игоря Шафаревича «Русофобия»! И что же? В заявлении Министерства иностранных дел России в связи с недавними событиями в Латвии слово «русофобия» уже вполне официально фигурирует как горькая, но объективная констатация того, что в этой прибалтийской республике на государственном уровне осуществляется дискриминация людей по национальному признаку. Вот вам и кусочек Европы посреди «советской азиатчины»! Сколько публицистического задора было потрачено на выявление и обезвреживание «русского фашизма»! В результате латыши, воевавшие в дивизии СС, устраивают в Риге свои парады в то самое время, когда нынешняя, объединенная Германия регулярно извиняется перед наиболее пострадавшими народами за гитлеровские злодеяния полувековой давности.

Я вспоминаю одного литератора перестроечных времен, который просто брызгал чернилами, борясь против «синдрома старшего брата». Но разве «старший брат» лишал «младших братьев» гражданских прав, вводил запреты на профессии, выгонял из домов, превращал сотни тысяч людей в беженцев? Нет. Он нес все тяготы социалистического строительства и социалистического беззакония. А старшинство заключалось в том, что ему, старшему, и доставалось порой крепче всех. И как ни относиться сегодня к советской власти, но именно при ней в республиках была воздвигнута промышленность, оформились государственные структуры, выросла национальная интеллигенция – короче, все то, что и сделало возможным возникновение на развалинах СССР новых государств. Совсем не случайно в большинстве стран СНГ у власти остались представители старой советской номенклатуры. И если даже бывшие «ставленники Москвы» оказались столь незаменимы в постсоветские времена, то за что же тогда глумиться над военными, инженерами, учителями, агрономами, строителями, учеными и другими лицами некоренной национальности, оставшимися жить в новых государствах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.